

Научный журнал
«Вестник Уральского государственного
университета путей сообщения»
№ 3 (27), 2015 год

**Главный редактор,
научный редактор**
Василий Михайлович Сай

Литературный и выпускающий редактор
Людмила Станиславовна Барышникова

Техническое редактирование и верстка
Светлана Николаевна Наймушина
Дизайн обложки
Ольга Петровна Игнатьева

Учредитель и издатель:
Уральский государственный
университет путей сообщения
(УрГУПС)

Адрес для корреспонденции:
620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 66, УрГУПС,
редакция журнала
«Вестник УрГУПС»

Телефон редакции: (342) 221-25-60.
Веб-сайт: www.vestnik.usurt.ru;
e-mail: vestnik@usurt.ru.

Журнал издается по решению
ученого совета университета
©УрГУПС

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Роскомнадзора ПИ № ФС77–38188
от 30 ноября 2009 г.

Подписной индекс журнала
в общероссийском
каталоге «Роспечать» — 70070

Отпечатано в издательстве
Уральского государственного
университета путей сообщения,
620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 66.

Подписано в печать 10.10.2015.

Тираж 300. 1-й з-д: 1–80.
Формат 70×100/16.
Заказ 166

Scientific journal «Herald of the
Ural State University
of Railway Transport»
№ 3 (27), 2015

**Editor-in-chief,
Science editor**
Vasily M. Say

Script and copy editor
Lyudmila S. Baryshnikova

Technical editing and make-up
Svetlana N. Naymushina

Cover design
Olga P. Ignatjeva

Founder and publisher:
The Ural State University
of Railway Transport
(USURT)

Correspondence address:
«Herald of USURT» editorial office
The Ural State University of
Railway Transport»
66 Kolmogorov Street,
620034, Ekaterinburg,

Telephone: +7 (342) 221-25-60.
Web-site: www.vestnik.usurt.ru;
e-mail: vestnik@usurt.ru.

The journal is published by the decision of
University Academic Board
©USURT

Certificate of registration of mass media
by the Federal Service for Supervision
in the sphere of communications,
information technology and mass communications
(Roskomnadzor) PI № FS77–38188
of November 30, 2009.

Subscription reference number of the issue
in the All Russia Catalogue «Rospechat» — 70070

Printed in the Publishing house
of the Ural State University of
Railway Transport
66 Kolmogorov Street,
620034, Ekaterinburg.

Passed for printing 10.10.2015.

Circulation 300. 1-й з-д: 1–80.
Format 70×100/16.
Order 166

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Кейт Бурнхам, профессор, Университет г. Ковентри, факультет машиностроения и вычислительной техники, Великобритания

Петер Копачек, профессор, Венский технологический университет, Венский институт транспорта и робототехники, интеллектуальный транспорт и робототехника, Вена, Австрия

Владимир Цыганов, д-р техн. наук, профессор, Институт проблем управления Российской академии наук, Москва, Россия

Сергей Герман-Галкин, д-р техн. наук, профессор, Морская академия, Институт судовой автоматики и электротехники, Щецин, Польша

Клаус Беккер, профессор, Университет прикладных наук г. Кельна, Институт автомобильной техники, лаборатория NVH, Германия

Василий Сай, д-р техн. наук, профессор, Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Вовк Алексей Александрович, д-р экон. наук, профессор, МГУПС, Москва

Воскресенская Тамара Петровна, д-р техн. наук, профессор, СибГИУ, Новокузнецк

Воробьев Александр Алексеевич, д-р техн. наук, профессор, МГУПС, Москва

Ефимов Александр Васильевич, канд. техн. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

Корнилов Сергей Николаевич, д-р техн. наук, профессор, МГТУ, Магнитогорск

Нестеров Валерий Леонидович, д-р техн. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

Сапожников Валерий Владимирович, д-р техн. наук, профессор, С.-ПГУПС, Санкт-Петербург

Сизый Сергей Викторович, д-р техн. наук, профессор, УрФУ, Екатеринбург

Щурин Константин Владимирович, д-р техн. наук, профессор, ОГУ, Оренбург

Тимофеева Галина Адольфовна, д-р физ.-мат. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Keith Burnham, professor, Coventry University, Faculty of Engineering and Computing, Great Britain

Peter Kopachek, professor, Vienna University of Technology, Vienna Institute of Transportation and Robotics, Intelligent Transportation and Robotics, Vienna, Austria

Vladimir Tsyganov, DSc, professor, Russian Academy of Sciences, Institute of Control Sciences, Moscow, Russia

Sergey German-Galkin, DSc, professor Maritime Academy, Institute of naval automation and electric engineering, Szczecin, Poland

Klaus Becker, professor, Cologne University of Applied Sciences, Institute of Automotive Engineering, NVH Laboratory, Germany

Vasily Say, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Vovk Alexei Aleksandrovich, DSc, professor, Moscow State University of Railway Transport, Moscow

Voskresenskaya Tamara Petrovna, DSc, professor, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk

Vorobjev Alexander Alexeevich, DSc, professor, Moscow State University of Railway Transport, Moscow

Efimov Alexander Vasilievich, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Kornilov Sergey Nikolaevich, DSc, professor, Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

Nesterov Valery Leonidovich, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Sapozhnikov Valery Vladimirovich, DSc, professor, Saint-Petersburg State University of Railway Transport, Saint-Petersburg

Sizyi Sergey Viktorovich, D. Sc. in engineering, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg

Shchurin Konstantin Vladimirovich, DSc, professor, Orenburg State University, Orenburg

Timofeeva Galina Adolfova, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Содержание

Математические модели технологических процессов

- 4 Н. П. Чуев, К. О. Горохова. О некоторых дифференциальных моделях износа и ремонта технических средств железнодорожного транспорта
- 14 О. Ю. Портнова. Верификация модели организации вагонопотоков промышленных предприятий при частном случае решения системы дифференциальных уравнений

Механика машин и роботов

- 25 Х. Т. Туранов, А. А. Гордиенко. Пример расчёта времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины по новой методике
- 36 Г. Л. Аккерман, Д. А. Скутин. Оценка поперечной устойчивости рельсошпальной решетки в балластной призме

Организация и логистика

- 45 А. М. Павлова. Ценностно-смысловые ресурсы преодоления витального стресса

Управление. Экономика

- 52 М. Б. Петров. Энергетическая политика России: реалии и возможности
- 64 М. К. Дуплякин. Экономическое обоснование управленческих решений при отказе путевых машин в «окно»

Философские параллели

- 72 Е. П. Пьяных. Современный нацизм в аспекте глобализации

Организация образовательного процесса

- 81 Н. А. Линькова-Даниелс. Внедрение новых технологий в процесс физического воспитания студентов Уральского государственного университета путей сообщения

Аспирантская тетрадь

- 87 А. В. Саломатов. Пути определения возможных приоритетов технологического развития региона

Contents

Mathematic models of technological processes

- 4 N. P. Chuev, K. O. Gorokhova. Some differential models of wear and repair of railway equipment
- 14 O. Yu. Portnova. Verification of car traffic management model of industrial enterprises with the use of differential equations

Mechanics of machines and robots

- 25 Kh. T. Turanov, A. A. Gordienko. An example of calculation of time and speed of the car rolling down on the second high-speed hump section when exposed to light tailwind using a new method
- 36 G. L. Akkerman, D. A. Skutin. Evaluation of lateral stability of rails and sleepers in ballast section

Organization and logistics

- 45 A. M. Pavlova. Value-based and conceptual resources to overcome vitality stress

Management. Economics

- 52 M. B. Petrov. Russia's energy policy: realities and opportunities
- 64 M. K. Duplyakin. Economic justification administrative reshe-niy at failure of travelling machines in «window»

Philosophical parallels

- 72 E. P. Pyanykh. Modern nazism in aspect of globalization

Study process organization

- 81 N. A. Linkova-Daniels. Introduction of new technologies into physical training of students of Ural state university of railway transport

Research of young scientists

- 87 A. V. Salomatov. Tools to determine possible technological development priorities of a region

Математические модели технологических процессов

УДК 51-74:629.4.058(65)

Н.П. Чуев, К.О. Горохова

О некоторых дифференциальных моделях износа и ремонта технических средств железнодорожного транспорта

UDC 51-74:629.4.058 (65)

N.P. Chuev, K.O. Gorokhova

Some differential models of wear and repair of railway equipment

Аннотация

В работе рассмотрены математические модели динамики численности технических средств, используемых на железнодорожном транспорте. Изучено изменение численности технических средств в зависимости от своевременного, планового и от аварийного вывода в ремонт. В работе определены зоны допустимого, критического, катастрофического риска, связанные с износом поверхностей подвижных частей технических средств. Разработана математическая модель динамики численности технических средств в зонах риска. В развитие этой проблемы найдено решение о численности технических средств, эксплуатируемых в зоне риска, по нескольким параметрам. В работе построена математическая модель ремонтных работ на основе системы Лотка – Вольтерра. В работе использован пакет MathCAD для численного решения нелинейной системы дифференциальных уравнений.

Ключевые слова: математическая модель, система обыкновенных дифференциальных уравнений, дифференциальные уравнения с частными производными, статистический анализ, теория рисков, зоны рисков.

Summary

The paper deals with mathematical models of the number of vehicles used in rail transport. The change in the number of vehicles depending on the scheduled, planned and emergency repairs is studied. The paper identifies areas of permissible, critical, catastrophic risk associated with the wear of vehicle moving parts. A mathematical model of dynamics of number of vehicles in risk areas has been created. As the development of this problem, a solution on the number of vehicles operated in risk area is found in several ways. A mathematical model of repair operations based on of Lotk – Volterra model is built in the paper. The authors use MathCAD for numerical solution of nonlinear differential equations.

Keywords: mathematical model, ordinary differential equation system, partial differential equations with partial derivatives, statistical analysis, risk theory, risk zones.

Николай Павлович Чуев, канд. физ.-мат. наук, доцент; кафедра «Высшая и прикладная математика» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: n_chuev@mail.ru.

Ксения Олеговна Горохова, Уральский государственный университет путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: ks_gorokhova@mail.ru.
Nikolai Pavlovich Chuev, PhD in Physics & Mathematics, Associate Professor, «Higher and Applied Mathematics» Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: n_chuev@mail.ru.

Ksenia Olegovna Gorokhova, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: ks_gorokhova@mail.ru.

Важнейшими задачами обеспечения устойчивого функционирования железнодорожного транспорта, высокой организации перевозочного процесса являются использование современной, надежной техники, качественного ее обслуживания и ремонта.

При решении проблем безаварийной стабильной работы технических средств на железнодорожном транспорте и построения соответствующей математической модели необходимо опираться на современные достижения теории надежности и теории управления производственными рисками. Чтобы прогнозировать риск выхода из строя технических средств, возникающих при отклонении от нормативных значений, важно определить главные технические характеристики изучаемых систем и процессов, обеспечивающих устойчивую, надежную работу технических средств. При выборе конкретных значений этих характеристик систем необходимо учитывать требования по минимизации риска [1].

По результатам статистических исследований известно, что примерно 59 % от общего числа производственных отцепок в ремонт составляют отцепки из-за неисправностей колесных пар вагонов. Одной из самых главных неисправностей колесных пар является износ толщины обода колеса. Этот показатель неисправности наблюдается после продолжительной работы колесных пар в эксплуатации и неоднократных обточек колес на станке. Износ толщины обода колеса – один из

основных негативных факторов, возникающих в процессе эксплуатации технических средств и определяющих потенциальные риски преждевременного выхода из строя техники и возможных аварий.

Глубокое исследование показателя износа толщины обода способствует решению проблемы рисков, связанных с безопасностью, авариями на железнодорожном транспорте.

Построение математической дифференциальной модели

Известно, что наименьшая допустимая толщина обода по кругу катания для грузовых поездов составляет 22 мм, с завода-изготовителя колесные пары выпускаются с толщиной обода 70 мм. Таким образом, получаем, что допустимый износ составляет 48 мм.

На основании собранных данных проведем статистический анализ измерений по толщине обода 1000 колесных пар при обыкновенном освидетельствовании. Установим закономерности полученных результатов наблюдений, используя методы математической статистики.

Распределение результатов измерений износа толщины обода представлено в таблице 1.

Находим математическое ожидание $\bar{x} = 23,7$ и выборочное среднее квадратичное отклонение $S = 8,9$; коэффициент вариации $V = \frac{S}{\bar{x}} = 37,7 \%$. Таким

образом, коэффициент вариации $V = \frac{S}{\bar{x}} = 37,7 \%$. Таким

Таблица 1

Статистические данные износа толщины обода

Интервалы с шагом $h = 6$ мм	0–6	6–12	12–18	18–24	24–30	30–36	36–42	42–48
Середина интервала	3	9	15	21	27	33	39	45
Кол-во наблюдений, n_i	22	62	195	245	225	171	59	21
Относительная частота $p_i = \frac{n_i}{1000}$	0,022	0,062	0,195	0,245	0,225	0,171	0,059	0,021
Плотность частот $\frac{p_i}{h}$	0,004	0,010	0,032	0,041	0,037	0,028	0,010	0,003

образом, исходя из данных таблицы 1 значений величин S , V и критерия Пирсона ($\chi^2 = 5,285$) получили вероятность $P(\chi^2 > 5,285) = 0,4$. Результат значительно отличается от нуля, что позволяет сделать вывод: эмпирическое распределение не противоречит гипотезе о нормальном распределении с параметрами $\bar{x} = 23,7$ и $S = 8,9$.

Плотность теоретического распределения имеет вид

$$f(x) = \frac{1}{S \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x-\bar{x})^2}{2S^2}} = \frac{1}{8,9 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x-23,7)^2}{2 \cdot 8,9^2}}$$

На основании принципа Парето, 100%-ный износ может характеризоваться 80 % допустимого износа и 20 % попадания в рисковую зону износа, способного привести к аварии технических средств. Это соответствует данным статистического анализа средней длины пробега и частоты техосмотров подвижного состава – в область риска (область риска для каждого предприятия определяется точным образом, используя статистические данные измерений за несколько лет) попадает в среднем с вероятностью от 15 до 20 % колесных пар с неисправностью, связанной с износом толщины обода колеса.

Определим левую границу зоны риска в случае максимального износа – 20 %. Для этого воспользуемся формулой вероятности попадания в заданный интервал нормальной случайной величины [2]. Обозначим значение левой границы величиной α .

Правая граница есть величина, известная из расчета: 48 мм.

Тогда

$$\begin{aligned} P(\alpha \leq x \leq 48) &= \Phi\left(\frac{48 - \bar{x}}{S}\right) - \Phi\left(\frac{\alpha - \bar{x}}{S}\right) = \\ &= \Phi\left(\frac{23,4}{9,3}\right) - \Phi\left(\frac{\alpha - 24,6}{9,3}\right) = \\ &= \Phi(2,52) - \Phi\left(\frac{\alpha - 24,6}{9,3}\right) = 0,20; \end{aligned}$$

$$\Phi\left(\frac{\alpha - 24,6}{9,3}\right) = 0,4939 - 0,2 = 0,2939;$$

$$\frac{\alpha - 24,6}{9,3} = 0,82;$$

$$\alpha - 24,6 = 7,6;$$

$$\alpha = 32,2 \approx 32 \text{ (мм)}.$$

Получили, что зона риска наступает при износе толщины обода более чем на 32 мм. Для дальнейшего исследования зоны риска разобьем интервал от 32 до 48 мм на три части: зона допустимого риска (интервал износа от 32 мм до 38 мм); зона критического риска (интервал износа от 38 мм до 44 мм); зона катастрофического риска (интервал износа от 44 мм до 48 мм) (рис. 1).

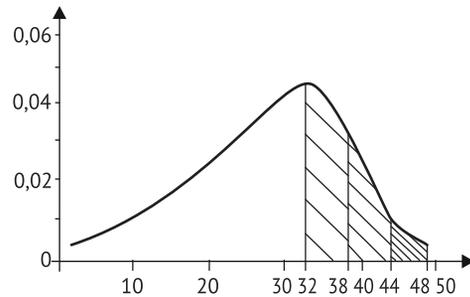

Рис. 1. График распределения численности вагонов по износу толщины обода колеса

Построим математическую модель динамики численности технических средств (вагонов) в период эксплуатации подвижного состава в зоне риска.

Пусть $N(t)$ – количество объектов подвижного состава в зоне риска в момент времени t . Каждый вагон имеет износ толщины обода на этот период S мм, причем S изменяется от 32 мм до 48 мм. Каждый вагон в зависимости от величины износа попадет в один из интервалов с численностью $x_i(t)$, где $i = 1, 2, 3$. Общее число вагонов $N(t)$ будет представлено суммой $x_i(t)$, где $x_i(t)$ – количество вагонов на одном из участков (интервалов)

$$N(t) = \sum_{i=1}^3 x_i(t). \quad (1)$$

Рассмотрим первый участок: $S \in [32; 38]$. На этом промежутке численность составляет $x_1(t)$ вагонов и эта численность изменяется со временем t . Ско-

рость изменения будет $\frac{dx_1}{dt}$, и она про-

порциональна количеству вагонов $\alpha_1 x_1(t)$ за счет перехода части вагонов на второй участок. Скорость изменится из-за поступления вагонов из безопасной зоны и других источников с данным износом $-f_1(t)$. Скорость изменения численности на следующих участках определяется скоростью убывания $\alpha_1 x_1$ численности вагонов за счет перехода их на соседний участок из-за увеличения износа S , где $i = 1, 2$; $\beta_1 x_1$, γx_1 – увеличения за счет прибытия из предшествующего участка и f_i – поступления из других источников и из безопасной зоны. Коэффициенты пропорциональности α_i , β_i , $i = 1, 2$, и γ являются положительными постоянными числами.

Система имеет вид

$$\begin{aligned} \frac{dx_1(t)}{dt} &= -\alpha_1 x_1(t) + f_1(t) \\ &\text{для } 32 \leq S < 38, \\ \frac{dx_2(t)}{dt} &= -\alpha_2 x_2(t) + \beta_1 x_1(t) + f_2(t) \\ &\text{для } 38 \leq S < 44, \\ \frac{dx_3(t)}{dt} &= -\alpha_3 x_3(t) + \beta_2 x_2(t) + \gamma x_1 + f_3(t) \\ &\text{для } 44 < S \leq 48. \end{aligned} \quad (2)$$

Относительно численных коэффициентов системы (2) сделаем следующее замечание. Для однородной системы (2) и при определенных значениях коэффициентов возникает взаимосвязь: $\alpha_1 = \beta_1 + \gamma$, $\alpha_2 = \beta_2$.

Для системы (2) можно поставить задачу Коши, или задачу с начальными условиями. Данная математическая модель представляет собой систему обыкновенных дифференциальных уравнений с постоянными коэффициентами,

единственное решение которой при непрерывных $f_i(x)$ всегда существует. Для данной системы (2) решение имеет простой вид, так как, решив первое линейное дифференциальное уравнение и подставив его во второе, вновь получим линейное уравнение. После подстановки решений первого и второго уравнений системы в третье также получим линейное дифференциальное уравнение первого порядка, единственное решение которого всегда существует. Решение позволит оценить динамику численности технических средств, но лишь в отдельности по каждому параметру исследуемого объекта, поэтому решим поставленную задачу, рассмотрим несколько параметров.

Построение математической дифференциальной модели четырех независимых переменных

При построении такой математической модели используем гидродинамическую модель для описания динамики численности технических средств, установив аналогию с движением жидкости или частиц газа. В середине 50-х гг. XX в. предложена гидродинамическая модель однополосного транспортного потока, в которой транспортный поток сравнивается с движением жидкости; впоследствии она получила наименование «модель Лайтхилла – Уизема – Ричардса»*.

В нашей работе рассмотрим случай трехмерного состояния технических средств, а именно, колесных пар (в частности вагонов) для конкретного предприятия, оператора и т.д. Возьмем наиболее значимые показания технических средств: износ толщины обода колеса $s \in [0, S]$, износ гребня $r \in [0, R]$ и прокат поверхности катания колеса $l \in [0, L]$. Обозначим $n(t, s, r, l)$, где n – объемная плотность распределения технических средств в момент времени t . Тогда общая численность технических средств в момент времени t :

* Создатели модели говорили о функциональной зависимости между потоком автомобилей и плотностью [3].

$$N(t) = \int_0^S \int_0^R \int_0^L n(t, s, r, l) ds dr dl. \quad (3)$$

Обозначим специально введенную область трехмерного пространства $\Omega: \{0 \leq s \leq S; 0 \leq r \leq R; 0 \leq l \leq L\} \subset R^3$.

Используя результаты вывода уравнения переноса для одномерного случая [4], построения и метод исследования, изложенный в работе [5], запишем дифференциальное уравнение с частными производными первого порядка для трехмерного случая:

$$\frac{dn}{dt} = -\alpha_1 n + \beta_1 \varphi(t) + f(t). \quad (4)$$

Или подробнее, с использованием понятия полной производной, получим

$$\begin{aligned} \frac{\partial n}{\partial t} + u \frac{\partial n}{\partial s} + v \frac{\partial n}{\partial r} + w \frac{\partial n}{\partial l} = \\ = -\alpha_1 n + \beta_1 \varphi(t) + f(t), \end{aligned} \quad (5)$$

где u – средняя скорость износа толщины обода колеса; v – средняя скорость износа гребня; w – средняя скорость износа поверхности катания колеса; α_1, β_1 – положительные числа; $\varphi(t)$ – плотность среднестатистического возврата техники после ремонта отнесенной к единице объема и к единице времени; $f(t)$ – плотность поступающей за счет приобретения новой техники, отнесенной к единице объема и единице времени.

Таким образом, функции $\varphi(t)$ и $f(t)$ – плотности источников.

Для уравнения (4) можно поставить задачу Коши. Пусть известна плотность технических средств при $t = 0$:

$$n(t, s, r, l)|_{t=0} = n_0(s, r, l). \quad (6)$$

Числа u, v, w и функции $\varphi(t)$ и $f(t)$ известны и определяются из обработки статистических данных за несколько лет и перспективно-плановыми решениями компании, предприятия.

Построим решение задачи Коши для уравнения (5) с начальными значениями (6) в соответствии с общей теорией решения уравнений с частными производными первого порядка [6].

Предположим, что $\varphi(t)$ и $f(t)$ непрерывны и имеют непрерывные производные первого порядка по t , а также эти функции ограничены $|\varphi(t)| \leq M; |f(t)| \leq M$.

Уравнению (5) соответствует характеристическая система

$$\begin{cases} \frac{ds}{dt} = u \\ \frac{dr}{dt} = v \\ \frac{dl}{dt} = w \\ \frac{dn}{dt} = -\alpha_1 n(t, s, r, l) + \beta_1 \varphi(t) + f(t). \end{cases} \quad (7)$$

Пусть заданы начальные условия: $s|_{t=0} = s_0; r|_{t=0} = r_0; l|_{t=0} = l_0$.

Решим первые три уравнения в системе (6)

$$\begin{cases} s = ut + s_0 \\ r = vt + r_0 \\ l = wt + l_0. \end{cases} \quad (8)$$

Подставляя решения (8) в последнее уравнение системы (7), интегрируем это уравнение с учетом $n|_{t=0} = n_0(s_0, r_0, l_0)$.

Для этого умножим уравнение

$$\frac{dn}{dt} = -\alpha_1 n(t, s, r, l) + \beta_1 \varphi(t) + f(t) \quad \text{на } e^{\alpha_1 t}$$

и проинтегрируем левую и правую части по t от $t = 0$ до t , получим

$$\begin{aligned} \frac{d(e^{\alpha_1 t} n)}{dt} = \beta_1 e^{\alpha_1 t} \varphi(t) + e^{\alpha_1 t} f(t), \\ e^{\alpha_1 t} n|_0^t = \int_0^t e^{\alpha_1 \tau} (\beta_1 \varphi(\tau) + f(\tau)) d\tau, \end{aligned} \quad (9)$$

$$n = e^{-\alpha_1 t} \left[n_0(s_0, r_0, l_0) + \int_0^t e^{\alpha_1 \tau} (\beta_1 \varphi(\tau) + f(\tau)) d\tau \right].$$

Подставляя в (9) вычисленные значения в системе (8), получим искомое решение задачи Коши:

$$n(t, s, r, l) = e^{-\alpha_1 t} \left[n_0(s - ut, r - vt, l - wt) + \int_0^t e^{\alpha_1 \tau} (\beta_1 \varphi(\tau) + f(\tau)) d\tau \right]. \quad (10)$$

Если на основании анализа статистических данных вычисляется промежуток нормальной эксплуатации технических средств с износом от 0 мм до левой границы предельные значения допустимого риска $\{0 \leq s \leq S_1; 0 \leq r \leq R_1; 0 \leq l \leq L_1\}$, то, используя найденное решение, можно найти численность технических средств, эксплуатируемых в зонах допустимого, критического и катастрофического риска, то есть в области $\Omega_1 \subset \Omega$, $\Omega_1: \{0 \leq s \leq S_1; 0 \leq r \leq R_1; 0 \leq l \leq L_1\}$ и численность техники, попадающей в зону критического риска $\Omega - \Omega_1$.

Численность техники в области Ω_1 равна в момент времени t

$$N_0(t) = \iiint_{\Omega_1} n(t, s, r, l) ds dr dl. \quad (11)$$

Численность в зоне риска соответственно равна

$$\begin{aligned} N_p(t) &= N - N_0 = \\ &= \iiint_{\Omega} n(t, s, r, l) ds dr dl - \\ &- \iiint_{\Omega_1} n(t, s, r, l) ds dr dl. \end{aligned} \quad (12)$$

Построение математической дифференциальной модели ремонтных работ

Рассмотрим математическую модель ремонтных работ. Пусть в момент t на путях ремонтного предприятия находится $y(t)$ ремонтируемых технических объектов и $z(t)$ единиц отремонтированной техники. На предприятии происходят изменения количества ремонтируемой техники со скоростью $\alpha y(t)$, где $\alpha > 0$, как за счёт постоянного поступления в ремонт на плановый ремонт, так и за счёт непредвиденных выходов в ремонт техники со скоростью $x(t)$. Скорость уменьшается пропорционально имеющейся в момент t техники и отремонтированной: $\beta y(t)z(t)$. Количество отремонтированной увеличивается со скоростью $\delta y(t)z(t)$ и уменьшается после завершения ремонта, с последующей после оформления документов передачей её в эксплуатацию со скоростью

$\lambda z(t)$, а также со скоростью $h(t)$ за счёт сверх плановых выполненных ремонтных работ.

В результате данных предположений имеем систему двух нелинейных дифференциальных уравнений

$$\begin{aligned} \frac{dy(t)}{dt} &= \alpha y(t) - \beta y(t)z(t) + g(t); \\ \frac{dz(t)}{dt} &= \delta y(t)z(t) - \lambda z(t) - h(t), \end{aligned} \quad (13)$$

где $\alpha, \beta, \delta, \lambda$ – как и ранее, постоянные параметры системы, определяемые в результате обработки статистических данных за несколько лет, в виде положительных чисел, имеющих размерность 1/сут; при некоторых значениях коэффициентов системы (13) может быть равенство $\beta = \delta$; $g(t), h(t)$ – среднестатистическое внеплановое поступление в ремонт и передачи в эксплуатацию отремонтированной техники.

Система (13) при $g(t) = h(t) = 0$ есть известное уравнение Лотка – Вольтерра [7]. Будем искать решение системы (13) при заданных начальных условиях

$$\begin{aligned} y(t)|_{t=t_0} &= y_0(t_0) \\ z(t)|_{t=t_0} &= z_0(t_0), \end{aligned} \quad (14)$$

где t_0 – как и ранее можно положить равным нулю, т. е. отсчет вести с начала цикла; $y_0(t_0), z_0(t_0)$ – положительные постоянные.

В соответствии с теорией исследования точек равновесия динамических систем [8], система (13)–(14) имеет: 1) устойчивый фокус; 2) в точке либо центр, либо фокус, либо окружающие точку циклы и расположенные между ними незамкнутые траектории, спиралевидно приближающиеся к этим циклам.

По условиям задачи искомые функции $y(t)$ и $z(t)$ ограничены, поэтому точки равновесия типа седла или узла в данном исследовании опускаются, т.к. искомые решения даже при ограниченных значениях t могут принимать неограниченные значения.

Рассмотрим частный случай системы (1), т. е. систему Лотка – Вольтерра при условии, что скорости равны нулю. Исследуем системы (13) и (14). Система (13) имеет две стационарные точки: $M(0, 0)$ и $N\left(\frac{\lambda}{\delta}; \frac{\alpha}{\beta}\right)$. Система (13) имеет первый интеграл $f(y, z) = C$, где $C = \text{const}$.

Действительно, разделив второе уравнение системы (13) на первое, получим

$$\frac{dz}{dy} = \frac{z(\delta y - \lambda)}{y(\alpha - \beta z)}. \quad (15)$$

Уравнение (15) есть дифференциальное уравнение с разделяющимися переменными

$$\frac{(\alpha - \beta z) dz}{z} = \frac{(\delta y - \lambda) dy}{y}. \quad (16)$$

Интегрируя полученное уравнение, будем иметь первый интеграл

$$\begin{aligned} f(y, z) &= y^\lambda e^{-\delta y} \cdot z^\alpha e^{-\beta z} = \\ &= y_0^\lambda e^{-\delta y_0} \cdot z_0^\alpha e^{-\beta z_0} = C. \end{aligned} \quad (17)$$

Здесь постоянная C находится из начальных условий (14).

Рассмотрим стационарную точку $M(0, 0)$. Вблизи этой точки $|y(t)| < \varepsilon$ и $|z(t)| < \varepsilon$, где ε – сколь угодно малая величина. Тогда уравнение (15) можно записать в виде

$$\frac{dz}{dy} \approx -\frac{\lambda z}{\alpha y}. \quad (18)$$

Так как $|y(t)z(t)|$ есть бесконечно малая более высокого порядка по сравнению с $y(t)$ и $z(t)$, то для исследования характера кривых в окрестности точки $M(0, 0)$ было положено $yz = 0$.

Из последнего уравнения следует, что в окрестности $M(0, 0)$

$$\begin{aligned} \frac{dz}{z} &\approx \frac{\lambda}{\alpha} \frac{dy}{y} \Rightarrow \ln z \approx \\ &\approx \ln y^{-\frac{\lambda}{\alpha}} \Rightarrow \ln C \Rightarrow zy^h = C_1, \end{aligned} \quad (19)$$

где $C = \text{const}$, $h = \frac{\lambda}{\alpha}$, т. е. вблизи начала координат $M(0, 0)$ получаются линии

гиперболической формы. В окрестности точки $N\left(\frac{\lambda}{\delta}; \frac{\alpha}{\beta}\right)$ запишем $y(t) = \frac{\lambda}{\delta} + \tilde{y}(t)$; $z(t) = \frac{\alpha}{\beta} + \tilde{z}(t)$ и будем рассматривать $|\tilde{y}(t)| < \varepsilon$ и $|\tilde{z}(t)| < \varepsilon$. Тогда уравнение (15) примет вид с точностью до членов первого порядка по \tilde{y} и $\tilde{z}(t)$:

$$\begin{aligned} \frac{d\tilde{z}}{d\tilde{y}} &\approx \frac{\left(\tilde{z} + \frac{\alpha}{\beta}\right) (\delta\tilde{y} + \gamma - \lambda)}{\left(\tilde{y} + \frac{\lambda}{\delta}\right) (\alpha - \alpha - \beta\tilde{z})} \approx \\ &\approx \frac{\delta\frac{\alpha}{\beta}\tilde{y}}{-\beta\frac{\lambda}{\delta}\tilde{z}} \Rightarrow -\beta\frac{\lambda}{\delta}\tilde{z}d\tilde{z} \approx \\ &\approx \delta\frac{\alpha}{\beta}\tilde{y}d\tilde{y} \Rightarrow \delta^2\alpha\tilde{y}^2 + \beta^2\lambda\tilde{z}^2 = C_2, \end{aligned} \quad (20)$$

где $C_2 = \text{const}$ или

$$\delta^2\alpha\left(y - \frac{\lambda}{\delta}\right)^2 + \beta^2\lambda\left(z - \frac{\alpha}{\beta}\right)^2 = C_2. \quad (21)$$

Отсюда следует, что в окрестности точки $N\left(\frac{\lambda}{\delta}; \frac{\alpha}{\beta}\right)$ кривые на фазовой плоскости будут замкнутыми траекториями и точка N будет представлять собой особую точку, именуемую центром. Замкнутые траектории могут являться эллипсами или подобными эллипсу конфигурациями.

Анализ математической модели показывает, что имеется стационарное состояние, всякое же другое начальное состояние L приводит к периодическому колебанию численности как ремонтируемых вагонов, так и отремонтированных, так что по истечении некоторого времени система возвращается в состояние L . При малом изменении модели, когда правым частям добавляются члены и при соответствующем наборе коэффициентов $\alpha, \beta, \delta, \lambda$, получим решения, которые при $t \rightarrow \infty$ стремятся к равновесному состоянию.

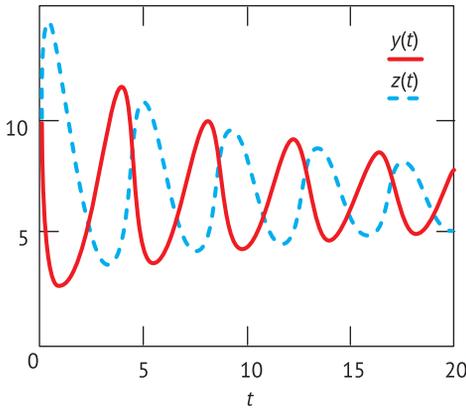

Рис. 2. График функций $y(t), z(t)$

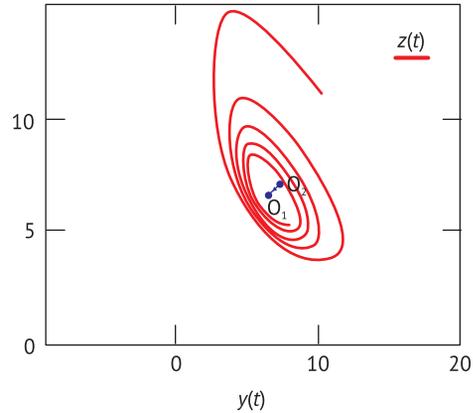

Рис. 3. Фазовый портрет системы Лотка – Вольтерра

Отметим, что при других параметрах системы и начальных условиях задачи характер фазового портрета имеет совершенно иной вид [7].

Построенная математическая модель (13) достаточно проста, т.к. этот математический аппарат исследования даёт возможность с определенной точностью провести качественный или количественный анализ исследуемых свойств и оценить результат.

Рассмотрим численное решение нелинейной дифференциальной системы (13) с помощью MathCAD 14.

Пример 1. Зададим интервалы интегрирования $t_0 := 0$ и $t_1 := 20$.

Рассмотрим нелинейную систему дифференциальных уравнений с начальными условиями. Используем для решения системы блок Give-Odesolve.

Given

$$\frac{d}{dt}y(t) = 0,8y(t) - 0,35y(t)z(t) + 9,2,$$

$$\frac{d}{dt}z(t) = -0,6z(t) + 0,3y(t)z(t) - 8,5,$$

$$y(t_0) = 10,$$

$$z(t_0) = 11,$$

$$\begin{pmatrix} y \\ z \end{pmatrix} := \text{Odesolve} \left[\begin{pmatrix} y \\ z \end{pmatrix}, t, t_1 \right].$$

Здесь $y = y(t)$ – количество ремонтируемой техники, $z = z(t)$ – количество отремонтированной техники.

Графики функций представлены на рис. 2.

Фазовый портрет представлен на рис. 3.

Пример 2. Определим начальные условия: $\alpha = 0,9$; $\beta = 0,35$; $\delta = 0,3$; $\lambda = 0,8$; $g(t) = 10$; $h(t) = 9$. Рассмотрим нелинейную систему дифференциальных уравнений с начальными условиями: $t_0 := 0$, $y_0 = 10$; $z_0 = 11$.

Зададим интервал интегрирования $t_0 := 0$ и $t_1 := 20$.

Используем для решения системы блок Given-Odesolve.

Given

$$\frac{d}{dt}y(t) = 0,9 \cdot y(t) - 0,35 \cdot y(t) \cdot z(t) + 10$$

$$\frac{d}{dt}z(t) = 0,3 \cdot y(t) \cdot z(t) - 0,8 \cdot z(t) - 9$$

$$y(t_0) = 10$$

$$z(t_0) = 9$$

$$\begin{pmatrix} y \\ z \end{pmatrix} := \text{Odesolve} \left[\begin{pmatrix} y \\ z \end{pmatrix}, t, 20 \right].$$

Получили графики функций $y(t)$ и $z(t)$ (рис. 4).

Фазовый портрет представлен на рис. 5.

Здесь $y = y(t)$ – количество ремонтируемых вагонов, $z = z(t)$ – количество отремонтированных вагонов.

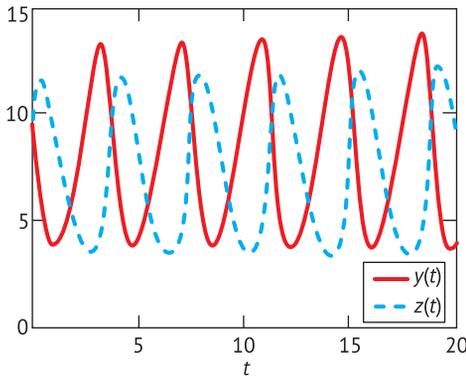

Рис. 4. График функций $y(t)$, $z(t)$

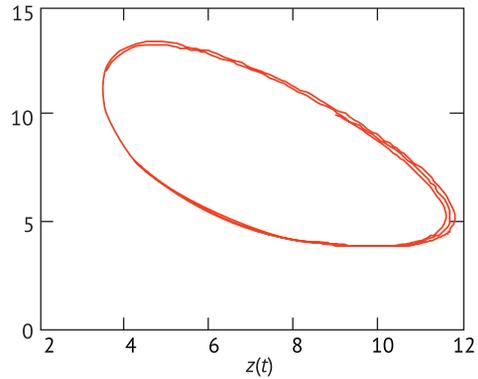

Рис. 5. Фазовый портрет системы Лотка – Вольтерра

Характер колебаний функций $y(t)$ и $z(t)$ в зависимости от принятых начальных условий имеет различный вид, но почти периодический характер. Получившаяся фазовая траектория действительно имеет вид «накручивающейся» спирали, что показывает на близкий к гармоническим колебаниям характер производственного процесса и достаточно устойчивую работу предприятия, реализующего различные виды ремонта (рис. 5).

Применение разработанных математических моделей позволяет определить зоны нормальной безаварийной эксплуатации технических средств на железнодорожном транспорте, а также зоны допустимого, критического и катастрофического риска, связанные с износом поверхностей подвижных частей технических средств.

Аналогично можно исследовать любой параметр объекта, зависящий от времени, – износ гребня, прокат колеса по кругу катания и т.д.

Рассмотрены математические модели динамики численности технических средств. Найдено решение о численности технических средств в зависимости от влияния нескольких эксплуатационных параметров, а именно, трех, на износ техники в целом. Определив критические значения параметров, можно вычислить численность технических средств попадающих в зону риска.

Построена математическая модель ремонтных работ на основе системы

Лотка – Вольтерра. Для системы двух дифференциальных уравнений вида (13) найдены фазовые траектории, численно решена задача Коши с последующим построением графических зависимостей $y(t)$ и $z(t)$. Вид фазового портрета, характеризующий собой ритмичность и/или неритмичность ремонтного процесса, в основном зависит от значений параметров системы двух дифференциальных уравнений (13) и принятых начальных условий задачи.

На основе статистического анализа данных найдены рациональные значения параметров системы, при котором вид фазовых портретов характеризуется семейством близких к эллипсоподобным фигурам, вложенным один в другой, описываемым вокруг центра – стационарной точки системы дифференциальных уравнений. Такой вид фазовых портретов соответствует обеспечению устойчивой работы предприятий.

Дифференциальные модели динамики численности и ремонта технических средств железнодорожного транспорта могут быть использованы для оптимизации численности транспортных средств для обеспечения перевозочного процесса и выполнения ремонтных работ на предприятии. ■

Авторы благодарят С.Л. Дерябина, д-ра физ.-мат. наук, за помощь в работе над настоящей статьей.

Литература

1. Качалов Р. М. Управление хозяйственным риском. М. : Наука, 2002. – 192 с. (Экономическая наука современной России). ISBN 5-02-013133-4.
2. Гмурман И. Е. Теория вероятностей : математическая статистика. М. : Высшая школа, 1998. – 479 с. ISBN 5-06-003464-X.
3. Введение в математическое моделирование транспортных потоков : учебное пособие : изд. 2-е, испр. и доп. / А. В. Гасников и др. / под ред. А. В. Гасникова. – М. : МЦНМО, 2013. – 428 с. ISBN 978-5-4439-0040-7.
4. Тихонов А. Н., Васильева А. Б., Свешников А. Г. Дифференциальные уравнения. М. : Физмалит, 2005. – 256 с. ISBN 5-9221-0277-X.
5. Чуев Н. П., Скрипай А. С. Аналитические исследования динамики численности подвижного состава // Вестник УРГУПС. № 1 (21). 2014. С. 4–13. ISSN 2079-0392.
6. Смирнов В. И. Курс высшей математики. Т. 4; Ч. 2 / Изд. 6. – М. : Наука, 1981. 551 с.
7. Эрроусмит Д. Обыкновенные дифференциальные уравнения / Д. Эрроусмит, К. Плэйс. – М. : Мир, 1986. 243 с.
8. Петровский И. Г. Лекции по теории обыкновенных дифференциальных уравнений. М. : Изд-во МГУ, 1984. 296 с.

References

1. Kachalov P. M. Upravlenie khozyaystvennym riskom. [Economic risk management.] M. : Nauka, 2002. 192 p. (Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii). ISBN 5-02-013133-4.
2. Gmurman I. E. Teoriya veroyatnostey : matematicheskaya statistika. [Probability theory: mathematical statistics.] M. : Vysshaya shkola, 1998. 479 p. ISBN 5-06-003464-X.
3. Vvedenie v matematicheskoe modelirovanie transportnykh potokov : uchebnoe posobie : izd. 2-e, ispr. i dop. [Introduction to mathematical modeling of traffic flows: a textbook. Vol. 2nd, rev. and add] / A. V. Gasnikov et al. / edited by A. V. Gasnikova. – M. : MTsNMO, 2013. – 428 p. ISBN 978-5-4439-0040-7.
4. Tikhonov A. N., Vasileva A. B. Sveshnikov A. G. Differentsialnye uravneniya. [Differential equations.] M. : Fizmalit, 2005. – 256 p. ISBN 5-9221-0277-X.
5. Chuev N. P., Skripay A. S. Analiticheskie issledovaniya dinamiki chislenosti podvizhnogo sostava [Analytical studies of rolling stock quantity dynamics] // Vestnik USURT. № 1 (21). 2014. S. 4–13. ISSN 2079-0392.
6. Smirnov V. I. Kurs vysshey matematiki. [Course of higher mathematics.] T. 4; Ch. 2 / Izd. 6. – M. : Nauka, 1981. 551 p.
7. D. Arrowsmith Ordinary Differential Equations // D. Errousmi, K. Pleys. – M. : Mir, 1986. 243 p.
8. Petrovskiy I. G. Lektzii po teorii obyknovennykh differentsialnykh uravneniy. [Lectures on the theory of ordinary differential equations.] M. : Izd-vo MGU, 1984. 296 p.

Статья сдана в редакцию 20 июня 2015 года

О. Ю. Портнова

Верификация модели организации вагонопотоков промышленных предприятий с применением дифференциальных уравнений

O. Yu. Portnova

Verification of car traffic management model of industrial enterprises with the use of differential equations

Аннотация

Статья посвящена математическому моделированию организации вагонопотоков (подача-уборка) на промышленных предприятиях с применением дифференциальных уравнений. Выполнено тестирование модели на примерах отдельных предприятий с целью оценки их работоспособности и адекватности реальным ситуациям вагонопотоков. Рассмотрены несколько производственных сценариев организации подачи-уборки вагонов для модели организации вагонопотоков на промышленных предприятиях, основанной на дифференциальных уравнениях с начальными условиями.

В результате численных экспериментов установлено, что предложенная дифференциальная модель, основанная на дифференциальных уравнениях с начальными условиями, адекватно описывает процессы взаимодействия по подаче-уборке вагонов между коммерческой станцией и станцией промышленного предприятия.

Установлено, что модель реагирует в соответствии с нашими представлениями на изменения подачи-уборки по видам вагонов. Она обеспечивает изменение соотношения количества вагонов по видам, их поступление/отправку с подстройкой количества вагонов в сбалансированные входящие и выходящие вагонопотоки, исключая стохастический характер их прибытия и отправления.

Предложенная модель позволяет формировать производственные сценарии организации подачи-уборки вагонов, когда количество каждого вида вагонов со временем становится оптимально и стремится к математическому ожиданию (оптимум), что доказывает затухающий характер колебаний графика вагонооборота рассматриваемых предприятий вокруг стационарной точки. Математическая модель позволяет регулировать амплитуду колебаний различного вида вагонов в зоне стабильного функционирования предприятия, исключая попадания количества вагонов в зоны допустимого и критического риска.

Ключевые слова: вагонопотоки, резервирование вагонов, зоны рисков вагонопотоков, дифференциальные уравнения вагонопотоков.

Summary

The article is dedicated to mathematical modeling of car traffic management (delivery and removal) in industrial enterprises with the use of differential equations. The model is tested using examples of individual enterprises to assess their efficiency and adequacy for the actual traffic volume. Several industrial scenarios of car delivery and removal for car traffic management model in industrial enterprises based on differential equations with initial conditions have been considered.

According to the results of numerical experiments, it has been established that the proposed differential model based on differential equations with initial conditions, adequately describes the interaction processes of car delivery and removal, taking place between commercial station and industrial enterprise station.

It was found that the model responds in accordance with our vision of changes in delivery and removal by car types. It ensures a change in the ratio of cars by types, their arrival and departure with adjusting the number of cars according to balanced incoming and outgoing traffic volumes, excluding the stochastic nature of their delivery and removal.

The proposed model allows to generate industrial scenarios for car delivery and removal, when the number of each type of cars eventually becomes optimal and tends to mathematical expectation (optimum), which proves that car turnover schedule of the considered enterprises is characterized by damped oscillations around the stationary point. Mathematical model allows to adjust the amplitude of the oscillations of various types of cars in the stable operation area of the company, and exclude the cars from acceptable and critical risk areas.

Keywords: car traffic, car reservation, car traffic risk areas, differential car traffic equations.

Ольга Юрьевна Портнова, ассистент; кафедра «Станции, узлы и грузовая работа» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: Oportnova1988@mail.ru.

Olga Yurievna Portnova, assistant; Department «Stations, Junctions and Freight Work», Ural State University of Railway Transport (USURT), Ekaterinburg, oportnova1988@mail.ru.

Математические модели прогнозирования подачи-уборки вагонов на промышленные предприятия с применением дифференциальных уравнений, предложенные в [1, 2, 5], требуют верификации.

Для оценки работоспособности отдельных предприятий и адекватности реальным ситуациям вагонопотоков выполнено тестирование моделей. Численные эксперименты выполнены с помощью пакета MathCAD [6].

Рассмотрим несколько производственных сценариев организации подачи-уборки вагонов для модели организации вагонопотоков на промышленных предприятиях, основанной на дифференциальных уравнениях с начальными условиями [1, 2].

Зададим в первом сценарии коэффициенты, характеризующие скорость перемещения вагонов на подъездных путях рассматриваемого предприятия, имеющие размерность 1/сут: $\mu = 0,1$; $\alpha = 0,2$; $\beta = 0,3$; $\gamma = 0,2$; $\delta = 0,4$; $\lambda = 0,2$; $\nu = 0,3$; а также скорости поступления/отправления вагонов на предприятие $f_1(t) = 2\sin(0,2) + 2$; $f_2(t) = 9$; $f_3(t) = 10$, и тогда, ваг./сут:

$f_1(t)$ – скорость поступления груженых вагонов;

$\mu x(t)$ – скорость изменения количества груженых вагонов;

$f_2(t)$ – скорость поступления порожних вагонов;

$\alpha y(t)$ – скорость изменения количества порожних вагонов;

$\beta z(t)$ – скорость убывания количества вагонов с сырьем;

$\gamma x(t)$ – скорость поступления порожних вагонов, направляемых под двоякие операции из-под разгрузки;

$\delta y(t)$ – скорость изменения количества порожних вагонов из под выгрузки и готовых к отправлению на выставочные пути;

$\lambda z(t)$ – скорость изменения количества погруженных готовой продукцией вагонов и готовых к отправлению на выставочные пути;

$\nu x(t)$ – скорость отправления порожних вагонов с подъездных путей

предприятия на выставочные пути железнодорожной станции;

$f_3(t)$ – скорость отправления груженых вагонов с подъездных путей предприятия на выставочные пути железнодорожной станции, ваг./сут.

Пусть в начальный момент времени на подъездных путях предприятия находится определенное количество вагонов: $x_0 = 16$ груженых вагонов, $y_0 = 16$ порожних вагонов; $z_0 = 15$ количество груженых/порожних вагонов, готовых к отправлению.

Используем для решения системы с заданными начальными условиями x_0, y_0, z_0 блок Given-Odesolve пакета MathCAD [4].

$$t_0 := 0 \quad t_1 := 50$$

$$\frac{d}{dt} x_1(t) = -0,1 \cdot x_1(t) + 2 \cdot \sin(0,2 \cdot t) + 2,$$

$$\frac{d}{dt} y_1(t) = -0,2 \cdot y_1(t) - 0,3 \cdot z_1(t) + 0,2 \cdot x_1(t) + 9,$$

$$\frac{d}{dt} z_1(t) = 0,4 \cdot y_1(t) + 0,2 \cdot z_1(t) - 0,3 \cdot x_1(t) - 10,$$

$$x(t_0) := 16 \quad y(t_0) := 16$$

$$z(t_0) := 15 \quad t_0 := 0, 0,1 \dots 50$$

$$\begin{pmatrix} x_1 \\ y_1 \\ z_1 \end{pmatrix} \cdot \text{Odesolve} \left[\begin{pmatrix} x_1 \\ y_1 \\ z_1 \end{pmatrix}, t, t_1 \right].$$

В результате расчетов получен график динамики изменения количества каждого вида вагонов на подъездных путях в течение рассматриваемого промежутка времени (рис. 1). Ось ординат характеризует количество вагонов, а ось абсцисс – временной промежуток с разбивкой по суточным интервалам.

Интервал по оси абсцисс может быть построен в любом временном диапазоне; выбран наиболее наглядный вариант (50 сут).

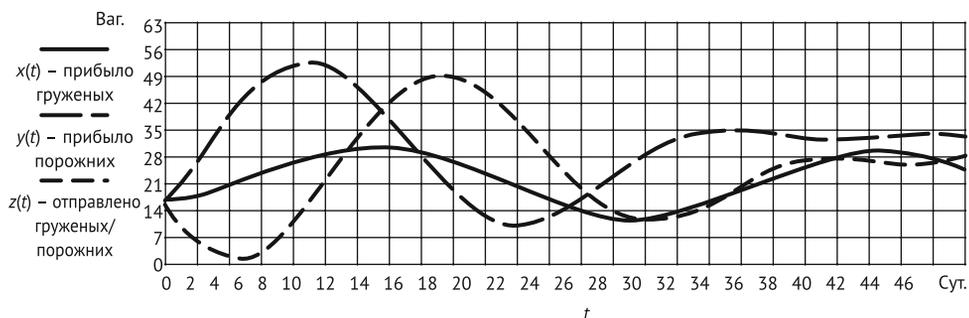

Рис. 1. Динамика изменения количества вагонов на подъездных путях предприятия

Из графика (рис.1) видно, что вагонооборот предприятия не является равномерным. На начало отсчета количество груженых вагонов, прибывших и находящихся на подъездных путях, – 16, количество порожних также 16 вагонов, а количество вагонов, готовых к отправлению, – 15. Отгрузка готовой продукции достигает максимума к концу второй декады месяца. На 18-е сутки рассматриваемого месяца количество вагонов, готовых к отправлению, – 49, количество груженых вагонов, прибывших и находящихся на подъездных путях, – 28, а количество порожних – 23.

Анализ прибытия и отправления подвижного состава с подъездных путей рассматриваемого предприятия показывает первоначальную несбалансированность между количеством прибывающих вагонов и количеством, оптимально потребным. Суточная численность вагонов, обрабатываемых предприятием, близка к стационарным точкам системы (среднему значению) – $x = 20$ вагонов с сырьем, $y = 31$ порожний вагон (с учетом процента вагонов, не годных под погрузку), $z = 28$ вагонов, готовых к отправлению, – обеспечит наиболее устойчивую работу предприятия.

График динамики изменения количества вагонов на подъездных путях предприятия (см. рис. 1) – это результат решения рассматриваемой системы, в целом создающей различной формы колебания изменений количества вагонов на подъездных путях предприятия. Линия графика изменения количества прибывающих вагонов с сырьем

$x(t)$ имеет гармонический (периодический) характер, а линии графика прибытия порожнего подвижного состава $y(t)$ и линия графика изменения количества вагонов груженых/порожних, готовых к отправлению $z(t)$, имеют характер затухающих колебаний.

График вагонооборота рассматриваемого предприятия описывает производственный сценарий организации подачи-уборки вагонов, когда количество каждого вида вагонов со временем становится оптимальным и соответствует потребностям предприятия (стремится к математическому ожиданию), что и доказывает их затухающий характер колебаний. Так, на 41-й день работы предприятия количество вагонов, готовых к отправлению, составляет 27, количество груженых вагонов, прибывших на подъездные пути с сырьем, – 26, порожних – 32.

Математическая модель обеспечивает изменение во времени соотношения количества каждого вида вагонов и их поступление/отправку с подстройкой различного количества вагонов в сбалансированные входящие и выходящие вагонопотоки, исключая их стохастический характер прибытия и отправления, что подтверждает представление о правильности и адекватности работы данной дифференциальной модели.

Для рассмотрения динамики изменения численности вагонов в течение суток воспользуемся дискретным представлением решения системы дифференциальных уравнений [1, 2] с начальными

условиями посредством разностных уравнений при $n = 0; 1; 2; 3...; n \in N$ – множество натуральных чисел:

$$\begin{aligned}x_{n+1} &= x_n + (-0,1x_n + (2 \sin(0,2t_n) + 2) \cdot h, \\y_{n+1} &= y_n + (-0,2y_n - 0,3z_n + 0,2x_n + 9) \cdot h, \\z_{n+1} &= z_n + (0,4y_n + 0,2z_n + 0,3x_n - 10) \cdot h.\end{aligned}$$

Очередность подачи на грузовые пункты вагонов и их уборки должны обеспечивать наименьший суммарный простой вагонов и минимальную затрату маневровых средств. Для определения оптимального числа подач и уборок вагонов на грузовые фронты предприятия необходимо рассмотреть несколько вариантов исходя из анализа работы самого предприятия. Выбор количества совершаемых подач/уборок подвижного состава влияет на определение времени (шага h) между ними.

Предположим, что в адрес анализируемого предприятия совершается три подачи вагонов на грузовые пункты и их уборки с интервалом 8 часов. Разобьем сутки на три равных интервала, получим временные значения с шагом $h = 0,33$ сут и цикл $T: \{0; 0,33; 1\}$.

Рассмотрим подробнее изменение численности груженых вагонов за один шаг ($h = 0,33$ сут), то есть при осуществлении новой подачи и уборки вагонов:

$$\begin{aligned}x_{0,33} &= x_n + (-0,1x_n + \\&+ (2 \sin(0,2t_n) + 2) \cdot 0,33 = 31 \text{ вагон.}\end{aligned}$$

Аналогично можно проследить дискретные значения для порожних вагонов:

$$\begin{aligned}y_{0,33} &= y_n + (-0,2y_n - 0,3z_n + \\&+ 0,2x_n + 9) \cdot 0,33 = 18 \text{ вагонов}\end{aligned}$$

и для готовых к отправлению:

$$\begin{aligned}z_{0,33} &= z_n + (0,4y_n + 0,2z_n + \\&+ 0,3x_n - 10) \cdot 0,33 = 14 \text{ вагонов.}\end{aligned}$$

Аналогичный расчет производится для каждой последующей очередности подачи/уборки (таблица 1).

Из таблицы 1 видно, что при начальных условиях ($x_0 = 16$ вагонов с сырьем, $y_0 = 16$ порожних вагонов, $z_0 = 15$ вагонов, одновременно находящихся на выставочных путях и готовых к отправлению) для обеспечения стабильной работы предприятия необходимо, чтобы количество вагонов при осуществлении очередной подачи на подъездные пути предприятия через 8 ч составляло не менее $f_1(t) = 2 \sin(0,2t) + 2 = 2$ вагона с сырьем, $f_2(t) = 9$ порожних вагонов.

До момента осуществления новой подачи вагонов под погрузку/выгрузку, на фронтах погрузки/выгрузки должно быть разгружено не менее $\mu x(t) = 0,1x(t) = 2$ ваг. и погружено готовой продукцией $\alpha y(t) = 0,2y(t) = 3$ ваг.

Не менее $\gamma x(t) = 0,3x(t) = 3$ от всего объема вагонов с сырьем необходимо направить под двоякие операции.

Количество порожних вагонов, готовых к оформлению перевозочных документов и дальнейшему отправлению на пути станции, $-\delta y(t) = 0,4y(t) = 6$. Количество погруженных вагонов, готовых к отправлению на выставочные пути станции, $-\lambda z(t) = 0,2z(t) = 3$.

Количество вагонов при осуществлении последующей уборки вагонов с подъездных путей предприятия на пути станции: порожних (не использованных под погрузку) – не менее $\nu x(t) = 0,3x(t) = 5$, груженых готовой продукцией – не менее $f_3(t) = 10$.

Коэффициенты дифференциальной системы ($\mu = 0,1; \alpha = 0,2; \beta = 0,3; \gamma = 0,2; \delta = 0,4; \lambda = 0,2; \nu = 0,3; f_1(t) = 2 \sin(0,2) + 2; f_2(t) = 9; f_3(t) = 10$) можно получить перебором вариантов таким образом, чтобы точки равновесия математической системы, которые могут быть как центрами, фокусами, так и траекториями, спиралевидно приближались к некоторой замкнутой кривой – соответствующей среднему количеству вагонов, что в действительности будет соответствовать наиболее благоприятной работе предприятия и рациональному процессу изменения соотношения количества подвижного состава. Точки равновесия типа седла или узла в данном

исследовании опускаются, так как они характеризуют в некотором временном диапазоне неограниченное возрастание числа вагонов.

Взаимосвязь изменения количества различных видов вагонов на промышленных путях предприятия относительно друг друга представлена на рис. 2–4.

Графики зависимости изменения количества различных видов характеризуют собой ритмичность и/или неритмичность поступления количества вагонов на различные участки предприятия.

На рис. 2 представлена взаимосвязь между количеством прибывающих порожних вагонов $y(t)$ и количеством вагонов $z(t)$, готовых к отправлению. На рис. 3 – между прибывающим количеством груженого подвижного состава $x(t)$ и порожнего $y(t)$ для вывоза готовой продукции. На рис. 4 – между количеством вагонов, прибывающих с сырьем $x(t)$, и количеством вагонов $z(t)$, готовых к отправлению.

На рис. 2 точка $A_0(16;15)$ соответствует точке с начальными условиями (на начало отсчета количество прибывших и находящихся на подъездных путях порожних вагонов – 16; количество вагонов, готовых к отправлению, – 15), а $O_1(31; 28)$ – предполагаемая стационарная точка математической системы ($y = 31$ порожний вагон, $z = 28$ вагонов, готовых к отправлению).

График зависимости изменений количества вагонов имеет периодический характер, это означает, что колебания количество прибывающих порожних вагонов $y(t)$ на подъездные пути предприятия соответствует колебаниям такого же количества отправляемых вагонов $z(t)$ с подъездных путей на железнодорожную станцию.

При этом можно наблюдать отклонение наличного числа вагонов (точка $B_1(10; 36)$ соответствует 10 порожним вагонам и 36 вагонам, готовым к отправлению) от потребного (точка $O_1(31; 28)$, которой соответствует соотношение 31 порожний вагон и 28 вагонов, готовых к отправлению), происходившее в первые дни работы предприятия. Чем ближе

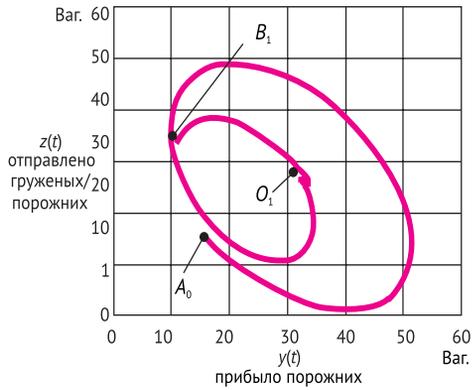

Рис. 2. Зависимость между количеством прибывающих порожних вагонов, $y(t)$, и количеством вагонов, $z(t)$, готовых к отправлению

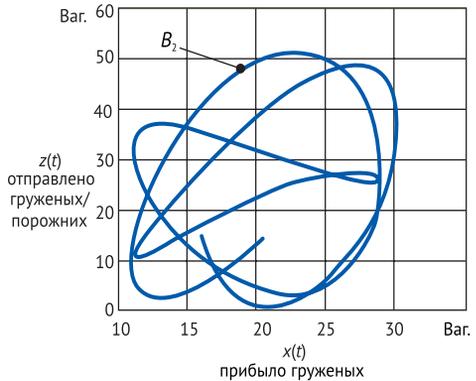

Рис. 3. Зависимость между количеством вагонов, прибывающих с сырьем, $x(t)$, и количеством вагонов, $z(t)$, готовых к отправлению

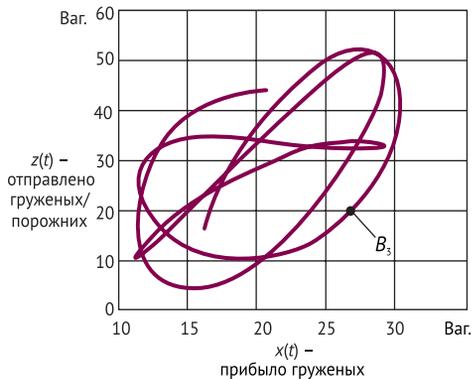

Рис. 4. Зависимость между прибывающим количеством груженых вагонов, $x(t)$, и порожними, $y(t)$, для вывоза готовой продукции

к стационарной точке, тем более сбалансировано соотношение вагонов и тем более устойчива работа предприятия.

Графики колебаний между различными видами вагонов (рис. 3, 4) хорошо иллюстрируют развитие нестационарных составляющих, в принципе не соответствующих траекториям эллипсоподобных кривых, имеют ограниченный характер, но при этом находятся вблизи точек равновесия. Наблюдается несоответствие баланса между некоторым количеством вагонов $x = x(t)$, поступивших поступившим на предприятие с сырьем, и количеством вагонов, груженых готовой продукцией $z = z(t)$, что также иллюстрирует и график динамики изменения количества вагонов на подъездных путях предприятия (см. рис.1). Так, точка $B_2(19; 48)$ характеризует соотношение при 19 груженых вагонах, прибывших на предприятие в определенный период, и 48 вагонов, готовых к отправлению, при оптимальном количестве, обеспечивающем наиболее устойчивую работу предприятия $x(t) = 20$ вагонов с сырьем, $z(t) = 28$ вагонов, готовых к отправлению. Кроме того, колебания количества прибывающих вагонов с сырьем $x(t)$ на подъездные пути предприятия не соответствуют колебаниям такого же количества отправляемых вагонов $z(t)$ с подъездных путей на железнодорожную станцию.

Аналогичный характер имеет зависимость колебаний между некоторым количеством вагонов $x = x(t)$, поступивших на предприятие для разгрузки, и количеством груженых вагонов $y = y(t)$, точка $B_3(27; 20)$ – соотношение 27 груженых вагонов и 20 порожних вагонов (оптимально потребное количество вагонов $x(t) = 20$ вагонов с сырьем, $y(t) = 31$ порожний вагон).

Рассмотрим второй сценарий исследования для модели организации вагонопотоков на промышленных предприятиях. Зададим коэффициенты системы, как и в первом примере: $\mu = 0,1; \alpha = 0,2; \beta = 0,3; \gamma = 0,2; \delta = 0,4; \lambda = 0,2; \nu = 0,2; f_1 = 10\sin(0,2t) + 25; f_2 = 49; f_3 = 61$. Зададим интервал интегрирования, и пусть

в начальный момент времени на подъездных путях предприятия находятся $x_0 = 16$ груженых вагонов, $y_0 = 66$ порожних вагонов; $z_0 = 75$ количество груженых/порожних вагонов, готовых к отправлению.

Используем для решения системы [4] с заданными начальными условиями блок Given-Odesolve пакета MathCAD:

$$t_0 := 0 \quad t_1 := 100$$

$$\frac{d}{dt} x_2(t) = -0,1 \cdot x_2(t) + 10 \cdot \sin(0,2 \cdot t) + 25,$$

$$\frac{d}{dt} y_2(t) = -0,2 \cdot y_2(t) - 0,3 \cdot z_2(t) + 0,2 \cdot x_2(t) + 45,$$

$$\frac{d}{dt} z_2(t) = 0,4 \cdot y_2(t) + 0,2 \cdot z_2(t) - 0,2 \cdot x_2(t) - 61,$$

$$x_2(t_0) := 16 \quad y_2(t_0) := 66$$

$$z_2(t_0) := 75 \quad t_0 := 0,0.1 \dots 70$$

$$\begin{pmatrix} x_2 \\ y_2 \\ z_2 \end{pmatrix} := \text{Odesolve} \left[\begin{pmatrix} x_2 \\ y_2 \\ z_2 \end{pmatrix}, t, t_1 \right].$$

На основании результатов исследования по второму сценарию получен график изменения динамики различного вида вагонов на подъездных путях предприятия (рис. 5).

Данный сценарий обеспечения предприятия вагонами позволяет увидеть ситуацию, когда количество вагонов, прибывающих на предприятие с сырьем, критически мало и не закрывает потребности предприятия. Из графика (см. рис. 5) видно, что первоначальный недостаток потребного числа вагонов с сырьем влияет на объеме отправления готовой продукции – отгрузка вагонов с готовой продукцией снижена, в результате чего сокращена и подача порожних вагонов по погрузку.

Эта производственная ситуация рассмотрена при условиях, когда на начало отсчета количество груженых вагонов,

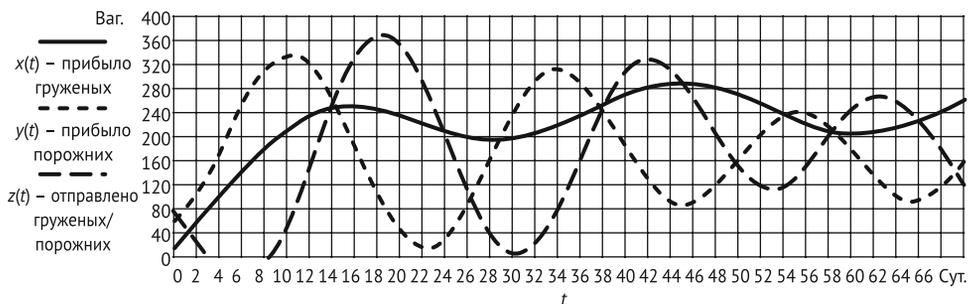

Рис. 5. Динамика изменения количества вагонов на подъездных путях предприятия

прибывших и находящихся на подъездных путях, составляет 16, порожних – 66, с готовой продукцией и готовых к отправлению – 75. При этом оптимальное число вагонов, потребное для данного предприятия (соответствующее математическому ожиданию), – $x = 250$ вагонов с сырьем, $y = 160$ порожних вагонов (с учетом процента вагонов, не годных под погрузку), $z = 180$ вагонов с продукцией, готовых к отправлению.

Коэффициенты системы подобраны таким образом, чтобы вагонооборот предприятия в первую декаду плавно увеличивался и наращивался, приближаясь к оптимальной (стабильной) зоне работы предприятия. Отметим, что коэффициенты системы можно подобрать и таким образом, чтобы вагонопоток уже на следующие сутки соответствовал потребной норме. Однако, как правило, критический уровень наличия потребного количества вагонов связан с ситуациями, когда для восстановления нормального функционирования предприятия и станции требуется время. В рассматриваемом случае обеспечен плавный рост объема прибывающего сырья, в соответствии с которым происходит рост объемов отправления готовой продукции и, как следствие, увеличение числа прибывающих порожних вагонов.

Графики колебаний между различными видами вагонов представлены на рис. 6–8.

На рис. 6 точка $A_0(66; 75)$ соответствует точке с начальными условиями в системе координат (на начало

отсчета количество прибывших и находящихся на подъездных путях порожних вагонов – 66, а количество вагонов, готовых к отправлению, – 75), точка $O_1(180; 200)$ – предполагаемая стационарная точка системы дифференциальных уравнений ($y = 180$ порожний вагон, $z = 200$ вагонов, готовых к отправлению).

В рассматриваемом примере наличный объем порожнего подвижного состава закрывает количество вагонов, нужное для отправления готовой продукции. Поэтому график зависимости изменений количества вагонов (рис. 6) имеет ограниченный, но при этом колебательный характер – колебания количества прибывающих порожних вагонов $y(t)$ на подъездные пути предприятия соответствуют колебаниям такого же количества отправляемых вагонов

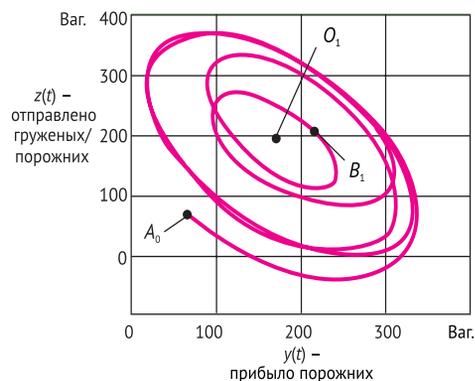

Рис. 6. Зависимости между количеством прибывающих порожних вагонов, $y(t)$, и количеством вагонов, $z(t)$, готовых к отправлению

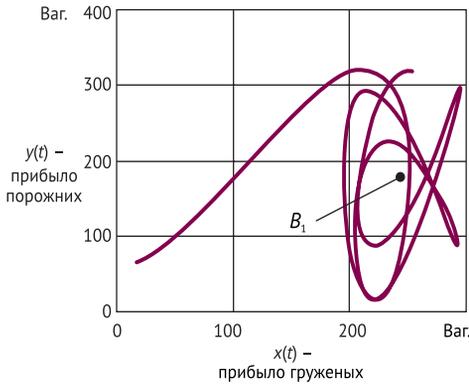

Рис. 7. Зависимость между прибывающим количеством груженых вагонов, $x(t)$, и порожними, $y(t)$, для вывоза готовой продукции

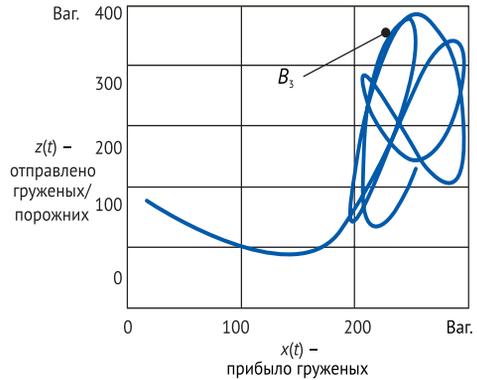

Рис. 8. Зависимость между количеством вагонов, прибывающих с сырьем, $x(t)$, и количеством вагонов, $z(t)$, готовых к отправлению

$z(t)$ с подъездных путей на железнодорожную станцию (точка $B_1(220; 200)$ и соответствует 220 порожним вагонам и 200 вагонам, готовым к отправлению).

Как и в первом примере, графики на рис. 7 и 8 иллюстрируют развитие нестационарных составляющих: зависимость между некоторым количеством поступивших груженых вагонов $x = x(t)$ и количеством порожних вагонов $y = y(t)$ (например, точка $B_2(250; 190)$ – соотношение 250 груженых вагонов и 190 порожних вагонов) и зависимость между некоторым количеством вагонов $x = x(t)$, поступивших на предприятие для разгрузки, и количеством груженых вагонов $z = z(t)$, ожидающих своего отправления (например, точка B_3 – соотношение 230 груженых вагонов и 355 вагонов, готовых к отправлению); имеют неустойчивый характер, то есть колебания количества одного вида вагонов не соответствуют колебаниям другого вида вагонов.

Также на втором и третьем фазовых портретах можно увидеть отличную от накручивающегося спиралевидного вагонопотока прямую, которая соответствует процессу выравнивания ситуации с обеспечением предприятия вагонами, которую наблюдали в первую декаду месяца.

Варьируя каждый параметр системы и/или их сочетание при постоянных

начальных условиях задачи или же при постоянных параметрах системы и различных начальных условиях задачи, можно найти теоретическое обоснование эффективного управления движением вагонов на подъездных путях предприятий (то есть добиться желаемого результата). Однако изменение даже одного параметра или координаты одной точки, соответствующей начальному условию, придаёт фазовому портрету совершенно иной вид.

Построенная дифференциальная система [1] – это линейная система трех дифференциальных уравнений с постоянными коэффициентами, которая всегда имеет единственное решение, является наиболее простой и достаточно глубоко исследована в теории дифференциальных уравнений.

Учитывая, что первое дифференциальное уравнение имеет решение, не зависимое от последующих двух других, то данная система легко сводится к системе двух уравнений. На основании теории систем дифференциальных уравнений такая система имеет четыре вида траекторий в окрестности стационарной точки, поведение которых характеризуется взаимосвязью коэффициентов системы дифференциальных уравнений [5].

В теории дифференциальных уравнений [5] рассматриваются системы,

у которых имеется линейная часть. Например:

$$\begin{aligned} \frac{dx_1}{dt} &= ax_1 + bx_2 + \varphi_1(x_1, x_2), \\ \frac{dx_2}{dt} &= cx_1 + dx_2 + \varphi_2(x_1, x_2), \end{aligned} \quad (1)$$

где

$$\begin{aligned} \varphi_1(x_1, x_2) &= O(|x_1| + |x_2|) \\ (\text{при } |x_1| + |x_2| \rightarrow 0), \quad i=1, 2. \end{aligned}$$

В соответствии с этой теорией, точки покоя (стационарные точки) могут быть фокусами, центрами, узлами, седлом. Для нашей теории необходимо, чтобы точки покоя были в виде фокуса либо центра.

Главной характеристикой точек покоя являются линейные части дифференциальных систем [5]. Для такой системы рассматривается случай, когда $(d - a)^2 + 4bc < 0$ (где a, b, c, d – постоянные коэффициенты системы) и приведены доказательства, что если $a + d \neq 0$, то система имеет фокус (устойчивый, если $a + d < 0$, неустойчивый, если $a + d > 0$), если же $a + d = 0$, то точка покоя может быть для системы центром, фокусом или точкой смешанного типа (траектории носят спиралевидный характер).

Однако численный расчет по формуле взаимосвязи коэффициентов (1) приводит к довольно сложным и громоздким расчетам. Поэтому в данной задаче считаем допустимым находить коэффициенты методом подбора на основе статистического анализа, так как количество вариантов, необходимых для подбора наиболее рациональных параметров системы, мало.

В результате экстраполяции детерминистических и статистических закономерностей регулируется выбор коэффициентов системы дифференциальных уравнений, что приводит к адекватности математической модели. Под этим, прежде всего, понимается правильное качественное описание исследуемых свойств поставки и отгрузки продукции, например, возможность на основании

исследования модели сделать правильный вывод о направлении изменения количественных характеристик, свойств, об их взаимосвязи, о характере колебаний передвижения вагонов.

Построенная математическая модель достаточно проста, так как средства исследования дают возможность провести в краткие сроки и экономно по затратам труда и средств, но с разумной точностью качественный или количественный (в зависимости от постановки задачи) анализ исследуемых свойств и оценить результат.

Для каждого временного периода работы конкретного предприятия в течение календарного года данная дифференциальная модель должна быть выверена в соответствии со статистическими данными прибытия и отправления вагонопотоков и соответствующим образом подобранных коэффициентов.

Численное решение математической дифференциальной системы подтвердило правильность представления описания процесса организации вагонопотоков на промышленном предприятии посредством системы, что также доказывает полученное сбалансированное соотношение различных категорий вагонопотока при их количественном изменении.

В результате численных экспериментов установлено, что предложенная дифференциальная модель, основанная на дифференциальных уравнениях с начальными условиями, адекватно описывает процессы взаимодействия по подаче-уборке вагонов между коммерческой станцией и станцией промышленного предприятия.

Установлено, что модель реагирует в соответствии с нашими представлениями на изменения подачи-уборки по видам вагонов. При этом она обеспечивает изменение соотношения количества вагонов по видам, их поступление/отправку с подстройкой количества вагонов в сбалансированные входящие и выходящие вагонопотоки, исключая их стохастический характер прибытия и отправления.

Предложенная модель позволяет формировать производственные сценарии организации подачи-уборки вагонов, когда количество каждого вида вагонов со временем становится оптимальным и стремится к математическому ожиданию (оптимуму), что вызывает затухающий характер колебаний графика вагонооборота вокруг стационарной точки. Математическая модель позволяет регулировать амплитуду колебаний различного вида вагонов в зоне стабильного функционирования

предприятия, исключая попадание количества вагонов в зоны допустимого и критического риска.

Полученное на основе различных значений параметров модели и начальных условий системы дифференциальных уравнений множество кривых решений и фазовых портретов производственных сценариев соответствует реальным процессам подачи-уборки вагонов и движения грузовых вагонов на подъездных путях промышленных предприятий. ■

Литература

1. Портнова О. Ю., Туранов Х. Т., Чуев Н. П. Математическое моделирование движения грузовых вагонов на подъездных путях предприятия // Наука и техника транспорта. 2013. № 1. С. 26–42. ISSN 2074-9325.
2. Портнова О. Ю. Построение и исследование математической модели обеспечения вагонами промышленных предприятий // Транспорт Урала. 2013. № 1. С. 25–45. ISSN 1815-9400.
3. Портнова О. Ю., Туранов Х. Т., Чуев Н. П. Численное моделирование движения грузовых вагонов на подъездных путях предприятия в Maple // Транспорт: наука, техника, управление. 2013. № 12. С. 7–14. ISSN 0236-1914.
4. Макаров Е. Г. MathCAD : учебное пособие. СПб : Питер, 2009. 384 с.
5. Петровский И. Г. Лекции по теории обыкновенных дифференциальных уравнений: [учебное пособие для физ.-мат. фак. ун-тов]. М.: Физматлит, 2009. 207 с.

References

1. Portnova O. Yu., Turanov Kh. T., Chuev N. P. Matematicheskoe modelirovanie dvizheniya gruzovykh vagonov na podyezdnykh putyakh predpriyatiya [Mathematical modeling of freight car movement on enterprise approach lines] // Nauka i tekhnika transporta. 2013. № 1. S. 26–42. ISSN 2074-9325.
2. Portnova O. Yu. Postroenie i issledovanie matematicheskoy modeli obespecheniya vagonami promyshlennykh predpriyatij [Construction and research of mathematical models for the supply of cars to industrial enterprises] // Transport of the Urals. 2013. № 1. S. 25–45. ISSN 1815-9400.
3. Portnova O. Yu., Turanov Kh. T., Chuev N. P., Chislennoe modelirovanie dvizheniya gruzovykh vagonov na podyezdnykh putyakh predpriyatiya v Maple [Numerical modeling of freight cars traffic on enterprise approach lines in Maple] // Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. 2013. № 12. P. 7–14. ISSN 0236-1914. ISSN 0236-1914.
4. Makarov E. G. MathCAD : uchebnoe posobie. SPb : Piter, 2009. 384 p.
5. Petrovskiy I. G. Lektsii po teorii obyknovennykh differentsialnykh uravneniy : [uchebnoe posobie dlya fiz.-mat. fak. un-tov]. [Lectures on the theory of ordinary differential equations: [a textbook for Physics and Mathematics Departments of universities]. M. : Fizmatlit, 2009. 207 p.

Статья сдана в редакцию 25 июня 2015 года

Механика машин и роботов

УДК 656.21.001.2

Х.Т. Туранов, А.А. Гордиенко

Пример расчёта времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины по новой методике

UDC 656.21.001.2

Kh.T Turanov, A.A. Gordienko

An example of calculation of time and speed of the car rolling down on the second high-speed hump section when exposed to light tailwind using a new method

Аннотация

В статье изложена новая методика вычислений времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины. Новая методика позволила найти конкретное значение времени скатывания вагона в конце рассматриваемого участка горки. По величине времени скатывания вагона в конце уклона определено конкретное значение скорости скатывания вагона в конце этого участка. Построены графические зависимости скорости и пройденного пути в зависимости от вариации времени скатывания вагона на втором скоростном участке горки.

Ключевые слова: вагон, горка, встречный ветер; время и скорость скатывания вагона на втором скоростном участке горки.

Summary

The article describes a new method of calculation of time and speed of the car rolling on the second high-speed hump section under the influence of light headwind. The new method allowed to find a specific time required for the car to roll down at the end of the reporting hump section. Using the time required for the car to roll down at the end of the gradient, the specific speed of the car rolling at the end of this section has been calculated. Visual dependence of speed and distance traveled on car rolling time variations on the second high-speed sections are shown.

Keywords: car, hump, headwind; time and speed of car rolling down on the second high-speed hump section.

Хабибулла Туранович Туранов, д-р техн. наук, профессор; кафедра «Станции, узлы и грузовая работа» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: khturanov@yandex.ru.

Андрей Александрович Гордиенко, ассистент; кафедра «Станции, узлы и грузовая работа» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: gordiii89@yandex.ru.

Khabibulla Turanovich Turanov, DSc in Engineering, Professor, «Stations, Junctions and Freight Work» Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg. E-mail: khturanov@yandex.ru.

Andrey Aleksandrovich Gordienko, Assistant Lecturer, «Stations, Junctions and Freight Work» Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg. E-mail: gordiii89@yandex.ru.

Ошибочность теоретического подхода к расчёту и проектированию сортировочной горки доказана в [1]. Этот подход изложен, в частности, в [2, 3]. В [4, 5] приведены результаты аналитических исследований движения вагона на первом и втором скоростных участках сортировочной горки при воздействии попутного ветра, а в [6, 7] – встречного ветра малой величины. На основе данных [4, 5] в [8, 9] разработаны новые методики расчётов времени и скорости скатывания вагона на скоростных участках сортировочной горки, а также приведены примеры расчётов при воздействии попутного и встречного ветра. Однако не рассмотрена методика расчета времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке горки при воздействии встречного ветра малой величины на основе данных [7].

Данная статья является продолжением серии [1, 4–11] по разработке нового научного направления по динамике скатывания вагона по сортировочной горке (на основе принципа Даламбера в координатной форме [12]), а также продолжением работ [13–17], посвящённых расчёту и проектированию горки. При этом многие положения методики вычислений времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке горки аналогичны изложенному в [9].

Разрабатываемая методика расчёта времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при заданных геометрических параметрах (уклон и длина) рассматриваемого участка сортировочной горки позволит уже на этапе проектирования гарантировать безопасный спуск и соблюдение скоростей отцепов, предотвращая возможные технологические затруднения.

Приведем конкретный пример вычислений кинематических параметров скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины.

Как и в [9], общий подход к решению задачи изложен в [7] и заключается в следующем.

При проектировании сортировочной горки использованы классические положения теоретической механики: основной принцип Даламбера в координатной форме [12] и основные понятия дифференциального и интегрального исчисления [18].

В условиях задачи и принятых предположениях, которые аналогичны изложенным в [6, 7], рассмотрен общий случай, когда вагон (или отцеп) с сортировочной горки скатывается поступательно с заданной начальной скоростью v_0 (например, 5,833 м/с [9]) и при скатывании с горки будет испытывать воздействие в основном внешних сил (сила тяжести вагона с грузом или без груза G , сила аэродинамического сопротивления малой величины F_{rv} , т. е. $F_{rv} = \text{const}$).

При формировании расчётной модели скатывания вагона используются упрощённые модели скатывания вагона с горки, учитывающие трение качения колёс вагона со скольжением, такие же, как и в [4–7].

При построении математической модели движения вагона на участке второго скоростного участка горки, как и ранее [4–7], использован основной закон динамики для переносного движения вагона (или принцип Даламбера) в координатной форме [12].

В математической модели движения вагона на участке второго скоростного участка горки получены известные из элементарной физики формулы скорости и пути при равноускоренном движении тела [19].

С использованием принципа Даламбера механики, метода разделения переменных и таблиц простых интегралов [18] в [7] нами выведены конечные аналитические формулы для определения времени t_2 и скорости вагона на втором скоростном участке горки $v_e(t_2)$.

Новая методика расчета скорости и времени скатывания вагона по второму скоростному участку сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины

Новую методику вычислений времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины, согласно [7], аналогично [9], выполняют в следующей последовательности.

При проектировании сортировочной горки такие её кинематические параметры, как проекция длины на горизонталь l_{r2} и угол уклона (спуска) ψ_{02} принимают методом подбора согласно принятой рекомендации [2, 3]. Например, $l_{r2} \approx (33-36)$ м, $\text{tg}\psi_{02} = (0,025-0,03)$ рад (или $\psi_{02} = (1,432-1,719)$ град). По данным l_{r2} и $\text{tg}\psi_{02}$ определяют высоту горки h_2 . Далее по значениям l_{r2} и h_2 вычисляют длину уклона горки l_2 в виде, м (см. (6) [7]):

$$h_2 = l_{r2} \text{tg}(\psi_{02}), l_2 = \sqrt{h_2^2 + l_{r2}^2}$$

$$\text{или } l_2 = \frac{l_{r2}}{\cos(\psi_{02})}. \quad (1)$$

Например, если исходные данные таковы, что $l_{r2} = 33,63$ м, $\text{tg}\psi_{02} = 0,028$ рад, то $h_2 = 0,942$ м, $l_2 = 33,643$ м.

За значения скорости встречного ветра принимают рекомендованные малые величины (обычно 4–6 м/с).

Находят поперечную переносную силу инерции I_{ey} , кН:

$$I_{ey} = k_{д,у} G, \quad (2)$$

где $k_{д,у}$ – коэффициент поперечной динамики вагона (обычно ориентировочно принимают 0,01) [20]; G – сила тяжести вагона с грузом с учётом массы вращающихся частей, кН.

Определяют силы аэродинамического сопротивления, действующие на вагон вдоль и поперёк (вычисляют при необходимости, при этом в [2, 3]

такая сила вовсе не учитывается) вагона, в виде, кН (см. формулу (7) [7]):

$$F_{рвх} = 0,5A_r; F_{рвб} = 0,5A_b, \quad (3)$$

где 0,5 – удельное давление на 1 м² площади, кН/м² [21]; A_r – площадь торцевой поверхности вагона с грузом, м²: $A_r = 2B \times 2H$ (где $2B$ и $2H$ – ширина и высота наветренных поверхностей вагона с грузом, м); A_b – площадь боковой поверхности вагона с грузом: $A_b = 2L \times 2H$ (где $2L$ – длина боковых наветренных поверхностей вагона с грузом, м), м². Например, если $A_r = 6,384$ м² и $A_b = 27,36$ м², то $F_{рв.х} = 3,192$ кН и $F_{рв.б} = 13,68$ кН.

Вычисляют все силы, действующие на скатывающийся вагон (отцеп) при воздействии встречного ветра малой величины, кН:

– «сдвигающие» силы $F_{сд}$ (т. е. проекции силы тяжести вагона с грузом (или отцепа) на направление скатывания вагона) (см. формулу (8) [7]):

$$F_{сд} = G \sin(\psi_{02}); \quad (4)$$

– «удерживающие» $F_{уд}$ (т. е. сила аэродинамического сопротивления встречного ветра, силы сопротивления движению вагона в виде силы трения качения и скольжения (только при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра) колёс, силы сопротивления движению от стрелок и кри- вых) (см. формулу (9) [7]):

$$F_{уд.х} = F_{рвх} \cos(\psi_{02}) + F_{тр.к} + F_c + F_{тр.ск}. \quad (5)$$

В выражении (5): $F_{тр.к}$ – сила трения качения со скольжением (см. формулу (12) [7]):

$$F_{тр.к} = f_0 (G \cos(\psi_{02}) + F_{рвх} \sin(\psi_{02})), \quad (6)$$

где f_0 – условный (или приведённый) коэффициент трения скольжения, учитывающий количество колёс в тележках, трения качения (по кольцам подшипника и колесо по рельсу) (по расчётным данным – обычно 0,0001) [8, 9];

F_c – силы сопротивления всякого рода:

$$F_c = F_{cp} + F_{стр} + F_{с.и} + F_{кр}, \quad (7)$$

с учётом того, что в ней F_{cp} , $F_{стр}$, $F_{с.и}$ и $F_{кр}$ – силы сопротивления движению вагона от среды и стрелок (как дополнительное сопротивление), снега и инея (как эпизодическое сопротивление), а также от кривых (как дополнительное сопротивление) (см. формулу (13) [7]):

$$\begin{aligned} F_{cp} &= k_{cp}G; & F_{стр} &= k_{стр}G; \\ F_{с.и} &= k_{с.и}G; & F_{кр} &= k_{кр}G, \end{aligned} \quad (8)$$

где k_{cp} – коэффициент, учитывающий долю силы тяжести G при учёте сопротивления среды (обычно принимают в пределах 0,0001–0,0005 при скорости встречного ветра от 4 до 6 м/с) [2, с. 182]; $k_{стр}$, $k_{с.и}$ и $k_{кр}$ – коэффициенты, показывающие доли силы тяжести G при учёте сопротивления движению вагона от ударов на стрелочных переводах, от снега и инея и кривых [2, 3];

$F_{тр.ск}$ – сила трения скольжения при учёте воздействия поперечной переносной силы инерции I_{ey} и ветра с боковой стороны вагона $F_{рв.б}$ (следует иметь в виду, что в [2, 3] такая сила трения скольжения в расчётах сортировочных горок вовсе не учитывается) (см. формулу (14) [7]):

$$F_{тр.ск} = f_{ск0}(I_{ey} + F_{рв.б}), \quad (9)$$

где $f_{ск0}$ – коэффициент трения скольжения гребней колес к боковой поверхности рельсовой нити (обычно принимают $f_{ск0} = 0,25$, однако такая величина требует уточнений); I_{ey} – поперечная переносная сила инерции, кН [20]; $F_{рв.б}$ – сила аэродинамического сопротивления при воздействии ветра с боковой стороны вагона, кН.

В формуле (7) постоянные коэффициенты $k_{стр}$, $k_{с.и}$ и $k_{кр}$ обычно принимают ориентировочно. Так, например, $k_{стр} = 0,0025$ (допуская при этом возможность принятия и другой величины); $k_{кр} = 0,012\alpha_1/l_{кр}$ [2], где α_1 – угол поворота

кривой в стрелочной зоне, град (например, $\alpha_1 = 4,73$ град при первом скоростном элементе): $l_{кр}$ – длина кривой, м; $k_{с.и} = 0,0001$ – $0,0004$ (обычно для груженных вагонов принимают 0,0001 при $t = -10$ °С, 0,0002 при $t = -20$ °С, 0,0004 при $t = -30$ °С). В [6, 7] особо отмечено, что «удерживающая» сила от стрелок и от снега и инея имеет кратковременный (ударный) характер и не может оказать существенного влияния, как силы сопротивления, на всём протяжении второго скоростного участка горки.

Подставляя формулы (6)–(9) в формулу (5), силу $F_{уд.х}$ можно представить в виде

$$\begin{aligned} F_{уд.х} &= F_{рвх} \cos(\psi_{02}) + \\ &+ f_0(G \cos(\psi_{02}) + F_{рвх} \sin(\psi_{02})) + \\ &+ (k_{cp} + k_{стр} + k_{с.и} + k_{кр})G + \\ &+ f_{ск0}(I_{ey} + F_{рвб}). \end{aligned} \quad (10)$$

По величинам сдвигающей $F_{сд}$ и удерживающей $F_{уд}$ сил вычисляют силу F_{02} , способствующую скатыванию вагона на втором скоростном участке горки, кН (см. формулу (19) [7]):

$$F_{02} = F_{сд} - F_{уд}. \quad (11)$$

По значению силы F_{02} и массы вагона M с учётом инерции вращающихся частей находят ускорение вагона a_2 при движении на втором скоростном участке горки, м/с² (см. формулу (21) [7]):

$$a_2 = \frac{F_{02}}{M}. \quad (12)$$

Вычисляют время t_2 , в течение которого происходит скатывание вагона, совершающего прямолинейное равноускоренное движение на данном участке горки длиной l_2 , м (см. (24) [7]):

$$t_2 = \frac{-v_{02} + \sqrt{v_{02}^2 + 2a_2l_2 \cos(\psi_{02})}}{a_2}, \quad (13)$$

где v_{02} – начальная скорость вагона (скорость в конце первого скоростного участка горки, например, $v_{02} = 5,833$ м/с [9]), м/с.

При необходимости, варьируя длиной первого скоростного участка горки l_2 , можно построить графическую зависимость $t(l_2)$.

Определяют скорость скатывания вагона в конце второго скоростного участка горки v_2 по классической формуле элементарной физики, м/с (см. формулу (22) [7]):

$$v_{e2}(t_2) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} (v_{02} + a_2 t_2). \quad (14)$$

При использовании вычислительной среды скорость скатывания вагона v на данном участке горки также определяют по классической формуле физики, м/с [19]:

$$v_{e2}(t) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} (v_{02} + a_2 t). \quad (15)$$

Изменяя время t , можно построить график $v_2(t)$, по которому находят скорость скатывания вагона в конце уклона (т. е. $v(t_2)$), а также скорость вагона в любой момент времени скатывания вагона на рассматриваемом участке уклона.

При определении кинематического параметра вагона по уклону горки (т. е. пройденного пути вагона) $x_1(t)$ с использованием вычислительной среды данный параметр также находят по формуле элементарной физики, м (см. формулу (23) [7]):

$$x_2(t) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} \left(v_{02} t + \frac{1}{2} a_2 t^2 \right). \quad (16)$$

Аналогично, изменяя время t , можно построить зависимость $x_2(t)$, по которому находят время скатывания вагона t по вычисленной длине данного уклона l_2 , м (см. формулу (1)). При этом подразумевают, что последовательным значениям времени t соответствуют вполне определённые положения вагона по отношению к профилю горки (и, в частности, к концу первого скоростного участка горки).

Пример вычислений времени и скорости второго скоростного участка сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины

Исходные данные: $v_{02} = 5,833$ – начальная скорость вагона (скорость вагона в конце первого скоростного участка горки [9]), м/с; $l_2 = 33,643$ – длина второго скоростного участка горки, м; $M = 9,256 \cdot 10^4$ – масса вагона с грузом с учётом массы колёсных пар, кг; $G = 908$ – сила тяжести вагона с грузом с учётом массы вращающихся деталей, кН; $F_{сд} = 25,421$ – «сдвигающая» сила, $F_{уд} = 8,041$ – «удерживающая» сила и $F_{02} = 17,38$ – сила, при воздействии которой вагон скатывается по уклону горки (т. е. разность сдвигающей и удерживающей сил), кН.

Ниже приведён макет-документ, полученный в программе MathCAD [22].

Согласно п. 1 методики, вычисляют геометрические параметры второго скоростного участка горки (см. формулу (1)).

$$\psi_{02} = 0,028 \quad \psi_{02} \cdot \frac{180}{\pi} = 1,604;$$

$$\tan(\psi_{02}) = 0,028;$$

$\cos(\psi_{02}) = 1$, $\sin(\psi_{02}) = 0,028$ – угол наклона второго скоростного участка горки, рад;

$l_{02} = 33,63$ – проекция длины второго скоростного участка горки на горизонталь, м;

$h_2 = l_{02} \cdot \tan(\psi_{02})$, $h_2 = 0,942$ – высота второго скоростного участка горки, м;

$l_2 = \sqrt{l_{02}^2 + h_2^2}$, $l_2 = 33,643$ – длина второго скоростного участка горки, м.

Согласно п. 3 методики, рассчитывают поперечную переносную силу инерции (см. формулу (2)):

$a_{ey} = 0,01 \cdot g$, $a_{ey} = 0,098$ – переносное ускорение вагона по поперечной оси вагона, м/с²;

$$k_{дy} = \frac{a_{ey}}{g} \quad k_{дy} = 0,01 \quad \text{– коэффициент}$$

поперечной динамики вагона;

$I_{ey} = k_{дy} \cdot G$, $I_{ey} = 9,08$ – поперечная переносная сила инерции, кН.

Согласно п. 4 методики, находят силы аэродинамического сопротивления как вдоль, так и поперёк вагона (см. формулу (3)):

$A_t = 6,384$, $A_б = 27,36$ – площади навстречных поверхностей вагона как вдоль, так и поперёк вагона, м²;

$F_{вт} = 0,5 \cdot A_t$, $F_{rbx} = F_{вт}$, $F_{вт} = 3,192$ – сила аэродинамического сопротивления вдоль вагона, кН;

$F_{вб} = 0,5 \cdot A_б$, $F_{rby} = F_{вб}$, $F_{вб} = 13,68$ – сила аэродинамического сопротивления поперёк вагона, кН.

Согласно п. 5 методики, определяют силы сопротивления при воздействии поперечной переносной силы инерции и бокового ветра (см. (9)):

$F_{трб} = f_{сr0} \cdot (I_{ey} + F_{rby})$, $F_{трб} = 5,69$ – сила сопротивления при воздействии поперечной переносной силы инерции и бокового ветра, кН.

Согласно п. 5 методики, вычисляют силу сдвигающую силу (см. формулу (4)):

$f_0 = 1,036 \times 10^{-4}$ – некоторый условный (или приведённый) коэффициент трения скольжения, учитывающий коэффициент трения качения в подшипниках буксовых узлов;

$F_{сд} = G \cdot \sin(\psi_{02})$, $F_{сд} = 25,421$ – сдвигающая сила, кН.

Согласно п. 5 методики, рассчитывают силу трения качения со скольжением (см. формулу (6)):

$F_{трк} = f_0 \cdot (G \cdot \cos(\psi_{02}) + F_{rbx} \cdot \sin(\psi_{02}))$, $F_{трк} = 0,094$ – сила трения качения со скольжением, кН.

Согласно п. 5 методики, принимают значения коэффициентов, учитывающие долю силы тяжести вагона от всяких сопротивлений.

$k_{ср} = 0,0008$ – коэффициент, учитывающий долю силы тяжести вагона при учёте сопротивления среды;

$k_{стр} = 0,0025$ – коэффициент, учитывающий долю силы тяжести вагона при переходе стрелочной зоны (стрелок кривизны);

$k_{сн} = 0,00025$ – коэффициент, учитывающий долю силы тяжести вагона от снега и инея в стрелочной зоне;

$k_{ккр2} = 1,688 \times 10^{-3}$, $k_{кр} = k_{ккр2}$ – коэффициент, учитывающий долю силы тяжести вагона при переходе кривых (сопротивление от кривых).

Согласно п. 5 методики, рассчитывают силы сопротивления всякого рода (см. формулу (8)):

$k_{ср} \cdot G = 0,726$ – сила сопротивления от воздушной среды, кН;

$k_{стр} \cdot G = 2,27$ – сила сопротивления при переходе стрелочной зоны, кН;

$k_{сн} \cdot G = 0,227$ – сила сопротивления от снега и инея, кН;

$k_{кр} \cdot G = 1,533$ – сила сопротивления при проходе кривых, кН;

$F_c := (k_{ср} + k_{стр} + k_{кр} + k_{сн}) \cdot G$, $F_c := 4,456$ – силы сопротивления от среды, стрелок, кривых, снега и инея (т. е. всякого рода), кН;

$F_{с0} := (k_{ср} + k_{стр} + k_{сн}) \cdot G$, $F_{с0} := 3,223$ – силы сопротивления от среды, стрелок, снега и инея, кН.

Согласно п. 5 методики, вычисляют удерживающую силу (см. формулу (10)):

$F_{уд0} := F_{рбx} \cdot \cos(\psi_{02}) + F_{трк} + F_{с0} + F_{трб}$, $F_{уд0} := 0,094$ – удерживающая сила при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра, кН;

$F_{уд} := F_{рбx} \cdot \cos(\psi_{02}) + F_{трк} + F_c$, $F_{уд} := 0,094$ – удерживающая сила при учёте силы сопротивления всякого рода, кН.

Согласно п. 6 методики, находят значение силы, при воздействии которой происходит движение вагона по уклону горки с ускорением (см. формулу (11)):

$F_{02} := F_{сд} - F_{уд0}$, $F_{02} := 13,222$ – разность сдвигающей и удерживающей сил при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра, кН;

$F_0 := F_{сд} - F_{уд}$, $F_0 := 17,38$ – разность сдвигающей и удерживающей сил при учёте силы сопротивления всякого рода, кН.

Согласно п. 7 методики, рассчитывают ускорение вагона, при котором происходит ускоренное движение вагона по уклону горки (см. формулу (12)):

$M := 9,256 \times 10^4$ – масса вагона с учётом массы вращающихся деталей (колёсных пар), кг;

$$a_2 = \frac{F_0 \cdot 10^3}{M} \quad a_2 = 0,188 - \text{ускорение}$$

вагона, при котором происходит ускоренное движение на втором скоростном участке горки при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра m/c^2 .

$$a_{02} = \frac{F_{02} \cdot 10^3}{M}, \quad a_{02} = 0,143 - \text{ускорение}$$

вагона, при котором происходит ускоренное движение на втором скоростном участке горки при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра, m/c^2 .

Согласно п. 8 методики, вычисляют время, в течение которого вагон скатывается по заданной длине второго скоростного участка горки (см. (13)):

$$v_{02} = 5,833, \quad a_{02} = 0,143;$$

$$l_2 = 33,643, \quad \cos(\psi_{02}) = 1;$$

$$t_{02} = \frac{-v_{02} + \sqrt{v_{02}^2 + a_{02} \cdot 2 \cdot l_2 \cdot \cos(\psi_{02})}}{a_{02}},$$

$t_{02} = 5,407$ – время, в течение которого вагон скатывается по заданной длине второго скоростного участка горки при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра, с;

$$v_{02} = 5,833, \quad a_2 = 0,188;$$

$$l_2 = 33,643, \quad \cos(\psi_{02}) = 1;$$

$$t_2 = \frac{-v_{02} + \sqrt{v_{02}^2 + a_2 \cdot 2 \cdot l_2 \cdot \cos(\psi_{02})}}{a_2},$$

$t_2 = 5,311$ – время, в течение которого вагон скатывается по заданной длине второго скоростного участка горки при учёте силы сопротивления всякого рода, с.

Согласно п. 9, можно вычислить скорость скатывания вагона в конце второго участка горки v_2 по классической формуле элементарной физики (14);

$$v_{02} = 5,833, \quad a_2 = 0,188, \quad \cos(\psi_{02}) = 1,$$

$$v_{e2}(t) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} \cdot (v_{02} + a_2 \cdot t),$$

$v_{e2}(5,311) = 6,833$ – скорость в конце второго скоростного участка горки, m/c (или 24,6 км/ч) (при учёте поперечной пере-

носной силы инерции и бокового ветра 6,608 m/c или 23,79 км/ч). Иначе, для заданных исходных данных $v_{02} = 5,833 m/c$, $l_{02} = 33,643 m$, $a_2 = 0,188 m/c^2$, $t_2 = 5,311 c$; $v(t_2) = 6,833 m/c$ (или 24,6 км/ч), а при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра – 6,608 m/c (или 23,79 км/ч).

Согласно п. 11, в качестве проверочного примера можно найти пройденный путь вагона $x_2(t)$ на втором скоростном участке горки (см. формулу (16)):

$$x_2(t) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} \cdot \left(v_{02} \cdot t + \frac{1}{2} \cdot a_2 \cdot t^2 \right),$$

$$x_2(0) = 0;$$

$x_2(5,311) = 33,64$ – пройденный путь вагона по второму скоростному участку горки, м.

Далее, по формуле (13), варьируя длиной второго скоростного участка горки l_2 , можно построить графическую зависимость $t(l_2)$.

Для примера покажем графическую зависимость времени скатывания вагона $t(l_2)$ от длины второго скоростного участка горки l_2 (рис. 1).

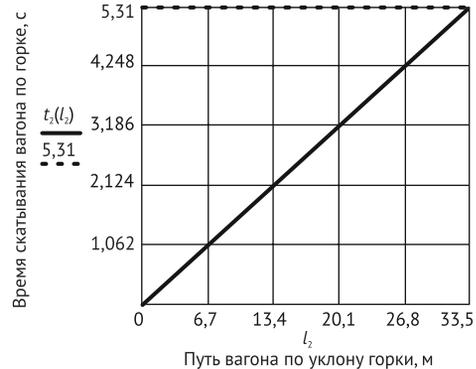

Рис. 1. Графическая зависимость времени скатывания вагона

$l_2 = 0,0,5...33,64$ – вариация заданной длины второго скоростного участка горки, м;

$$t_2(l_2) = \frac{-v_{02} + \sqrt{v_{02}^2 + a_2 \cdot 2 \cdot l_2 \cdot \cos(\psi_{02})}}{a_2}$$

время, в течение которого вагон скатывается с конца первого скоростного

участка до конца второго скоростного участка горки при учёте сил сопротивления всякого рода при изменении длины второго скоростного участка горки, с.

Как видно, графическая зависимость $t(l_2)$ носит нелинейный характер в соответствии с формулой (13) из-за незначительной величины уклона второго скоростного участка горки.

Используя формулы (15) и (16), покажем графическую зависимость скорости вагона по второму скоростному участку горки (рис. 2 и 3).

$t = 0, 0, 1, \dots, 5, 31$ – вариация времени скатывания вагона t по уклону второго скоростного участка сортировочной горки, с.

$$v_{e2}(t) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} \cdot (v_{02} + a_2 \cdot t) - \text{переносная скорость вагона } v(t) \text{ в любой момент времени } t \text{ по уклону сортировочной горки, м/с.}$$

носная скорость вагона $v(t)$ в любой момент времени t по уклону сортировочной горки, м/с.

$$x_2(t) = \frac{1}{\cos(\psi_{02})} \cdot \left(v_{02} \cdot t + \frac{1}{2} \cdot a_2 \cdot t^2 \right) - \text{пройденное расстояние } x(t) \text{ в любой момент времени } t \text{ по уклону сортировочной горки, м.}$$

Как видно, графическая зависимость $v(t)$ носит линейный, а $x(t)$ – нелинейный в соответствии с формулами (15) и (16).

Анализ графических зависимостей $v(t)$ и $x(t)$ показывает, что в течение времени $t = 5,311$ с (см. рис. 1) вагон пройдёт расстояние 33,643 м (это принятая длина уклона второго скоростного участка) и при этом его скорость (см. рис. 2) достигнет 6,833 м/с ($\approx 24,6$ км/ч) в случае пренебрежения поперечной переносной силой инерции и боковым ветром, а при учёте поперечной переносной силы инерции и бокового ветра время движения вагона $t = 5,407$ с, скорость вагона равна 6,61 м/с ($\approx 23,8$ км/ч).

Итогом данной работы стала разработка новой методики расчёта второго скоростного участка сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины на основе построенных математических моделей скатывания вагона (отцепы) по уклону сортировочной горки, как и в [9]. Новая методика дала возможность найти кинематические параметры вагона (время и скорость скатывания) при заданных геометрических параметрах (уклон и длина) рассматриваемого участка сортировочной горки.

Результаты расчётов по определению кинематических параметров вагона по новой методике позволили вначале по формуле пройденного вагоном расстояния $x(t)$, соответствующего принятой длине уклона l_2 , найти время t_2 , а затем определить скорость скатывания

Результаты расчётов по определению кинематических параметров вагона по новой методике позволили вначале по формуле пройденного вагоном расстояния $x(t)$, соответствующего принятой длине уклона l_2 , найти время t_2 , а затем определить скорость скатывания

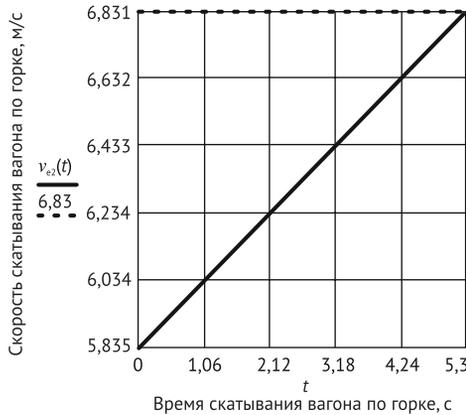

Рис. 2. Графическая зависимость скорости скатывания вагона по уклону горки при вариации времени скатывания

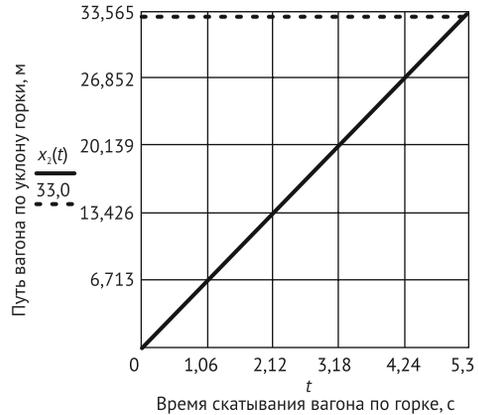

Рис. 3. Графическая зависимость пройденного расстояния при скатывании вагона по уклону горки при вариации времени скатывания

вагона в конце уклона $v(t_2)$. Так можно найти скорость вагона $v(t)$ в любой момент времени t скатывания вагона по уклону сортировочной горки.

Изменяя время скатывания вагона по уклону рассматриваемого участка горки t , построены графические зависимости $v(t)$ и $x(t)$.

Результаты выполненных исследований могут быть использованы для корректного решения технической проблемы определения кинематических характеристик вагона ($v(t)$ и $x(t)$) при его скатывании по профилю сортировочной горки. ■

Литература

1. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Некоторые проблемы теоретической предпосылки динамики скатывания вагона по уклону сортировочной горки // Бюллетень транспортной информации. 2015. № 3 (237). С. 29–36. ISSN 2072-8115.
2. Образцов В. Н. Станции и узлы. ч. II. М., 1938. С. 492.
3. Апатцев В. И., Ефименко Ю. И. Железнодорожные станции и узлы. М., 2014. С. 855.
4. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Математическая модель времени скатывания вагона на первом скоростном участке сортировочной горки при воздействии попутного ветра малой величины // Бюллетень транспортной информации. 2015. № 6 (240). С. 17–23. ISSN 2072-8115.
5. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Аналитическое определение времени скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии попутного ветра малой величины // Наука и техника транспорта. 2015. № 2. С. 73–81. ISSN 2074-9325.
6. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Аналитическое описание движение вагона на первом скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины // Транспорт Урала. 2015. № 2 (45). С. 7–13. ISSN 1815-9400.
7. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Математические модели скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины // Вестник УрГУПС. 2015. № 2 (26). С. 21–35. ISSN 2079-0392.
8. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Новая методика расчёта времени и скорости скатывания вагона на первом скоростном участке сортировочной горки при воздействии попутного ветра малой величины // Бюллетень транспортной информации. 2015. № 7 (241). С. 16–21. ISSN 2072-8115.
9. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Новая методика расчёта времени и скорости скатывания вагона на первом скоростном участке сортировочной горки при воздействии встречного ветра малой величины // Транспорт Урала. 2015. № 3 (46). С. 34–37. ISSN 1815-9400.
10. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Определение времени и скорости скатывания вагона перед первой горочной тормозной позицией сортировочной горки при воздействии попутного ветра малой величины // Транспорт: наука, техника, управление. 2015. № 7. С. 34–37. ISSN 0236-1914.
11. Туранов Х. Т., Гордиенко А. А. Пример расчёта времени и скорости скатывания вагона на втором скоростном участке сортировочной горки при воздействии попутного ветра малой величины по новой методике // Наука и техника транспорта. 2015. № 3. С. 16–24. ISSN 2074-9325.
12. Лойцянский Л. Г., Лурье А. И. Курс теоретической механики. Т. II. М., 1983. С. 640.
13. Шмаль С. Н. Попытка заново рассчитать брахистохрону // Мир транспорта. 2011. № 3. С. 34–38. ISSN 1992-3252.
14. Кобзев В. А. Применение метода покоординатного спуска при расчётах спускной части сортировочных горок // Тр. Четырнадцатой науч.-практич. конф. «Безопасность движения поездов». М., 2013. С. IV-12–IV-13.
15. Кобзев В. А., Шмаль С. Н. Особенности расчёта спускной части сортировочных горок методом покоординатного спуска // Наука и техника транспорта. 2014. № 1. С. 17–20. ISSN 2074-9325.
16. Долженко А. М. Оптимальное управление роспуском поездов на сортировочных горках малой мощности // Вестник транспорта Повольжья. 2014. № 1 (43). С. 62–66. ISSN 1997-0722.

17. Долженко А. М. Problems of optimization control of trains formation // Сб. науч. трудов по материалам Международ. научн.-практ. конф. «Наука и образование в жизни современного общества», 2013. С. 53–54.
18. Бронштейн И. Н., Семендяев К. А. Справочник по математике для инженеров и учащихся втузов. М., 1980. С. 976.
19. Яворский В. М., Пинский А. А. Основы физики. Т. I. Механика. Молекулярная физика. Электродинамика. М., 1981. С. 480.
20. Туранов Х. Т. Теоретическая механика в задачах грузовых перевозок : монография. Новосибирск, 2009. С. 376.
21. Приложение 14 к СМГС «Правила размещения и крепления грузов в вагонах и контейнерах». М., 2008. С. 191.
22. Кирьянов Д. В. Mathcad 15 / Mathcad Prime 1.0. СПб, 2012. С. 432.

References

1. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Nekotorye problemy teoreticheskoy predposylki dinamiki skatyvaniya vagona po uklonu sortirovochnoy gorki [Some problems of the theoretical background of car dynamics rolling down the hump] // Byulleten transportnoy informatsii. 2015. № 3 (327). P. 29–36. ISSN 2072-8115.
2. Obratsov V. N. Stantsii i uzly. Ch. II. [Stations and junctions. Part II]. М. : Transzheldorizdat, 1938. 492 p.
3. Apattsev V. I., Yefimenko Yu. I. Zheleznodorozhnye stantsii i uzly [Railway stations and junctions]. М., 2014. S. 855.
4. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Matematicheskaya model vremeni skatyvaniya vagona na pervom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii poputnogo vetra maloy velichiny [Mathematical model of the time required for a car to roll down on the first high-speed hump section when exposed to light tailwind] // Byulleten transportnoy informatsii. 2015. № 6 (240). S. 17–23. ISSN 2072-8115.
5. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Analiticheskoe opredelenie vremeni skatyvaniya vagona na vtorom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii poputnogo vetra maloy velichiny [Analytical determination of the time of car rolling down on the second high-speed section of hump when exposed to light headwind] // Nauka i tekhnika transporta. 2015. № 2. S. 73–81. ISSN 2074-9325.
6. Turanov Kh. T. Analiticheskoe opisanie dvizheniya vagona na pervom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii vstrechnogo vetra maloy velichiny [Analytical description of the movement of car on the first high-speed section of hump when exposed to light headwind] / Kh. T. Turanov, A. A. Gordienko // Transport of the Urals. 2015. № 2. P. 34–37. ISSN 1815-9400.
7. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Matematicheskie modeli skorosti skatyvaniya vagona na vtorom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii vstrechnogo vetra maloy velichiny [Mathematical models of car rolling speed on the second high-speed hump section when exposed to light headwind] // Herald of USURT. 2015. № 2 (26). S. 21–35. ISSN 2079-0392.
8. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Novaya metodika raschyota vremeni i skorosti skatyvaniya vagona na pervom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii poputnogo vetra maloy velichiny [A new method to calculate the time and speed of a car rolling on the first high-speed hump section when exposed to light tailwind] // Byulleten transportnoy informatsii. 2015. № 7 (241). S. 16–21. ISSN 2072-8115.
9. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Novaya metodika raschyota vremeni i skorosti skatyvaniya vagona na pervom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii vstrechnogo vetra maloy velichiny [A new method to calculate the time and speed of a car rolling on the first high-speed hump section when exposed to light headwind] // Transport of the Urals. 2015. № 3 (46). S. 34–37. ISSN 1815-9400.
10. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Opredelenie vremeni i skorosti skatyvaniya vagona pered pervoy gorochnoy tormoznoy pozitsiyey sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii poputnogo vetra maloy velichiny [Determining time and speed of a car rolling down before the first braking position of a hump when exposed to light tailwind] // Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. 2015. № 7. S. 34–37. ISSN 0236-1914.

11. Turanov Kh. T., Gordienko A. A. Primer rascheta vremeni i skorosti skatyvaniya vagona na vtorom skorostnom uchastke sortirovochnoy gorki pri vozdeystvii poputnogo vetra maloy velichiny po novoy metodike [An example of calculation of time and speed of the car rolling down on the second high-speed hump section when exposed to light tailwind using a new method] // Nauka i tekhnika transporta. 2015. № 3. S. 16–24. ISSN 2074-9325.
12. Loytsyanskiy L. G., Lurie A. I. Kurs teoreticheskoy mekhaniki. T. II. Dinamika. [Course of theoretical mechanics. Vol. 2 Dynamics] M. : Nauka, 1983. 640 p.
13. Shmal S. N. Popytka zanovo rasschitat brakhistokhronu [An attempt to recalculate brachistochrone] // Mir transporta. 2011. № 3. S. 34–38. ISSN 1992-3252.
14. Kobzev V. A. Primenenie metoda pokoordinatnogo spucka pri raschyotakh spusknoy chasti sortirovochnykh gorok [Application of the method of coordinate-wise descent in analysis of descent part of marshalling yards] // Tr. 14-y nauch.-praktich. konf. «Bezopasnost dvizheniya poezdov». M., 2013. S. IV-12-IV-13.
15. Kobzev V. A., Shmal S. N. Osobennosti raschyota spusknoy chasti sortirovochnykh gorok metodom pokoordinatnogo spuska [Specifics of the analysis of the descent part of humps using coordinate-wise method] // Nauka i tekhnika transporta. 2014. № 1. S. 17–20. ISSN 2074-9325.
16. Dolzhenko A. M. Optimalnoe upravlenie rospuskom poezdov na sortirovochnykh gorkakh maloy moschnosti [Optimal control of train sorting on low-capacity humps] // Vestnik transporta Povolzhya. 2014. № 1 (43). S. 62–66. ISSN 1997-0722.
17. Dolzhenko A. M. Problems of optimization control of trains formation / Sb. nauch. trudov po materialam Mezhdunarod. nauchn.-peraktich. konf. «Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obschestva», 2013. S. 53–54.
18. Bronshteyn I. N., Semendyaev K. A. Spravochnik po matematike dlya inzhenerov i uchashchikhsya vtuzov. [Handbook on mathematics for engineers and students of technical universities] M. : Nauka, 1980. 976 p.
19. Yavorskiy V. M., Pinskiy A. A. Osnovy fiziki. T. I. Mekhanika. Molekulyarnaya fizika. Elektrodinamika. [Fundamentals of Physics. Vol. I. Mechanics. Molecular Physics. Electrodynamics.] M., 1981. S. 480.
20. Turanov Kh. T. Teoreticheskaya mekhanika v zadachakh zheleznodorozhnogo transporta: monografiya. [Theoretical mechanics in rail transport problems: a monograph.] Novosibirsk, 2009. S. 376. ISBN 5-89035-123-0.
21. Annex № 14 to SMGS «Rules of placement and securing of cargo in rail cars and containers» M., 2008. S. 191.
22. Kiryanov D. V. Mathcad 15 / Mathcad Prime 1.0. SPb, 2012. S. 432.

Статья сдана в редакцию 30 мая 2015 года

Г. Л. Аккерман, Д. А. Скутин

Оценка поперечной устойчивости рельсошпальной решетки в балластной призме

G.L. Akkerman, D.A. Skutin

Evaluation of lateral stability of rails and sleepers in ballast section

Аннотация

Сохранение устойчивости пути на всех этапах работы железнодорожного пути является одной из основных задач путевого комплекса железнодорожного транспорта.

Произведена численная оценка величины горизонтальных поперечных сил, возникающих при движении подвижного состава с двумя двухосными тележками по криволинейному участку железнодорожного пути. Построены изополя горизонтальных поперечных сил при движении поезда по криволинейному участку в зависимости от радиуса круговой кривой и скорости прохода состава.

Исследованы существующие способы повышения поперечной устойчивости рельсошпальной решетки железнодорожного пути в балласте. Выбран один из альтернативных методов повышения ее устойчивости, а именно, применение геосетки из базальтовых волокон. Основными критериями при выборе данной конструкции была простота производства и установки, долговечность, дешевизна и экологичность.

Проведены теоретические расчеты по определению максимально возможного сдвигающего усилия при стандартной конструкции верхнего строения железнодорожного пути и при применении дополнительных устройств, повышающих поперечную устойчивость рельсошпальной решетки в балластной призме.

Ключевые слова: устойчивость железнодорожного пути, удерживающая конструкция, поперечные силы, железнодорожный путь, геосетка, базальтовая сетка, рельсошпальная решетка, балласт.

Summary

Keeping track stability at all stages of railway track operation is one of the main tasks of railway track complex.

A numerical evaluation of horizontal shear forces has been performed, which arise from the motion of the rolling stock with two two-axle bogies along curved track section. Contour plots of horizontal shear forces have been drawn for train movement on curved section, depending on the circular curve radius and train speed.

Ways to improve the existing lateral stability of rails and sleepers in ballast section have been studied. One of the alternative methods to enhance its stability has been chosen, namely the use of geogrid made of basalt fibers. The main criteria for selection of this design were the simplicity of manufacture and installation, durability, low cost and environmental friendliness.

Theoretical calculations to determine the maximum possible shear have been carried out for a standard track superstructure design and the use of additional devices that increase the lateral stability of the rails and sleepers in ballast section.

Keywords: railway track stability, retaining structure, shear forces, railway track, geogrid, basalt grid, rails and sleepers, ballast.

Геннадий Львович Аккерман, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой «Путь и железнодорожное строительство» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: GAkkerman@usurt.ru.

Дмитрий Александрович Скутин, аспирант; кафедра «Путь и железнодорожное строительство» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: daskutin@mail.ru.

Gennady Lvovich Akkerman, DSc in Engineering, Head of «Railway Construction and Railway Track» Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia. E-mail: GAkkerman@usurt.ru.

Dmitry Alexandrovich Skutin, Graduate Student, «Railway Construction and Railway Track» Department, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, E-mail: daskutin@mail.ru.

Один из наиболее опасных дефектов железнодорожного пути – это потеря его устойчивости. Устойчивостью пути называется способность железнодорожного пути сопротивляться нарушению равновесия при воздействии на него внешних и внутренних сил. Основные формы потери устойчивости железнодорожного пути: выброс пути, поперечный сдвиг рельсошпальной решётки под действием поперечных сил, развиваемых при движении экипажей и другие.

Оценка силового воздействия, возникающего на контакте «колесо – рельс», стала первым этапом исследования, направленного на повышение поперечной устойчивости рельсошпальной решетки в балласте. Для определения сил, возникающих при движении поездов по криволинейным участкам пути с различными скоростями движения, проведено моделирование в программном комплексе «Универсальный механизм» (УМ) на специализированном модуле для моделирования динамики железнодорожных экипажей. Моделирование производится во временной области. УМ позволяет создавать полностью параметризованные модели: задавать с помощью идентификаторов или выражений инерционные и геометрические параметры, основные характеристики силовых элементов (например, жесткости пружин, коэффициенты диссипации гасителей, коэффициенты трения в контактах и так далее).

Определение горизонтальных поперечных сил на контакте «колесо – рельс» производилось для скоростей движения 80, 100 и 120 км/ч при движении экипажа по криволинейным участкам пути с радиусами круговых кривых: 250, 300, 350, 400, 500, 600 и 700 м. Для всех вариантов прохода поезда были подобраны характеристики возвышения наружного рельса и длины переходных кривых в соответствии с «Техническими условиями на работы по реконструкции (модернизации) и ремонту железнодорожного пути» [1]. Результаты численных экспериментов представлены в таблице 1 и на рис. 1.

В настоящее время устойчивость рельсошпальной решетки сдвигу обеспечивается за счет поперечной жесткости рельсошпальной решетки, сил сопротивления сдвигу, возникающих в торце шпалы от воздействия плеча балластной призмы, сил трения между балластом и соприкасающихся с ним поверхностей шпал. Для повышения поперечной устойчивости железнодорожного пути могут применяться приспособления, устанавливаемые в конструкцию рельсошпальной решетки и способствующие повышению удерживающих сил.

Одно из таких устройств было разработано на кафедре «Путь и железнодорожное строительство» (УрГУПС) [2]. Цель данного изобретения – повышение устойчивости рельсошпальной решетки в кривых железнодорожного

Таблица 1

Поперечные силы на контакте «колесо – рельс»
при движении поездов по криволинейным участкам пути

Радиус круговой кривой, м	Поперечные силы на контакте «колесо – рельс», Н		
	Скорость движения подвижного состава, км/ч		
	80	100	120
250	36 900	62 408	97 409
300	30 173	49 684	77 036
350	23 971	40 512	65 572
400	16 998	31 289	55 017
500	13 126	18 974	37 651
600	9565	14 346	28 131
700	8167	8888	18 150

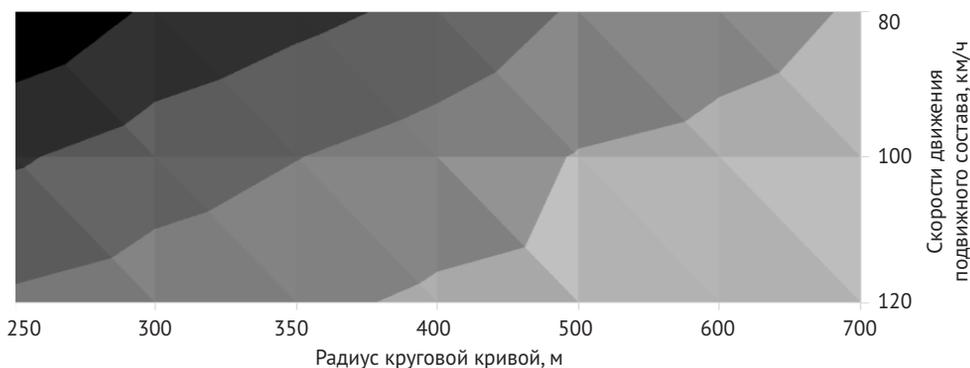

Рис. 1. Изополя поперечных сил на контакте «колесо – рельс»

□ 0–20 000; ■ 20 000–40 000; ■ 40 000–60 000; ■ 60 000–80 000; ■ 80 000–100 000

пути, сокращение затрат труда на текущее содержание, снижение эксплуатационных расходов [3,4].

На шпалы устанавливают конструкции, увеличивающие силу торцевого сопротивления сдвигу рельсошпальной решетки (рис. 2).

Однако данное устройство имеет ряд недостатков: повышение металлоемкости железнодорожного пути, подверженность конструкции коррозии.

Поэтому в ходе исследования предложено удерживающее устройство из геосетки с базальтовыми волокнами (рис. 3, 4).

Применение такой конструкции позволяет увеличить удерживающую силу, которая возникает за счет заклинивания частиц щебеночного балласта в ячейках геосетки (рис. 5).

Предлагаемая нами конструкция позволяет снизить металлоемкость желез-

нодорожного пути, подразумевает использование промышленно производимых материалов, не содержит металлических частей, подверженных коррозии.

В ходе исследования было произведено лабораторное определение удерживающей способности конструкции из базальтовых волокон. Датчик 1 установлен для определения прикладываемой горизонтальной нагрузки. Датчик 2 установлен на расстоянии 10 см от торца шпалы для определения величины напряжений, возникающих в пришпальном пространстве. Расположение датчика 3 на расстоянии 20 см от датчика 2 обеспечивает оценку затухания напряжений под плечом балластной призмы. Вертикальная сила $F_{тяж}$ обеспечивает пригрузку шпалы в соответствии со значением силы, действующей на рельсошпальную решетку при проходе подвижного состава (рис. 6).

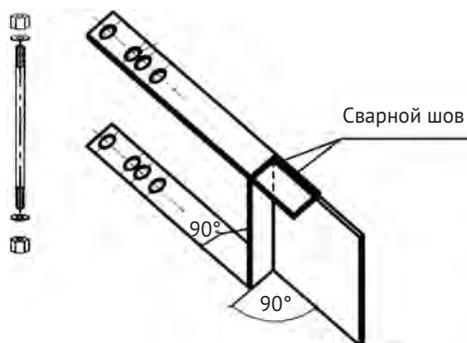

Рис. 2. Устройство, препятствующее поперечному сдвигу РШР

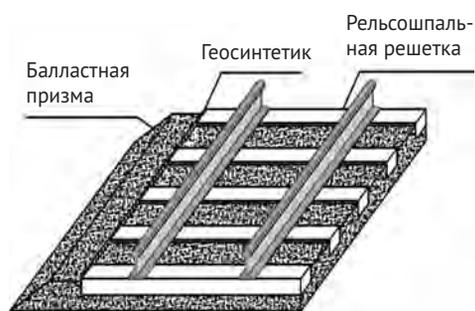

Рис. 3. Удерживающая конструкция из геосетки

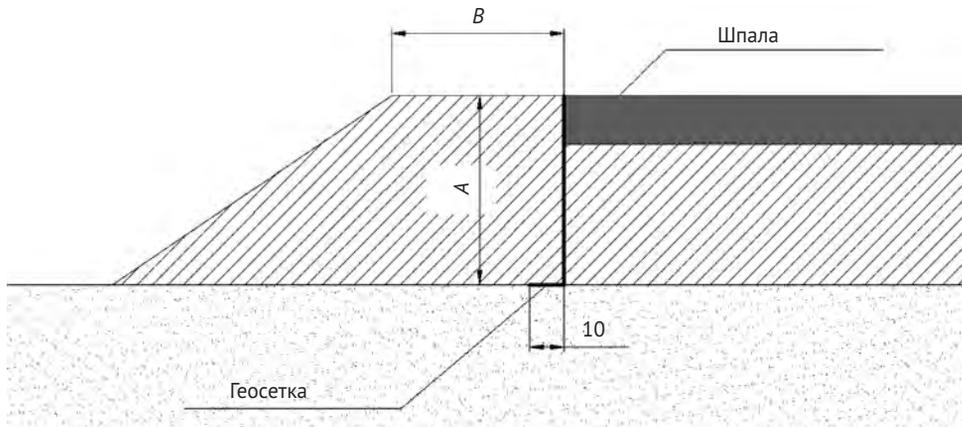

Рис. 4. Схема размещения удерживающей конструкции из геосетки
 A – ширина базальтовой решетки, может изменяться от 14 до 59 см; B – ширина плеча балластной призмы

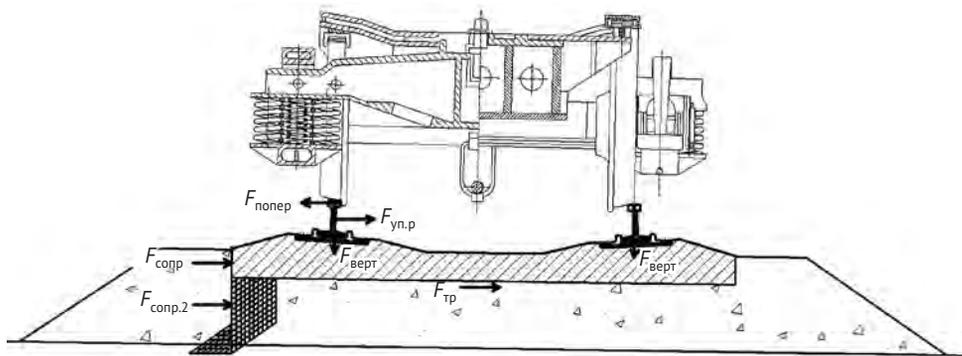

Рис. 5. Схема действия сил с применением удерживающей конструкции

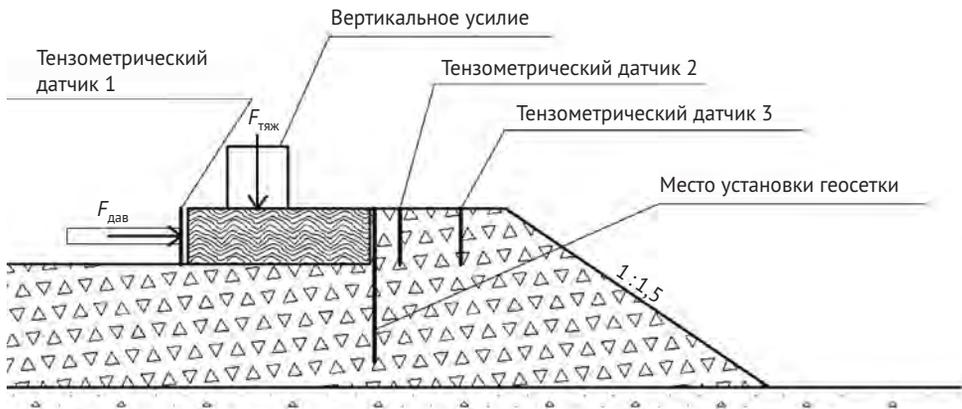

Рис. 6. Схема стенда для проведения испытаний

На следующем этапе происходило плавное увеличение сдвигающей нагрузки от нуля до значений, соответствующих потере устойчивости балластной призмы [5]. По результатам эксперимента получены значения сил, возникающих на тензометрических датчиках (рис. 7, 8).

На датчике 1 отображается значение усилия, прикладываемого механизмом нагружения к торцу шпалы. Датчик 2 показывает силы, возникающие под плечом балластной призмы на расстоянии 10 см от наружного торца шпалы. Датчик 3 снимает показания усилий под плечом балластной призмы

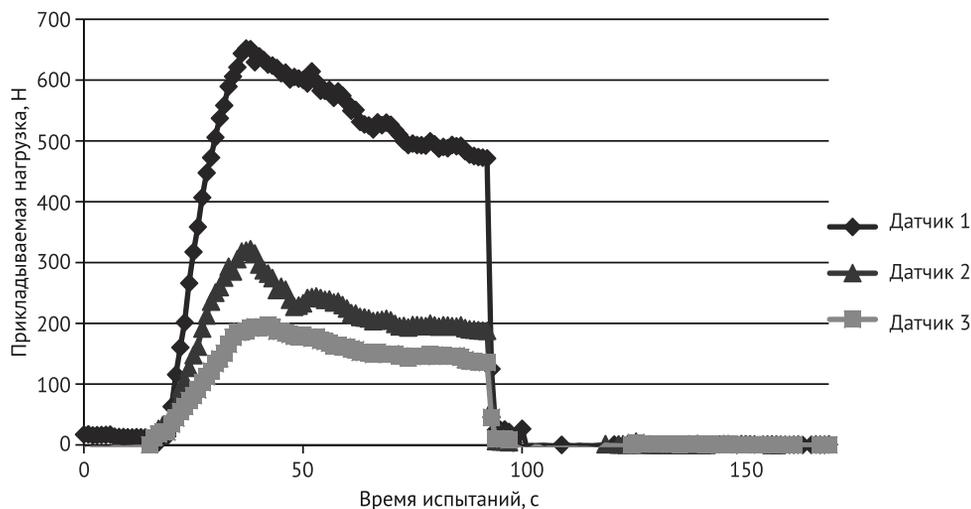

Рис. 7. График зависимости усилий, возникающих в конструкции балластной призмы, при нагружении шпалы длиной 40 см без установки удерживающей конструкции

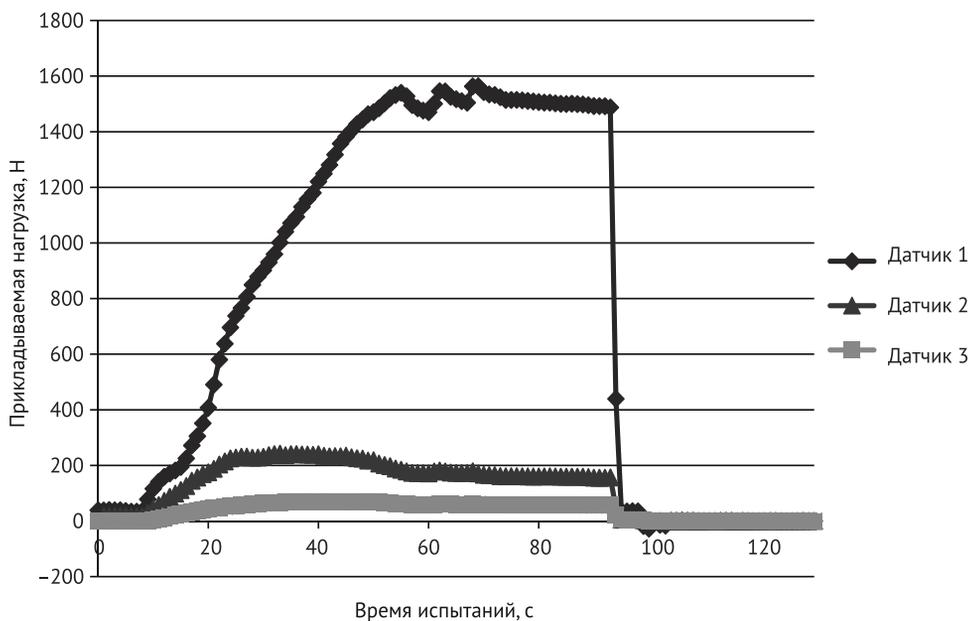

Рис. 8. График зависимости усилий, возникающих в конструкции балластной призмы, при нагружении шпалы длиной 40 см с установкой удерживающей конструкции

на расстоянии 30 см от наружного торца шпалы.

Начальная нагрузка на датчиках вызвана закреплением механизма нагружения и прижатия его к испытуемой шпале, тем самым передавая часть сдвигающих усилий. При дальнейшем увеличении нагрузки на шпалах без установки удерживающей конструкции в точке перегиба графиков происходит потеря устойчивости пути.

На рис. 7 и 8 нагрузка на датчиках 2 и 3 в точке перегиба соответствует потере устойчивости пути в балластной призме, так как при возрастающей сдвигающей нагрузке значения сдвигающих усилий под плечом балластной призмы не увеличиваются, что может свидетельствовать о возникновении пластических деформаций в зоне плеча балластной призмы.

В ходе проведения испытаний по оценке напряжений в армированной

и неармированной балластной призме получен ряд статистических данных (сведены в таблицы 2, 3, а также представлены на рис. 9, 10).

Строка «Нагрузка, воспринимаемая РШР, Н» показывает значение удерживающей способности рельсошпальной решетки без использования базальтовой геосетки и с ее использованием.

По полученным данным построены диаграммы, отображающие значения усилий при каждом из испытаний (рис. 9, 10).

Эксперименты показали, что установка базальтовой геосетки в торце шпалы позволяет повысить значение нагрузки, при которой происходит потеря устойчивости рельсошпальной решетки в балластной призме, на 44–47 %.

Для теоретического определения величины удерживающей силы были рассчитаны ее составляющие. Величина

Таблица 2

Усилия в балластной призме при нагрузках, соответствующих потере устойчивости для каждого испытания

№ датчика	Нагрузка, Н			
	шпала 60 см без сетки	шпала 60 см с сеткой	шпала 40 см без сетки	шпала 40 см с сеткой
1	1582	2289	645	950
2	990	581	363	241
3	421	373	215	67
Нагрузка, воспринимаемая РШР, Н	592	1708	282	709
Нагрузка, воспринимаемая РШР, %	37,4	74,6	43,8	74,6

Таблица 3

Усилия в балластной призме при нагрузках, соответствующих потере устойчивости для шпал, установленных без армирующей сетки

№ датчика	Нагрузка, Н			
	шпала 60 см без сетки	шпала 60 см с сеткой	шпала 40 см без сетки	шпала 40 см с сеткой
1	1582	1578	645	636
2	990	470	363	214
3	421	289	215	54
Нагрузка, воспринимаемая РШР, Н	592	1108	282	422
Нагрузка, воспринимаемая РШР, %	37,4	70,2	43,8	66,3

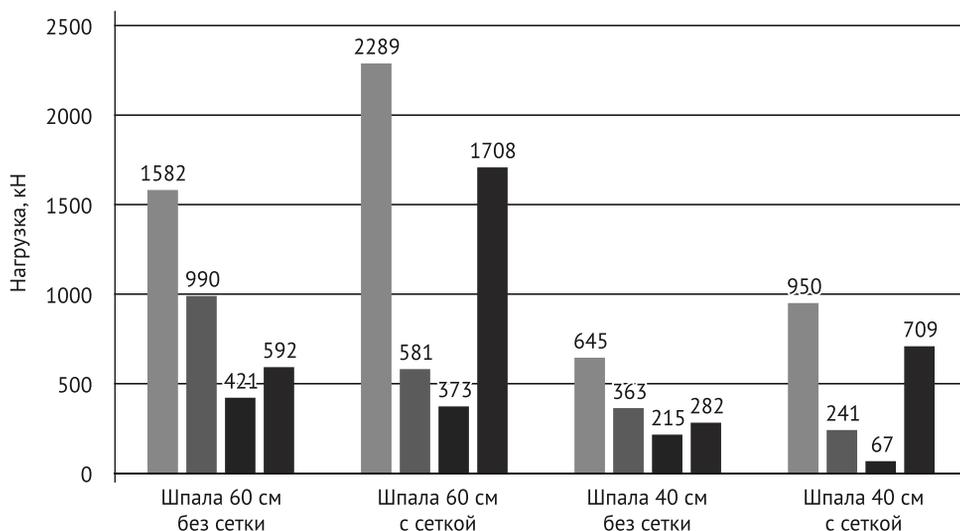

Рис. 9. Распределение усилий в балластной призме при нагрузках, соответствующих потере устойчивости для каждого испытания

■ датчик 1; ■ датчик 2; ■ датчик 3; ■ нагрузка, воспринимаемая РШР

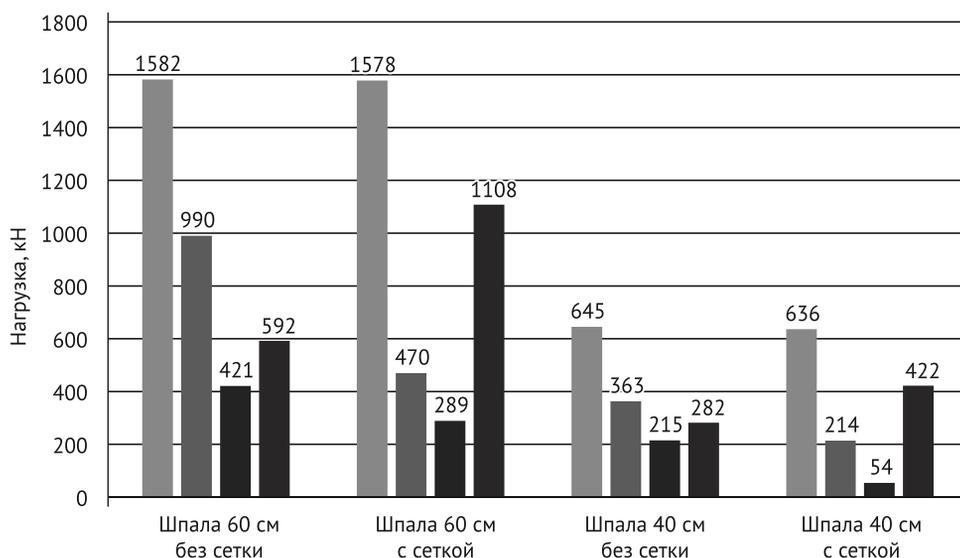

Рис. 10. Распределение усилий в балластной призме при нагрузках, соответствующих потере устойчивости для шпал, установленных без армирующей сетки

■ датчик 1; ■ датчик 2; ■ датчик 3; ■ нагрузка, воспринимаемая РШР

силы сопротивления грунта сдвигу при использовании стандартной конструкции рельсошпальной решетки определена с помощью методики расчета усилия копания грунта отвалом бульдозера [6]. Сопротивление сдвигу ($F_{\text{сопр}}$) массива грунта под плечом балластной призмы можно определить аналогично сопротивлению призмы волочения грунта отвалом бульдозера, где торец шпалы выступает в качестве рабочего органа бульдозера. Тогда сопротивление сдвигу (кН) будет равно

$$F_{\text{сопр}} = 9,81 \cdot 10^{-3} \cdot V_{\text{пр}} \cdot \gamma \cdot \text{tgr}, \quad (1)$$

где $V_{\text{пр1}}$ – объем призмы волочения, $0,048 \text{ м}^3$ (рис. 11); γ – объемная масса грунта, 1900 кг/м^3 ; tgr – коэффициент трения грунта по грунту $0,93$.

Таким образом, величина силы сопротивления сдвигу ($F_{\text{сопр}}$) при величине плеча балластной призмы $0,5 \text{ м}$ и шпалы типа КБ составит $0,83 \text{ кН}$ на каждую шпалу. При использовании удерживающего приспособления

увеличится объем призмы волочения до $V_{\text{пр2}} = 0,052 \text{ м}^3$ при использовании конструкции только в шпальных ящиках (рис. 12), а сила сопротивления сдвигу увеличится до $0,91 \text{ кН}$ на шпалу, что соответствует увеличению на $9,5 \%$.

Применение данной удерживающей конструкции позволяет использовать эшпору шпал 1840 шт./км на всех участках пути, поскольку при увеличении количества шпал до эшпору 2000 шт./км удерживающая сила возрастает на $8,7 \%$.

Для дальнейшего определения эффективности применения такого устройства в конструкции верхнего строения железнодорожного пути необходимо проведение натурных экспериментов по определению напряжений, возникающих при движении подвижного состава по криволинейным участкам [7], с учетом возможности возникновения дополнительных динамических сил при движении подвижного состава по участку железнодорожного пути с неидеальной микрогеометрией [8]. ■

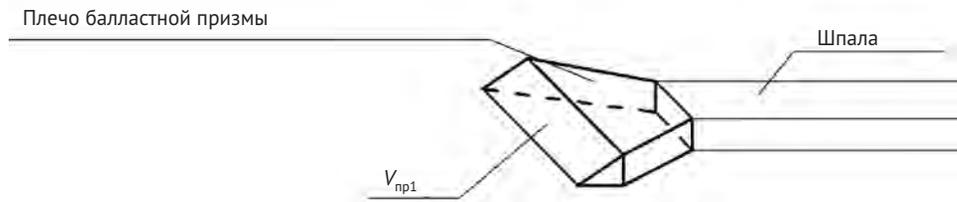

Рис. 11. Объемы призмы волочения без армирования

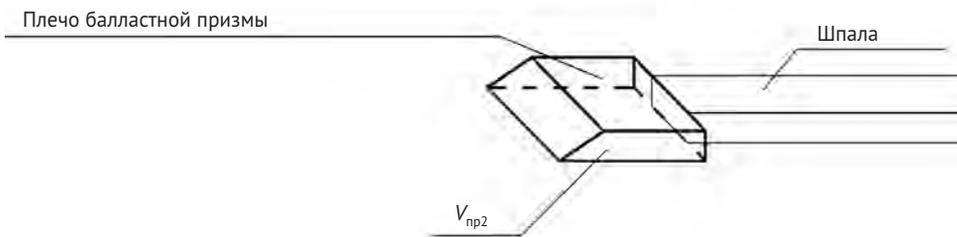

Рис. 12. Объемы призмы волочения с армированием

Литература

1. Технические условия на работы по реконструкции (модернизации) и ремонту железнодорожного пути : распоряжение ОАО «РЖД» от 18 января 2013 г. № 75р.
2. Пат. RU 2339756 Российская Федерация, МПК E01B1/00, E01B3/00, E01B3/08. Устройство для повышения поперечной устойчивости рельсошпальной решетки в балласте (варианты) / Кравченко Ю. М., Аккерман Г. Л., Павлов С. А., Рублев С. А. (RU) ; заявитель и патентообладатель ГОУ ВПО «Уральский государственный университет путей сообщения» (УрГУПС) (RU). – Заявл. 10.04.07 ; опубл. 27.11.08, Бюл. № 33. – 9 с.
3. Аккерман Г. Л., Аккерман С. Г., Кравченко О. А. Метод снижения затрат на содержание криволинейных участков пути // Железнодорожный транспорт. 2011. № 5. С. 41–42. ISSN 0044-4448.
4. Кравченко Ю. М. Оптимизация эпюры шпал в переходных кривых // Путь и путевое хозяйство. 2013. № 6. С. 17–19. ISSN 0033-4715.
5. Скутин А. И., Скутин Д. А., Табынщиков А. И. Моделирование земляного полотна, армированного геосинтетическими материалами // Проектирование развития региональной сети железных дорог. 2014. № 2. С. 143–149. ISBN 978-5-262-00734-9.
6. Разумов Ю. В., Улитич О. Ю. Экспериментальное и теоретическое определение сопротивления копанью грунта и мощности привода бульдозера // Методические указания к лабораторной работе. – М. : МАДИ, 2007.
7. Аккерман Г. Л. Кривые участки пути как подсистема инфраструктуры железной дороги / – Транспорт Урала. 2004. № 2. С. 14–19. ISSN 1815-9400.
8. Аккерман Г. Л., Голубев О. В. Алгоритм выявления участков пути с неблагоприятной динамикой // Путь и путевое хозяйство. 2013. № 1. С. 19–22. ISSN 0033-4715.

References

1. Specifications for reconstruction (modernization) and repair of railway tracks: order of JSC Russian Railways of January 18, 2013. № 75 r.
2. Pat. RU 2339756 Russian Federation IPC E01B1 / 00, E01B3 / 00, E01B3 / 08. A device for increasing the transverse stability of rails and sleepers in aggregate (options) / Yuri Kravchenko, Akkerman GL, Pavlov SA, SA Rublev (RU); applicant and patentee GOU VPO Ural State University of Railway Transport (USURT) (RU). – Application 10.04.07; published on. 27.11.08, Bulletin № 33.
3. Akkerman G.L., Akkerman P. G., Kravchenko O.A. Metod snizheniya zatrat na sodержanie krivolineynykh uchastkov puti [A method to reduce the cost of maintaining curved track sections] // Zheleznodorozhny transport. 2011. № 5. P. 41–42. ISSN 0044-4448.
4. Kravchenko Yu.M. Optimizatsiya epyury shpal v perekhodnykh krivykh [Optimization sleepers diagrams in ease curves] // Put i putevoe khozyaystvo. 2013. № 6. S. 17–19. ISSN 0033-4715.
5. Skutin A.I., Skutin D.A., Tabynshchikov A.I. Modelirovanie zemlyanogo polotna, armirovannogo geosinteticheskimi materialami [Modeling roadbed reinforced by geosynthetic materials] // Proektirovanie razvitiya regionalnoy seti zheleznykh dorog. 2014. № 2. S. 143–149. ISBN 978-5-262-00734-9.
6. Razumov Yu.V., Ulitich O.Yu. Eksperimentalnoe i teoreticheskoe opredelenie soprotivleniya kopaniyu grunta i moschnosti privoda buldozera [Experimental and theoretical determination of soil resistance and bulldozer drive power] // Metodicheskie ukazaniya k laboratornoy rabote. – M. : MADI, 2007.
7. Akkerman G.L. Krivye uchastki puti kak podsistema infrastruktury zheleznoy dorogi [Curves track sections as a railway infrastructure subsystem] // Transport of the Urals. 2004. № 2. P. 14–19. ISSN 1815-9400.
8. Akkerman G.L., Golubev O.V. Algoritm vyyavleniya uchastkov puti s neblagopriyatnoy dinamikoy [Algorithm for detection of track sections with unfavorable dynamics] // Put i putevoe khozyaystvo. 2013. № 1. S. 19–22. ISSN 0033-4715.

Статья сдана в редакцию 25 августа 2015 года

Организация и логистика

УДК 159.9.07

А. М. Павлова

Ценностно-смысловые ресурсы преодоления витального стресса

UDC 159.9.07

A. M. Pavlova

Value-based and conceptual resources to overcome vitality stress

Аннотация

По отношению к сотрудникам государственной противопожарной службы МЧС России рассмотрены предпосылки возникновения витального стресса, выявлены механизмы его негативного воздействия на самочувствие личного состава. Установлены статистически значимые различия между сотрудниками государственной противопожарной службы с различным индексом ресурсности. Работники с высоким индексом ресурсности имеют четкие цели, используют все возможности для их достижения, открыты новому опыту, готовы действовать при отсутствии гарантий успеха, соблюдают баланс в процессе обмена внешними и внутренними ресурсами в условиях витального стресса.

Ключевые слова: витальный стресс, преодоление стресса, ценностно-смысловые ресурсы.

Summary

Factors of vitality stress have been considered with respect to employees of the State Fire Service of EMERCOM of Russia, and mechanisms of its negative impact on the health of the personnel have been revealed. Statistically significant differences between the state fire service officers with a different index of resource intensity. Workers with high index of resource intensity have clear objectives, use all opportunities to achieve them, are open to new experience, ready to act when there is no guarantee of success, maintain a balance in the exchange of internal and external resources in the context of vitality stress.

Keywords: vitality stress, stress management, value-based and conceptual resources.

В настоящее время интенсивно развиваются нефтяная, газовая, химическая и другие взрыво- и пожароопасные отрасли промышленности; в строительстве активно применяются новые легкогорючие материалы. Из-за резко увеличившегося количества природных и техногенных катастроф, террористических актов и бытовых аварий требуются высококвалифицированные специалисты, способные действовать в экстремальных условиях, под воздействием комплекса опасных и вредных факторов. Важное место в системе безопасности занимает государственная противопожарная служба МЧС России.

Специфика деятельности личного состава ГПС заключается в предельных условиях труда, высоком уровне профессионального риска, опасных и вредных факторах, превышающих допустимые уровни в несколько раз. По статистике, профессия пожарного по степени опасности и вредности занимает третье-четвертое место в ряду других

Анна Михайловна Павлова, канд. психолог. наук, доцент; кафедра философии и истории Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: anna_pavlova1979@mail.ru.

Anna M. Pavlova, PhD in Psychology, Associate Professor; Philosophy and History Chair of Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: anna_pavlova1979@mail.ru.

профессий. Профессиональная деятельность сотрудников государственной противопожарной службы, ликвидирующих последствия чрезвычайных ситуаций, протекает в особых условиях и характеризуется воздействием значительного числа стрессовых факторов, вызванных этими витальными угрозами [1].

Под витальным стрессом будем понимать многоуровневый процесс адаптационной активности человека в обстоятельствах, связанных с угрозой его жизни и существованию. Ожидание события, представляющего угрозу для организма, вызывает острый эмоциональный стресс, сопровождающийся переживанием интенсивного страха, чувством беспомощности. Экстремальные психогенные воздействия могут приводить к формированию специфических поведенческих отклонений и нарушений психики – посттравматическому стрессовому расстройству. Большинство исследований по проблеме стресса связано с изучением острой стрессовой реакции. Работы, касающиеся отдалённых последствий стресса, встречаются в литературе значительно реже [2, 3].

Впервые термин «стресс» в физиологию и психологию ввёл Уолтер Брэдфорд Кеннон в своих классических работах по универсальной реакции «борьба или бегство» в 1932 г. Реакция «борьбы или бегства» служит острым ответом на стрессовое воздействие, первичной стрессовой реакцией. В более поздних исследованиях она идентифицирована как первая стадия в составе общего адаптационного синдрома.

В современном биологическом смысле термин «стресс» начал использовать Ганс Селье. Концепция стресса была предложена им в 1936 г. в его первой работе, посвящённой описанию общего адаптационного синдрома. Г. Селье характеризовал общий адаптационный синдром как гомеостатическую модель самосохранения организма и мобилизации ресурсов для реакции на стрессор. Однако только с 1946 г. он стал использовать термин «стресс» для обозначения общего адаптационного напряжения,

поскольку изначально этот термин использовался в основном для обозначения нервно-психического напряжения и долгое время ассоциировался с реакцией «борьбы или бегства». Стресс является генерализованной реакцией организма на любой сильный раздражитель. Фактор, воздействующий на организм и вызывающий стресс, называют стрессором [2].

При длительном действии стрессора на организм возникают адаптивные реакции, названные Г. Селье общим адаптационным синдромом. Различают три основные стадии адаптационного синдрома: а) реакция тревоги, б) стадия резистентности организма и в) стадия истощения. Острая физиологическая реакция на стрессор представляет собой активизацию симпатoadреналовой системы и сопровождается выбросом в кровь адреналина, норадреналина и глюкокортикоидных гормонов. Первая стадия общего адаптационного синдрома характеризуется мобилизацией всех энергетических ресурсов организма, перераспределением кровообращения между жизненно важными и вторичными органами тела в пользу первых, системным сужением просвета кровеносных сосудов, замедлением работы пищеварительной системы, повышением внимания на внешние раздражители. На второй стадии организм поддерживает мобилизованное состояние в течение максимально возможного времени, обеспечивая сопротивление неблагоприятным внешним воздействиям. В стадии истощения мобилизационные способности организма ослабевают и начинается процесс дезадаптации органов и систем. В зависимости от характера стрессового воздействия и условий среды нахождения организма, процесс дезадаптации может включать в себя различные патологические состояния вплоть до смерти [2, 3].

Понятие «стресс» (в связи с его развитием на основе более поздних работ Г. Селье, а также на основе исследований Роберта Лазаруса) было дополнительно терминами «эу-» и «дистресс» (1966).

Согласно этой концепции, стресс, в зависимости от силы и длительности действия стрессора, а также от запаса адаптационных возможностей организма, разделяют на нормальный – эустресс (от др.-греч. – хорошо, вполне) и патологический – дистресс (от др.-греч. – приставка, означающая расстройство и усиливающая отрицательный смысл слова).

Эустресс представляет собой состояние, производимое действием любого умеренного по силе стимула, который вызывает естественную активацию симпатoadrenalовой системы, но не приводит к расстройству адаптационных возможностей организма. Состояние эустресса носит, как правило, позитивную эмоциональную окраску.

Дистрессом называют состояние, возникающее вследствие чрезмерно сильного, избыточного по отношению к адаптационным возможностям действия стрессового фактора. Такие состояния обычно сопровождаются переживанием негативных эмоций и демонстрацией аверсивного поведения. Третья стадия общего адаптационного синдрома, таким образом, является дистрессом – патологическим компонентом стресса.

Отдельно рассматривают понятие «травматический, или посттравматический стресс». Термин «травматический стресс» во многом соответствует термину «дистресс». Однако для травматического стресса характерно наличие именно травмирующего компонента, главным образом психогенного. Психическую травму можно определить как комплекс нарушений, возникающий при действии запредельного эмоционального стимула, переживаний чрезвычайной силы, в т. ч. ситуации угрозы жизни. Стрессовое воздействие считается травмирующим в том случае, если оно приводит к формированию нарушений в психической сфере по аналогии с физическими повреждениями [2, 4].

Витальный стресс проявляется не только в зоне военных конфликтов. Некоторые виды профессиональной деятельности имеют признаки работы в нестабильных условиях с постоянной

угрозой нарушения целостности организма, необходимости проявлять опежающую готовность к предупреждению витальной угрозы. В таких условиях у человека формируется устойчивая стресс-индуцированная нейродинамическая функциональная система, обеспечивающая высокую мобилизацию, повышенную бдительность, напряжение механизмов реактивной саморегуляции в нестабильных условиях [1].

Важнейшая особенность витального стресса: с прекращением воздействия поражающих факторов нормализация функционального состояния сразу не наступает. Обстановка угрозы жизни приводит к закреплению хронической тревоги, рецидивирующих воспоминаний (реминисценций) обстоятельств травматической ситуации по типу навязчивости с частичной или полной невозможностью переключения на текущую деятельность. Профессиональная деятельность в экстремальных условиях формирует у человека устойчивую стресс-индуцированную нейродинамическую функциональную систему. Ожидание события, угрожающего организму, вызывает острый эмоциональный стресс, сопровождающийся закономерными стадийными изменениями в лимбико-кортикальной системе головного мозга. Патология лимбико-ретикулярного комплекса приводит к нарушению интегративной деятельности головного мозга, нарушению нормального взаимоотношения между отдельными функциональными системами, причем наблюдается определенная корреляция между выраженностью эмоциональных и вегетативных расстройств. Изменения химических свойств структур лимбико-ретикулярного комплекса при стрессе могут лежать в основе формирования застойных возбуждений и перехода их в устойчивую стационарную фазу [1, 2].

Со временем связи между элементами новых функциональных систем закрепляются и образуются новые функциональные для экстремальных условий и патологические для обычных

условий существования системы адаптации, могут сохраняться неопределенно долгое время. Однако не у всех лиц, подвергшихся переживанию витальной угрозы, развивается постстрессовая дезадаптация. Поэтому значительный научный и практический интерес представляет установление комплекса личностных ресурсов, повышающих стрессоустойчивость [5, 6].

В психологических исследованиях последних лет активно разрабатывается ресурсный подход к преодолению стресса. Под ресурсами в психологии понимаются разнообразные возможности человека, мобилизация которых обеспечивает преодоление неблагоприятных жизненных событий [7, 8, 9]. Выделяют два крупных класса ресурсов: личностные (психологические возможности личности) и средовые (отражают доступность для личности различных видов поддержки – материальной, эмоциональной, социальной) [10, 11, 12]. Мы исходим из предположения, что ценностно-смысловые ресурсы оказывают влияние на регуляцию поведения в условиях витального стресса.

Цель нашего исследования состоит в выявлении структуры ценностно-смысловых ресурсов сотрудников государственной противопожарной службы, работающих в условиях витального стресса.

Мы предполагаем, что: а) подгруппы сотрудников государственной противопожарной службы с высоким и низким индексом ресурсности (сформированности ценностно-смысловых ресурсов) значимо различаются между собой и б) структура ценностно-смысловых ресурсов сотрудников государственной противопожарной службы неоднородна, с преобладающим значением осмысленности целей жизни.

Эмпирической базой исследования выступили результаты психологических

обследований сотрудников МЧС в пожарных частях Екатеринбургa и Режа. Выборка включала 49 пожарных, 11 командиров отделений, 7 старших пожарных, 6 мастеров пожарных, 3 мастера-спасателя. Общий объем выборки составил 76 человек в возрасте от 20 до 43 лет (средний возраст – 32 года)*.

В процессе математической обработки данных использованы критерий Колмогорова – Смирнова для проверки нормальности распределения, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA и метод контрастов для выявления различий в уровне исследуемого признака, факторный анализ по методу главных компонент с последующим ортогональным Varimax-вращением.

Проверка распределения данных на нормальность с помощью критерия Колмогорова – Смирнова позволила установить, что эмпирические данные распределены нормально. Сравнительный анализ по индексу ресурсности проводился с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA и метода контрастов.

Сравнительный анализ по индексу ресурсности с помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA показал наличие значимых результатов по следующим показателям: «осмысленность жизни» (Sig. = 0,001, $p < 0,05$), «общая интернальность» (Sig. = 0,001, $p < 0,05$), «интернальность в области межличностных отношений» (Sig. = 0,001, $p < 0,05$), «цели в жизни» (Sig. = 0,011, $p < 0,05$), «интернальность в области производственных отношений» (Sig. = 0,004, $p < 0,05$), «интернальность в области достижений» (Sig. = 0,011, $p < 0,05$), «процесс жизни» (Sig. = 0,012, $p < 0,05$), «результат жизни» (Sig. = 0,012, $p < 0,05$), «интернальность в области неудач» (Sig. = 0,012, $p < 0,05$) (таблица 1).

Вывод по результатам ANOVA касается только общего различия сравни-

* Для проверки исходных предположений использовался комплекс взаимодополняющих психодиагностических методик: тест-опросник Д.А. Леонтьева «Смыслжизненные ориентации», опросник ценностей Ш. Шварца, опросник «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд), опросник «Оценка потерь и приобретенный ресурс» (Н.Е. Водопьянова, А.Д. Наследов).

ваемых средних, без конкретизации того, какие именно выборки различаются, а какие нет. Для идентификации пар выборок, отличающихся друг от друга средними значениями, использовался метод контрастов (обеспечивание сравнения одних градаций с другими, при этом сравнение сводится к применению модифицированного варианта *t*-критерия) [7].

По индексу ресурсности предварительно выделены три группы сотрудников государственной противопожарной службы: группа 1 – работники с низким индексом ресурсности, группа 2 – работники со средним индексом ресурсности, группа 3 – работники с высоким индексом ресурсности.

Метод контрастов показал, что работники с высоким и низким индексами ресурсности (группы 1 и 3) статистически достоверно различаются по показателям «осмысленность жизни», «цели в жизни», «процесс жизни», «результат жизни», «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области производственных отношений», «интернальность в области межличностных отношений». Таким образом, гипотеза о существовании значимых различий между сотрудниками государственной противопожарной

службы с различным индексом ресурсности подтвердилась.

Работники с высоким индексом ресурсности имеют четкие цели, используют все возможности для их достижения, открыты новому опыту, готовы действовать при отсутствии гарантий успеха, не испытывают препятствующих деятельности эмоциональных переживаний, связанных с утратой внешних или внутренних ресурсов.

Работники с низким индексом ресурсности не находят целей в жизни, разочарованы событиями своего прошлого, не способны улучшать складывающиеся обстоятельства, предпочитают бездействовать в ситуации неопределенности, испытывают негативные переживания в условиях утраты привычных ресурсов.

Для определения структуры исследуемых параметров, обнаружения внутренних закономерностей и их взаимосвязи применялся факторный анализ. Матрица повернутых компонент представлена в таблице 2; оставлены факторные нагрузки выше 0,6 с долей объясняемой дисперсии 79 %.

Проведенная факторизация показала, что фактор «целенаправленность жизни» является ведущим по уровню факторной дисперсии (36 %). По своим содержательным характеристикам он

Таблица 1

Сравнительный анализ по индексу ресурсности с помощью однофакторного дисперсионного анализа One-way ANOVA

Параметр	Сумма квадратов	Степень свободы	Средний квадрат	Sig.
Общая интернальность	32,428	2	16,214	,001
Интернальность в области достижений	12,679	2	6,339	,011
Интернальность в области неудач	16,871	2	8,436	,012
Интернальность в области производственных отношений	25,210	2	12,605	,004
Интернальность в области межличностных отношений	71,517	2	35,758	,001
Осмысленность жизни	42,600	2	21,300	,001
Цели в жизни	34,567	2	17,406	,011
Процесс жизни	21,302	2	11,352	,012
Результат жизни	14,634	2	8,211	,012

Факторная структура эмпирических данных

Фактор	Объяснимая дисперсия, %	Факторные нагрузки
Целенаправленность жизни	36	Цели в жизни (0,748), осмысленность жизни (0,711), результат жизни (0,634), локус контроля – жизнь (0,613), интернальность в области здоровья (0)
Безопасность	31	Безопасность (0,782), традиции (0,744), универсализм (0,739), общая интернальность (0,703), интернальность в сфере неудач (0,648), интернальность в области производственных отношений (0,611), интернальность в области межличностных отношений (0,609)
Самостоятельность	12	Самостоятельность (0,651), индекс ресурсности (0,644), процесс жизни (0,631), локус контроля – Я (0,619), интернальность в сфере достижений (0,604)

отвечает за наличие целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, убеждают в том, что человеку дано контролировать свою жизнь.

Второй фактор – «безопасность» (31 % факторной дисперсии) – отвечает за значимость соблюдения традиций, поддержания всеобщего благополучия. Доминирующая переменная здесь – безопасность, что позволяет обозначить ценности благополучия людей и среды в качестве базового ценностного ориентира испытуемых исследуемой выборки.

Третий фактор – «самостоятельность», на который приходится 12 % факторной дисперсии, – выделился не вполне четко и представлен переменными, отвечающими за проявление

самостоятельности, представление о значимости процесса жизни, открытости новому опыту, соблюдении баланса в процессе обмена внешними и внутренними ресурсами.

Исследованием установлены статистически значимые различия между сотрудниками государственной противопожарной службы с различным индексом ресурсности.

Полученные данные расширяют представления о возможностях формирования ценностно-смысловых ресурсов преодоления витального стресса на этапе учебно-профессиональной деятельности, позволяют использовать полученные результаты в системе профессионально-психологической экспертизы. ■

Литература

1. Гуренкова Т. Н., Елисеева И. Н., Кузнецова Т. Ю. Психология экстремальных ситуаций : учеб. для вузов. М. : Смысл, 2009. 320 с. ISBN 978-5-89357-269-8.
2. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : ПЕР СЭ, 2006. 320 с. ISBN 5-9292-0146-3.
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб : Питер, 2009. 336 с. ISBN 978-5-388-00542-7.
4. Jopp D. S., Schmitt M. Dealing with stressful life events: Differential effects of personal resources, coping strategies and control beliefs // European Journal of Ageing. 2010. 7(3). Pp. 167–180. ISSN: 1613-9372.
5. Павлова А. М. Изучение качественных составляющих человеческого капитала // Личность в профессионально-образовательном пространстве : м-лы XII Всеро. науч.-практ. конф. с международным участием, 21 ноября 2013 г. / ФГАОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2013. С. 93–97. ISBN 978-5-91416-008-8.
6. Павлова А. М. Мотивационный фактор в актуализации профессионально-личностного потенциала субъекта труда // Мир психологии. 2005. № 1(41). С. 170–178. ISSN 2073-8528.

7. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 679 с. ISBN 978-5-89357-285-8.
8. Павлова А. М. Особенности профессионально-личностного потенциала студентов инженерно-транспортных направлений подготовки // Вестник УрГУПС. 2014. № 3 (23). С. 49–57. ISSN 2079-0392.
9. Павлова А. М. Проблемы реализации личностного потенциала в условиях инновационной деятельности // Молодой ученый. 2014. № 9 (68). С. 424–428. ISSN 2072-0297.
10. Зеер Э. Ф., Павлова А. М. Проблема изучения профессионально-личностного потенциала: результаты поискового исследования // Образование и наука. 2002. № 1 (13). С. 103–117. ISSN 1994-5639.
11. Зеер Э. Ф., Павлова А. М. Профессионально-личностный потенциал субъекта предпринимательской деятельности // Образование и наука. 2008. № 7(55). С. 42–50. ISSN 1994-5639.
12. Павлова А. М. Психосоциальные ресурсы профессионального развития субъекта // Вестник УрГУПС. 2013. № 1(17). С. 117–123. ISSN 2079-0392.

References

1. Gurenkova T. N., Eliseeva I. N., Kuznetsova T. Yu. Psikhologiya ekstremalnykh situatsiy : ucheb. dlya vuzov. [Psychology of extreme situations: a textbook for universities.] М. : Smysl, 2009. 320 p. ISBN 978-5-89357-269-8.
2. Bodrov V. A. Psikhologicheskiy stress: razvitiye i preodoleniye. [Psychological stress: development and overcome.] М. : PER SE, 2006. 320 p. ISBN 5-9292-0146-3.
3. Vodopyanova N. E. Psikhodiagnostika stressa. [Stress psychodiagnostics.] SPb : Piter, 2009. 336 p. ISBN 978-5-388-00542-7.
4. Jopp D. S., Schmitt M. Dealing with stressful life events: Differential effects of personal resources, coping strategies and control beliefs // European Journal of Ageing. 2010. 7(3). Pr. 167–180. ISSN 1613-9372.
5. Pavlova A. M. Izuchenie kachestvennykh sostavlyayuschikh chelovecheskogo kapitala [A study of quality components of human capital] // Lichnost v professionalno-obrazovatel'nom prostranstve : m-ly XII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, 21 noyabrya 2013 g. / FGАОU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t». Ekaterinburg, 2013. S. 93–97. ISBN 978-5-91416-008-8.
6. Pavlova A. M. Motivatsionnyy faktor v aktualizatsii professionalno-lichnostnogo potentsiala subyekta truda [Motivational factor in actualization of professional and personal potential of a labor subject] // Mir psikhologii. 2005. № 1 (41). S. 170–178. ISSN 2073-8528.
7. Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: structure and diagnostics] / edited by D. A. Leontev. М. : Smysl, 2011. 679 p. ISBN 978-5-89357-285-8.
8. Pavlova A. M. Osobennosti professionalno-lichnostnogo potentsiala studentov inzhenerno-transportnykh napravleniy podgotovki [Specifics of professional and personal potential of students majoring in engineering and transport disciplines] // Herald of USURT. 2014. № 3 (23). S. 49–57. ISSN 2079-0392.
9. Pavlova A. M. Problemy realizatsii lichnostnogo potentsiala v usloviyakh innovatsionnoy deyatel'nosti [Issues of realization of personal potential in the context of innovation activity] // Molodoy uchenyy. 2014. № 9 (68). S. 424–428. ISSN 2072-0297.
10. Zeer E. F., Pavlova A. M. Problema izucheniya professionalno-lichnostnogo potentsiala: rezultaty poiskovogo issledovaniya [The problem of studying professional and personality potential: pilot study results] // Obrazovanie i nauka. 2002. № 1 (13). P. 103–117. ISSN 1994-5639.
11. Zeer E. F., Pavlova A. M. Professionalno-lichnostnyy potentsial subyekta predprinimatelskoy deyatel'nosti [Professional and personal potential of a business entity] // Obrazovanie i nauka. 2008. № 7 (55). P. 42–50. ISSN 1994-5639.
12. Pavlova A. M. Psikhosotsialnye resursy professionalnogo razvitiya subyekta [Psychosocial resources for professional development of a subject] // Herald of USURT. 2013. № 1 (17). S. 117–123. ISSN 2079-0392.

Статья сдана в редакцию 12 июня 2015 года

Управление. Экономика

УДК 338.24.021.8; 620.9

М.Б. Петров

Энергетическая политика России: реалии и возможности

UDC 338.24.021.8; 620.9

M.B. Petrov

Russia's energy policy: realities and opportunities

Аннотация

Статья посвящена комплексной оценке ситуации в электроэнергетике России после завершения структурного реформирования этой отрасли. Характерными чертами ее функционирования стал опережающий рост цен и тарифов, увеличение удельных расходов топлива из-за неоптимальных режимов и нарастания уровня износа, обеспечение вводов новых мощностей на базе преимущественно импортного оборудования, ухудшение топливного баланса.

В связи с этим в статье показана необходимость формирования самостоятельной энергетической политики в качестве важнейшего дополнения промышленной и технологической политики страны. Общая цель энергетической политики – обеспечить России получение долговременных социально-экономических и экономико-технологических преимуществ от

обладания ею крупнейшими топливно-энергетическими ресурсами, в частности, обеспечить наращивание ресурсно-технологического потенциала развития национальной экономики при гарантированно достаточном, надежном и экономичном уровне обеспеченности конечной энергией.

Рассмотрены три этапа в становлении реальной политики в отношении электроэнергетики в пореформенный период, отмечены неудовлетворительные результаты реформирования этой естественной монополии как с точки зрения возрастания тарифной нагрузки со стороны энергетики, так и с точки зрения усиления необходимости в адресных решениях по смягчению этой нагрузки в регионах, а также в смысле потери управляемости развитием отрасли и создания дополнительных угроз технологического суверенитета страны. Обоснован вывод

о возможности формирования в стране новой энергетической политики, обладающей значительным потенциалом воздействия на производительные силы в целом, процессы модернизации промышленности и импортозамещения.

Описаны инструменты такой политики, сделаны акценты на ее региональном сегменте. На современном этапе формирования энергетической политики появляются некоторые признаки придания ей стратегической направленности. В стране и ее регионах формируется контур стратегического планирования базовых отраслей и иерархия средств управления их развитием. В основу развиваемой и обновляемой стратегии в энергетике предлагается положить развитие топливно-энергетического комплекса в качестве ресурсного источника и генератора спроса (заказа) на технологическую модернизацию российской экономики.

Михаил Борисович Петров, д-р техн. наук, руководитель Центра развития и размещения производительных сил; Институт экономики УрО РАН; Екатеринбург, Россия. E-mail: michpetrov@mail.ru.

Mikhail Borisovich Petrov, DSc in Engineering, director of the Center for Development and Distribution of Productive Forces, Institute of Economics, Ural Branch of RAS; Ekaterinburg. E-mail: michpetrov@mail.ru.

Необходимость такой стратегической концепции, безотлагательность перехода к ее осуществлению резко обостряется в связи с решением задач импортозамещения и укрепления безопасности России. Одним из механизмов стратегического управления в энергетике может стать взаимодействие федерального и региональных контуров управления ее развитием. В региональных энергетических политиках целесообразно разграничение сферы централизованного (сетевое) энергообеспечения и применения распределенной энергетики, в том числе на основе нетрадиционных и возобновляемых энергоресурсов. В статье рассмотрены сложившаяся практика, условия и предпосылки к расширению этого нового сегмента. Противоречивость взаимного влияния централизованной и распределенной энергетики в том, что в результате состоявшихся реформ и дороговизны энергии переход на автономное энергообеспечение становится все более конкурентоспособным, но расширение этого нового сегмента за счет традиционного осложняет восстановление эффективности последнего.

Ключевые слова: электроэнергетика, энергетическая политика, стратегическое планирование, схема и программа развития, оптовый рынок электроэнергетики и мощности.

Summary

The article is dedicated to the comprehensive assessment of the situation in the Russian power industry after the completion of the structural reform of the sector. It has been characterized by

outpacing growth of prices and tariffs, increase in specific fuel consumption due to sub-optimal conditions and increase of the level of wear, commissioning of new facilities using mainly imported equipment, deterioration of fuel mix.

In this connection, the article shows the need to develop an independent energy policy as an important complement of the national industrial and technological policy. The overall objective of the energy policy of Russia is to secure long-term socio-economic and economic-technological advantages of owning the largest fuel and energy resources, in particular, to ensure the increase of resource and technological potential for development of the national economy with guaranteed adequate, reliable and cost-effective level of energy security.

Three stages in the development of a real power industry policy in the post-reform period are considered, poor results of reforms of natural monopolies are mentioned, both in terms of increasing of tariff burden on the part of energy industry, and in terms of increased need for targeted solutions to mitigate this load in the regions, as well as in the sense of loss of control over development of the industry and emergence of additional risks to technological sovereignty of the country. The conclusion is made about the opportunity to form a new national energy policy, with a significant potential impact on productive forces as a whole, as well as on industrial modernization and import substitution processes.

The tools of this policy are described, highlighting its regional segment. At the current stage of development of

energy policy there are some signs of giving it a strategic focus. An outline of strategic planning of basic industries and hierarchy of controls over their development is being formed in country and its regions. The development of fuel and energy complex as a resource bank and generator of demand for technological modernization of the Russian economy is proposed as the basis for the developed and updated energy sector strategy.

The need for the strategic concept, a sense of urgency to start its implementation has been increased dramatically in connection with the achievement of import substitution objectives and strengthening of the Russia's security. One of the strategic management tools in the energy sector could be the interaction of federal and regional control loops in the course of its development. At the regional energy policy level is expedient to delineate the centralized (grid) power supply and the use of distributed energy, including based on non-conventional and renewable energy resources. The article deals with the current practice, conditions and prerequisites for expansion of this new segment. Inconsistence in the mutual influence of centralized and distributed energy industry lies in the fact that due to the recent reforms and high cost of energy, the transition to autonomous power supply is becoming more competitive, but the expansion of this new segment at the expense of the traditional one complicates recovery of the latter.

Keywords: power industry, energy policy, strategic planning and development program, wholesale energy and power market.

Энергетическая политика – система отношений, формирующих с государственно-властных позиций целевое видение долгосрочного развития энергетики, выявление альтернатив и мобилизации ресурсов для ее развития, а также комплекс инструментов целевого развития в координации со смежными политиками, работающими на осуществление стратегии национального развития, – промышленной, инвестиционной, научно-технической. Для возобновления позитивного развития страны требуется именно такое – расширенное и углубленное – понимание энергетической политики.

Общая цель энергетической политики – обеспечить получение долговременных социально-экономических и экономико-технологических преимуществ от обладания ею крупнейшими топливно-энергетическими ресурсами (наращивание ресурсно-технологического потенциала развития национальной экономики при гарантированно достаточном, надежном и экономичном уровне обеспеченности конечной энергией). Наряду с федеральной политикой формируются элементы региональных энергетических политик, которые должны обеспечивать оптимальное использование региональных особенностей и возможностей при проведении государственной энергетической политики на территории своего региона.

Системы энергетики образуют одну из важнейших региональных инфраструктур и в этом качестве решающим образом воздействуют на размещение производительных сил и освоение территорий. Управление развитием энергетикой способно выступить ведущим средством государственного (регионального) воздействия на процессы развития всех производственных систем. В отношении инфраструктурных систем нет альтернативы управляемости процессов развития. Основные причины тому – настоятельность угроз и масштабность потерь в ином случае.

Стратегические инициативы в энергетической сфере могут становиться

началом проведения столь же необходимых сегодня смежных – промышленной и технологической – политик, в совокупности дающих возможности, средства и инструменты для перехода к новой индустриализации страны. Через возобновление целенаправленного долгосрочного развития в энергетике можно воздействовать на производительные силы в целом, в том числе на процессы импортозамещения и технологической модернизации.

Однако таковым выглядит значение энергетической политики в идеале. Реальная же энергетическая политика прошла два тяжелых этапа и находится в самом начале третьего. Главное содержание первого из них – начатое в 1999 г. (под предлогом слишком высоких тарифов и отсутствия инвестиций) вертикальное и горизонтальное разделение, введение рыночного ценообразования, превращение генерации в конкурирующие бизнесы на основе организации оптового и розничного рынка, максимальный уход государства из управления энергетикой, особенно из управления развитием.

Второй этап наступил по результатам структурного реформирования, когда уже проявились истинные результаты допущенных реформ в отрасли: ставилась цель понизить тарифную нагрузку на потребителей, но она выросла, и уровень конечных цен на электроэнергию приближается к странам с наиболее дорогой электроэнергией. Так, начиная с 2012 г. конечная средняя цена на электроэнергию для промышленных потребителей превысила уровень США и приближается к уровню стран ЕС. Цена на электроэнергию для населения пока еще ниже, чем в США и, тем более, в ЕС, но за последние десять лет разница между этими ценами в России и США сократилась с 60 центов/МВт·ч до менее чем 30 центов/МВт·ч. А по паритету покупательной способности электрическая и особенно тепловая энергия уже сейчас обходится россиянам дороже, чем американцам. При этом ситуация в электроэнергетике и ускорение роста

себестоимости добычи газа у ОАО «Газпром» не дают предпосылок ожидать изменения тренда.

В пореформенное время система оказалась уязвимой к воздействию тяжелой рецессии российской экономики. Этому способствовали такие ее свойства, как инерционность, капиталоемкость, жесткая зависимость потребности в энергии от масштабов и структуры энергопотребляющих отраслей общественного производства, а главное, привлекательность для притязаний новых экономических элит. Минимальные капиталолюбования и практически полное отсутствие вводов новых мощностей, модернизации, действующих на протяжении почти двух десятилетий, утрата отраслевой науки, многих проектных, инжиниринговых организаций, потеря отечественного энергомашиностроения и электротехнической промышленности и, наконец, структурное реформирование существенно осложнили функционирование и развитие энергетики, ухудшили ее режимы, привели к беспрецедентному удорожанию и потерям энергии, появлению тяжелых системных аварий, повлекших выбытие мощностей и ущерба. Проведенное структурное реформирование отрасли ослабило уровень ее системного единства, что сопровождается громадными потерями. За высокими тарифами стоят неэффективные, но полученные при помощи рынка режимы, столь же неэффективные, но вмененные этому рынку обязательства по возврату инвестиций, принятые по договорам предоставления мощности (ДПМ). Также мы во многом потеряли оптимизацию развития и размещения. Результаты этой потери проявились сейчас, когда уже прошло некоторое время в новых условиях деятельности. Практика снова показывает, что в энергетике основание ее естественной монополии – это закономерности ее системной технологии и организации.

Рыночная имитация оказалась здесь слабее системной оптимизации режимов эксплуатации и развития.

Из-за непредвиденного скачка цен в либерализованной российской электроэнергетике правительству приходится заниматься ручным управлением, то есть тем, от чего пытались уйти, замыслив реформирование отрасли. Так, для решения проблемы неплатежей за электроэнергию в Минэнерго РФ создана рабочая группа по мониторингу финансово-экономического состояния компаний в отрасли, разработана программа по им оказанию мер государственной поддержки – растущие неплатежи ставят некоторые субъекты электроэнергетики в сложное финансовое положение. Задолженность на оптовом рынке за покупку электроэнергии по состоянию на конец апреля 2015 г. составляет более 50,5 млрд руб. С 1 января она прироста более чем на 8,8 % (4,1 млрд руб.), хотя за аналогичный период предыдущего года имело место сезонное снижение задолженности на оптовом рынке на 2 794 млн руб. (5,8 %)*. Задолженность на розничном рынке на конец апреля 2015 г. составляет около 200 млрд руб. – прирост с 1 января на 32 %, или на 49 млрд руб. Для ведения операционной деятельности компании вынуждены покрывать недофинансирование кредитами, обслуживание которых, с учетом роста процентных ставок, оказывается для них проблемой. В настоящее время процентные ставки как по привлекаемым кредитам, так и по действующим выросли с 12–13 до 18–20 % годовых. В операционной деятельности от этого страдают выполнение программ ремонтов оборудования и платежи за топливо.

На уровне регионов этот этап энергетической политики проявился в том, что здесь приходится реагировать на те или иные острые территориальные ситуации, связанные с энергетикой. Это: неплатежи за энергию, неизбежность адресных (то есть за счет остальных

* Источник: <http://minenergo.gov.ru/press/doklady/2216.html> (дата обращения: 5.08.2015).

потребителей) мероприятий по снижению тарифов для отдельных предприятий, бесхозные сети, ненадежность и нерациональность энергоснабжения депрессивных и удаленных территорий, чрезмерные экологические загрязнения электростанциями, неконтролируемый рост распределенной энергетики (распространение генерирующих мощностей неэнергетических предприятий). Все это вызывает попытки участвовать в регулировании энергетики на региональном уровне, в том числе и в связи с необходимостью парирования угроз энергетической безопасности. Но здесь не решаются ни задачи развития самой энергетики, ни, тем более, сопряженность этого развития с технологическим прогрессом, с научно-технической и промышленной политикой. Реальная, осуществляемая в регионах энергетическая политика, стихийна и сводится к оперативному реагированию. Следовательно, пока мы имеем не столько региональную энергополитику, сколько энергетическое приложение социально-экономической политики*.

Завершением структурной реформы электроэнергетики стала приватизация прежде акционированных генерирующих компаний. В отрасль пришли частные инвесторы, значительную часть которых составляют зарубежные. Этим, как предполагалось, созданы предпосылки для инвестиций в электростанции. Компании-владельцы имеют инвестиционные программы, для стимулирования которых применен беспрецедентный инструмент – договоры о предоставлении мощности (ДПМ). Согласно принятой Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики, общий объем инвестиций до 2020 г. должен составить 6 трлн руб., из которых 2,5 трлн

руб. приходится на генерирующие мощности (в ценах 2010 г.). Обязательства по ДПМ, хотя и с массовыми задержками, в целом выполняются. В 2014 г. в России суммарно введено 7,13 ГВт новой генерирующей мощности, почти 21 254 МВА трансформаторной мощности и 30,3 тыс. км линий электропередач. В смысле текущего соотношения «ресурс – потребность» энергетика вошла в благоприятную фазу, так как удается компенсировать накопленное отставание вводов. Однако все еще не принято никаких стратегических решений по развитию генерирующих мощностей на будущее, когда закончится срок действия ДПМ. Повторить их снова не удастся, в том числе и по причине непомерной ценовой нагрузки на потребителей, создаваемой ДПМ.

Динамика спроса на электроэнергию (млрд кВт·ч) и вводов мощностей (ГВт) ЕЭС России представлена в таблице.

Абсолютный зимний максимум нагрузки ЕЭС России 2014–2015 г. составил 147 377 МВт, что меньше прошлого года (95,3 %); есть тенденция к уплотнению графика за счет структуры промышленного роста (производства с непрерывным производственным процессом).

Текущее электропотребление в России сейчас на уровне конца 80-х гг., то есть близко к историческому максимуму, а ВВП России примерно равен уровню того времени. Общая электроемкость национального продукта практически не изменилась, но с учетом падения доли производства товаров в ВВП электроемкость выросла из-за ухудшения структуры производства. Целевые показатели Генеральной схемы развития и размещения электроэнергетики исходят из завышенных прогнозов электропотребления (спроса на электрическую энергию)

* Характерный пример. На протяжении многих лет Свердловская область добивалась исключительного тарифа для Богословского алюминиевого завода как одного из самых зависимых от энергозатрат высокодоходных предприятий, работающего на местных бокситах и градообразующего для двух городов области. Но все-таки в 2013 г. собственник перенес предприятие в Сибирь.

Так эффективна ли такая адресная индивидуальная энергополитика? Не лучше ли было настаивать на смене технологии и снижении электроемкости? Не было политики по отношению к связке «энергетика – металлургия» и, в итоге, область потеряла ключевой сегмент своей алюминиевой промышленности – проиграл регион, проиграла энергетика, вероятно, проиграла и алюминиевая промышленность.

Таблица

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015, январь– апрель	То же, в % к соотв. периоду 2014
Спрос	863,7	940,7	1009,2	1021,0	1038,0	1009,7	1013,7	358,28	100,8
Ввод		<1	3,2	4,7	6,1	6,8	7,13	Нет данных	

в связи с завышенными ожиданиями экономического роста, реальный тренд которого крайне слаб. Средний многолетний коэффициент (начиная с 2000 г.) эластичности электропотребления по ВВП равен 0,3. Под завышенными прогнозы роста потребления электроэнергии сформирована инвестиционная составляющая тарифа для ГК «Росэнергоатом» и ОАО «Русгидро». Даже в случае достижения среднегодового темпа экономического роста – 5 % – средний прирост электропотребления составит 16,5 млрд кВт·ч (фактический прирост 2914 г. составил 4 млрд кВт·ч), что соответствует потребности в дополнительной мощности не более 3000 МВт в год, а в случае перехода к энергосберегающему типу развития и снижению электроемкости ВВП, еще ниже. Такие темпы вводов мощности соответствуют имеющимся в стране возможностям строительно-монтажного и проектного комплекса электроэнергетики. В русле импортозамещения необходимо опираться именно на отечественные возможности, в том числе и в энергетическом строительстве.

Предвестником перехода к третьему, формирующемуся, этапу новой энергетической политики можно считать принятие на федеральном уровне в конце 2009 г. «Энергетической стратегии России до 2030 г.» [2]. Документ впервые в новейшей истории объединяет целевое видение, векторы и тенденции энергетики, ее ресурсной и топливной баз, обеспечивающих отраслей. В первой редакции было заявлено, что миссия энергетики – быть локомотивом экономики.

В новой, действующей, редакции миссия энергетики определена существенно мягче: стимулирующая инфраструктура. Получается, миссия снижена до одной из тактических задач. Однако ответственность стратегического управления в том, что это путь к целям, которые не померкнут и спустя десятилетия. Энергетика и сегодня может быть локомотивом экономики, но при условии, что она стратегируется под новую индустриализацию. Параллельно со Стратегией, в 2009 г. принято решение о разработке и ежегодной актуализации в регионах России схем и программ развития энергетики [3].

Закон «О стратегическом планировании в РФ» [1] вернул государственное стратегическое планирование в управление развитием производительных сил, а значит, и энергетикой. Закон закрепляет номенклатуру и взаимосвязь основных плановых стратегических документов, их содержание, устанавливает их периодичность, разграничивает полномочия и ответственность федерального и регионального уровней. До 2017 г. установлен переходный период, когда должны появиться стратегии развития всех субъектов РФ. Ряд регионов уже несколько лет ведет стратегирование (разрабатываются региональные энергетические стратегии либо их концепции). С 2015 г. на федеральном уровне действуют распорядительные акты, которые можно отнести к категории плановых документов по реализации стратегий в энергетике, в частности, в виде дорожных карт* [4, 5].

* План мероприятий («дорожная карта») «Внедрение инновационных технологий и современных материалов в отраслях топливно-энергетического комплекса» на период до 2018 г. (утв. распоряжением правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1217-Р), Государственная программа «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» (утверждена постановлением правительства РФ от 2 июня 2014 года №506-12).

На уровне дорожных карт видна координация отраслевых стратегических планов с технологическими прогнозами и госпрограммами. В настоящее время выполняется прогноз НТП в энергетике до 2035 г. Формирование третьего, конструктивного и содержательного этапа становления энергетической политики, нормативного закрепления инструментов, которыми она сможет активно пользоваться, продолжается. Поэтому важно наполнение его стратегическим содержанием.

В основу развиваемой и обновляемой стратегии в энергетике предлагается положить развитие топливно-энергетического комплекса в качестве ресурсного источника и генератора спроса (заказа) на технологическую модернизацию российской экономики. В случае принятия такой стратегии ее важнейшими элементами должны стать:

в части экспорта продукции ТЭК – наращивание экспорта товаров добавленной стоимости, например, услуг по созданию аналогичных объектов за рубежом (здесь хороший пример – программа зарубежной деятельности Росатома);

за счет рентных источников, создаваемых ростом экспорта углеводородного сырья и угля, – обеспечение инвестиций в высокотехнологичные проекты;

возврат России ее естественного конкурентного преимущества в виде относительно дешевой энергии;

развитие отрасли с учетом критерия неэнергетического эффекта, интегрируемого в наращивании ресурсно-технологического потенциала российской экономики.

Обоснования по развитию электрогенерирующих объектов и системообразующих электрических сетей должны выполняться по условию эффективного функционирования больших электроэнергетических систем, решения по крупным энергетическим объектам и межсистемным связям должны оцениваться относительно системы отсчета межрегионального уровня (ОЭС Урала, Средней Волги, Северо-Запада, Центра, Сибири, Востока и т.д.).

Безусловный приоритет в управлении развитием энергетикой должен принадлежать общегосударственному уровню. Единая электроэнергетическая система страны в сравнении с другими инфраструктурами обладает максимальным системным статусом, всей полнотой атрибутов большой системы. Ее воспроизводство в таком качестве – основа эффективного развития всех хозяйственных комплексов и обеспечения безопасности страны. Однако это не исключает и внутрирегионального контура управления развитием энергетикой при условии сопряжения стратегий, схем и программ смежных регионов, чего пока нет. Необходимость такого сопряжения вызвана следующими причинами:

широкое распространение энергоснабжения локальных территорий с сопредельного региона;

эффективность выбора крупных объектов, имеющих межрегиональное значение;

жесткие ресурсные ограничения, делающие невозможным одновременное размещение в различных регионах взаимозаменяемых энергетических объектов и заставляющие регионы конкурировать за ресурсы энергетического развития.

Региональная энергетическая политика в системе стратегического управления региона отличается повышенным потенциалом воздействия на развитие региона, его динамику, качество и результаты. Особенно это касается энергоресурсных регионов и регионов индустриальной специализации. Они могут взять курс на энерготехнологическое лидерование региона на основе технологического и инновационного сопряжения энергетикой с формирующими ее фундами и ресурсами отраслей промышленности, сферой науки, образования, инжиниринга. Наибольшие возможности такого курса характерны для крупнейших индустриальных и научно-технических регионов Урала, сопредельных в рамках Большого Урала с энергоресурсными регионами Севера. Межрегиональная энергетическая интеграция

позволяет реализовать перспективные совместные проекты с избыточными по энергоносителям сопредельными регионами. Такие группы регионов через крупные энергетические проекты могли бы стать опорными в переходе к новым циклам освоения северных и арктических пространств России. Для предварительной проработки таких проектов нужна постоянная координация и интеграция региональных энергетических политик в масштабах макрорегионов.

Сложилась тенденция, когда в регионе предпочтение отдается бездефицитности баланса мощности; субъекты стремятся инициировать энергетические проекты на собственной территории. Предпосылки к этому, с одной стороны, – наличие в составе энергетики технологической возможности и экономической целесообразности использования малых мощностей и локальных (автономных) систем. А с другой стороны, сильно возросли риски в энергообеспечении, зависящем от других территорий. И если в регионе осуществляется крупный энергетический проект, то этот регион получает экономический выигрыш за счет прироста спроса на некоторые виды производимых здесь работ и услуг, прироста порожденного спроса, то есть локализации части мультипликативного эффекта.

Вообще же, постановка вопроса о полноценной роли региональной энергополитики не только как сегмента общегосударственной, но и как самостоятельного явления, которое продуцировало бы региональные инициативы, возникла в связи с поиском путей сохранения и обновления индустриальной специализации промышленно развитых регионов. В частности, на региональные инициативы были направлены идеи и предложения к «Схеме и программе

развития энергетики» (СиПРЭ) в Свердловской области, начиная уже с раннего, инициативного этапа ее разработки силами экспертного сообщества энергетиков региона (обязательным СиПРЭ региона стала лишь с 2010 г. в соответствии с постановлением 823). Широкие возможности региональных инициатив связаны с двойственным положением энергетики – это и отрасль тяжелой промышленности, и система инфраструктуры. То есть ее не может не быть на территории, но масштабы и структура энергетической деятельности могут изменяться и определяться на будущее в очень широком диапазоне. Именно на региональном уровне началось изыскание специфических (местных) возобновляемых энергоресурсов. Вовлечение таких ресурсов требует соответствующего оборудования. Производство многих его видов может быть возобновлено либо освоено заново на российских предприятиях*.

Двойственность энергетики крайне значима при постановке вопроса о соответствии характера развития энергетики провозглашаемым целям инновационного, модернизационного развития и интеллектуализации экономики. Это соответствие может рассматриваться как в аспекте энергетического обеспечения, так и в собственно инновационном. Первый из них в том, что независимо от реализуемого сценария, энергетические потребности должны удовлетворяться, а энергетика – не становиться активным ограничителем экономического роста. С другой стороны, инноватизация и интеллектуализация экономики характеризуется снижением удельных энергетических потребностей. Если такая тенденция окажется устойчивой, можно перейти к приоритетности наиболее экологичного, ресурсосберегающего

* Например, ветрогенераторы и электролизеры для создания ветроводородной энергетики на Ямале целесообразно производить на машиностроительных заводах промышленного Урала. Имеются также производственно-технические возможности для использования модели судовых реакторов на малых АЭС в подземном исполнении. Есть новые отечественные разработки по торфяным технологиям и оборудованию. Одной из главных задач региональной энергополитики должно стать проектирование территориальных неэнергетических эффектов развития энергетики. Важнейший вид неэнергетического эффекта – рост технологического потенциала фондообразующей промышленности.

и высокотехнологичного развития энергетики, отдавая этим позициям преимущество по сравнению с наращиванием объемов производства энергии. В среднесрочном периоде инновации в энергетике будут направлены на совершенствование технологий сжигания топлива, эффективное комбинирование технологических процессов с ростом электрического КПД, создание условий для оптимизации топливного баланса энергетики, освоение малых энергоустановок нового поколения. Значительные временные лаги развития в энергетике будут и в дальнейшем требовать опережающих инвестиций по отношению к темпам развития потребителей энергии. Но важно своевременно начинать энергетические проекты, основанные на принципиально новых энергетических технологиях и новых типах оборудования. Преимущества инновационного типа развития самой энергетики инвариантны к общему сценарию развития экономики.

В региональных энергостратегиях необходимо определять рациональное соотношение централизованной и распределенной энергетики исходя из региональной ситуации в энергообеспечении отраслей, специализации, ресурсов и особенностей развития энергосистемы. В настоящее время переход потребителя на собственный энергоисточник позволяет удешевить электроэнергию в 2–2,5 раза, обеспечивая себя электроэнергией с себестоимостью 1 руб./кВт·ч и ниже. Начинает развиваться на равноправных условиях децентрализованный распределенный сектор электроэнергетики. Такие действия по локальному удешевлению электроэнергии будут нарастать, и важно принять меры по сохранению условий воспроизводства сетевой электроэнергетики, обеспечивая удешевление ее энергии за счет оптимизации режимов и регулирования соотношения внутренних цен на первичные энергоносители. Крупные корпоративные потребители мотивированы на инвестиции в собственную энергетику завышенными ценами

на энергию и тарифами на ее передачу, экономическими и организационно-техническими проблемами присоединений к распределительным сетям, явным отставанием в реализации схем развития энергетики в части как вводов мощностей энергокомпаниями в соответствии с ранее подписанными ДПМ, так и все более ощутимыми ограничениями по сетям (запертая мощность в ряде снабжающих узлов, а ожидаемый в близкой перспективе экономический рост приведет и к локальным непокрываемым дефицитам). И в результате развивающиеся энергозависимые потребители ощущают отсутствие гарантий на адекватное энергообеспечение со стороны энергосистемы, что и заставляет выбирать самообеспечение по энергии.

Преодоление этих рисков, диверсификация ТЭБ и удешевление в регионах электроэнергетики должны пойти как через расширение сегмента малой распределенной энергетики, так и через проектирование новых крупных электростанций межрегионального значения преимущественно на негазовых видах топлива. Атомная, угольная энергетика и энергетика на местных альтернативах отстает от газовой по темпам сооружения. Нет необходимого строительного задела, потеряны мощности подрядных организаций, возможности энергетического машиностроения и электротехнической промышленности.

Все эти проблемы в их остроте и неопределенности угрожают не только энергетической, но и национальной безопасности. Выход на курс ее укрепления в данной сфере требует преодоления последствий допущенной ранее утраты технологического суверенитета и формирования предпосылок к снижению ценовой нагрузки на экономику со стороны энергетики. Импортозамещение приходится начинать в ситуации, когда уже потеряны многие компетенции в энергетическом машиностроении. Введенные в последние годы генерирующие мощности и ожидаемые

к вводам в эксплуатацию укомплектованы главным образом импортным основным и вспомогательным оборудованием. Владельцы российских электростанций, а это зачастую крупные зарубежные компании(!), ориентируются на американские газовые турбины, европейские паровые турбины и турбогенераторы*. Необходим срочный пакет мер по созданию и, главное, обеспечению отечественного типового проекта газового энергоблока. Для этого нужна комплексная программа возрождения отечественного энергомашиностроения и электротехнической промышленности. В ней следует предусмотреть крупный сегмент, обеспечивающий модернизацию действующих энергетических мощностей. В организационно-экономическом механизме осуществления такой программы – прямое государственное инвестирование (в том числе в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП)), которое нужно обусловить комплексным выбором отечественных решений, придав такому выбору максимальные преференции. Техничко-экономические обоснования в энергетике всегда использовали наиболее развитый инструментарий, начиная с адекватного определения границ влияния проекта. Окупаемость достигается еще и с учетом результатов в фондообразующих отраслях и в сфере потребления энергии, а также бюджетного эффекта. Все это составляет неэнергетические эффекты энергетических проектов.

Возвращаясь к ведущей социально-экономической проблеме современной российской электроэнергетики – уровню цен, следует выделить две общие базисные причины столь неудовлетворительного ценообразования. Это утопичность расчетов на конкурентные силы в производстве и реализации электроэнергии с сохранением

возможности получения сверхприбылей отдельными участниками рынка, а также принципиальная неэффективность системы управления и регулирования отрасли.

Существующий рынок электроэнергии и мощности остается монопольным несмотря на формальную конкуренцию между энергогенерирующими компаниями в рамках ФОРЭМ. Единая монополия РАО «ЕЭС России» заменена множеством монополистов на локальных уровнях. Так, по данным Института проблем естественных монополий на основании расчетов индекса рыночной концентрации, практически все зоны свободного перетока мощности монополизированы, а реакция органов антимонопольного контроля наступает лишь в случае сверхпрогнозного роста цен**. В ценах на гидроэнергию и на атомную энергию существенно завышена инвестиционная составляющая, рассчитанная исходя из завышенных инвестиционных программ. А генерирующие компании получают гарантированную надбавку, учтенную в их ценах в связи с наступившим пиком вводов мощностей по ДПМ. Завышена рентабельность в энергосбытовых организациях и непрозрачны сетевые тарифы, причем недоинвестирование в электросетевом комплексе все критичнее.

В структуре вводимых генерирующих мощностей абсолютно доминирует парогазовое оборудование. И хотя его КПД много выше, чем у паросиловых энергоблоков, растет общая топливная составляющая себестоимости отпущенной электроэнергии в связи с поэтапным приближением внутренней цены на газ к мировой в условиях резкого возрастания себестоимости его добычи.

Неэффективность управления и регулирования сказывается на ценах,

* Например, новый энергоблок ПГУ-410 на Среднеуральской ГРЭС (ОГК-2 – Эзел) не просто укомплектован импортным оборудованием, но сооружен импортным монтажом с импортной пуско-наладкой и эксплуатируется с импортным инженеринговым сопровождением без передачи нашим специалистам права на полное обслуживание отдельных узлов.

** Источник: http://www.ipem.ru/research/fuel/fuel_presentations/ (дата обращения: 07.08.2015).

главным образом через неэффективные энергетические режимы. Конкуренция между генерирующими компаниями, владеющими электростанциями различных типов и в разных регионах и не имеющими возможности оптимизации распределения нагрузки между их агрегатами, практика наличия вынужденных поставок и другие искажающие ФОРЭМ факторы приводят к тому, что складывающиеся суточные режимы загрузки основного оборудования могут далеко отклоняться от оптимума, который можно рассчитать на основе энергетических характеристик энергоблоков и который в прошлом лежал в основе управления режимами энергосистем. Сегодня сложилась практика ведения нерациональных суточных графиков рабочей мощности электростанций и энергоблоков, включая неоправданное использование базисных и низкоманевренных мощностей в полупиковых режимах, что неизбежно дает превышение удельных расходов топлива над оптимальными значениями.

В качестве главной меры решения этой проблемы требуется серьезная коррекция процедур оптового рынка в направлении оптимизации энергетических режимов. Так, ситуацию можно смягчить переходом от формирования ценовой заявки компаниями к формированию ценовой заявки региональными энергосистемами.

Другой группой мер по удешевлению электроэнергии было бы закрепление статуса внутренних цен на газ в рамках определенных лимитов, возвращение

к оптимизации топливно-энергетического баланса, урегулирование ценового диспаритета между атомными, тепловыми и гидравлическими электростанциями, оптимизация логистики поставок угля на электростанции, ликвидация транзакционных издержек при образовании входных цен на энергетические угли.

Третье важное направление – модернизация и техперевооружение старых электростанций, в частности, перевод паросиловых блоков и турбоагрегатов ТЭЦ мощностью 300 МВт и ниже на парогазовый цикл, устранение узких мест в электрических сетях и развитие межсистемных перетоков более дешевой электроэнергии Сибири.

Целесообразно опробовать в порядке эксперимента измененную в направлении оптимизации режимов модель рынка на какой-либо операционной зоне, например, в масштабах одной ОЭС. Риски консервации созданной неэффективной модели рынка неизбежно будут нарастать. В 2014 г. введено около 170 МВт распределенной генерирующей мощности неэнергетическими компаниями (2,3 % от суммарной величины вводов России). Неизбежное из-за недоинвестирования и завершения периода действия ДПМ последующее снижение вводов энергетических мощностей при росте распределенной энергетики осложнит ценовую ситуацию в большой энергетике. Потребители будут нести возрастающие издержки на электрическую и тепловую энергию. ■

Источники

1. Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ, 2014.
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. : утв. распоряжением правительства РФ от 13.11.2009. № 1715-р.
3. О схемах и программах развития электроэнергетики : постановление правительства РФ № 823. Утв. 17.10.2009.
4. Государственная программа «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» (утв. постановлением правительства РФ от 2 июня 2014 года №506-12).
5. План мероприятий («дорожная карта») «Внедрение инновационных технологий и современных материалов в отраслях топливно-энергетического комплекса» на период до 2018 года (утв. распоряжением правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1217-Р).

Istochniki

1. Zakon «O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federatsii» № 172-FZ, 2014.
2. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 g. : utv. rasporyazheniem pravitelstva RF ot 13.11.2009. № 1715-r.
3. O skhemakh i programmakh razvitiya elektroenergetiki : postanovlenie pravitelstva RF № 823. Utv. 17.10.2009.
4. Gosudarstvennaya programma «Razvitie atomnogo energopromyshlennogo kompleksa» (utv. postanovleniem pravitelstva RF ot 2 iyunya 2014 goda №506-12).
5. Plan meropriyatiy («dorozhnaya karta») «Vnedrenie innovatsionnykh tekhnologiy i sovremennykh materialov v otraslyakh toplivno-energeticheskogo kompleksa» na period do 2018 goda (utv. rasporyazheniem pravitelstva RF ot 3 iyulya 2014 g. № 1217-R).

Статья сдана в редакцию 25 августа 2015 года

М. К. Дуплякин

Экономическое обоснование управленческих решений при отказе путевых машин в «окно»

M. K. Duplyakin

Economic justification administrative reshe-niy at failure of travelling machines in «window»

Аннотация

В процессе образования транспортного холдинга между хозяйствующими субъектами и компанией ОАО «РЖД» происходит интенсивное выстраивание холдинговых отношений, регулируемые договорными обязательствами, что приведет к обозначению круга ответственности за непредоставление «окон» или при неиспользовании «окон», оговоренных в плане летних путевых работ.

В статье предложена методика по выработке вариантов управленческих решений с учетом минимизации издержек при случайных отказах путевых машин в «окно».

Предложен алгоритм и на его основе модель определения возможных экономических потерь при отказе путевых машин и различных сценариях реализации путевых работ в «окно», обоснование с учетом экономической оценки менее затратного исхода для исполнителя работ и выработка управленческого решения о дальнейшей реализации технологического процесса.

Ключевые слова: управленческое решение, отказы путевых машин, задержка «окна», задержки поездов, дополнительное «окно», невыполнение запланированного объема работ, экономические оценки.

Summary

In the course of formation of a global transport industry group, business entities and JSC Russian Railways are actively building relations regulated by contractual obligations, which will lead to designation of the responsibilities for failure to provide time windows or failure to use time windows specified in summer track maintenance schedules.

The paper proposed a method to develop management decision options with account to minimizing costs for random failures of track machines during time windows.

The algorithm and algorithm-based model are proposed to determined possible economic losses in case of failure of track machines and various scenarios of time-window track operations, the rationale for less costly outcome for the contractor with account to economic evaluation, and development of management decisions on further implementation of the process.

Keywords: management decision, track machine failures, time window delay, train delays, additional time window, failure to perform the planned scope of work, economic evaluation.

Максим Константинович Дуплякин, ассистент; кафедра «Путь и железнодорожное строительство» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: mkduplyakin@gmail.com.

Maxim Konstantinovich Duplyakin, assistant; Department «Railway Construction and Railway Track», Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: MKDuplyakin@gmail.com.

При образовании транспортного холдинга с зонтичной компанией ОАО «РЖД» происходит интенсивное выстраивание холдинговых отношений между хозяйствующими субъектами, регулируемые в первую очередь договорными обязательствами, а также общими элементами корпоративной культуры.

В перспективе Дирекция по ремонту пути (ДРП) как структура ОАО «РЖД» будет выделена из компании с образованием субъекта права и вхождением в холдинг как элемент сетевой структуры. Тогда взаимоотношения между двумя хозяйствующими субъектами будут выстраиваться на договорных взаимовыгодных условиях.

При организации работ по ремонту пути одним из основных элементов является «окно» в графике движения поездов. Этот элемент имеет свою цену, поэтому всегда при разработке технологических процессов ремонта пути ставится задача максимально эффективно использовать время, выделенное для производства работ – время «окна».

При отказе в предоставлении «окна» ДРП как хозяйствующий субъект и исполнитель работ несет убытки от простоев.

В случае неэффективного использования «окон» увеличиваются задержки поездов, что приводит к потерям в ОАО «РЖД» и в ДРП из-за низкой производительности труда.

При выстраивании взаимоотношений между ОАО «РЖД» и ДРП будет обозначен круг ответственности за непредоставление «окон» или при неиспользовании «окон», оговоренных в плане летних путевых работ.

В процессе реализации технологического процесса в «окно» нередко происходят организационные сбои, причиной которых является поломка путевых машин [1, 2], что приводит к дополнительным задержкам поездов в связи с выделением дополнительных «окон» для выполнения программы летних путевых работ [3]. Безусловно, что в этой ситуации (дополнительное выделение

«окон») ответственность по возмещению убытков компании ОАО «РЖД» лежит на стороне исполнителя работ – ДРП.

Для ДРП возникает насущная необходимость в выработке вариантов управленческих решений, направленных на минимизацию издержек при случайных отказах путевых машин в «окно». Ставится задача: предложить модель экономического обоснования управленческого решения при отказе путевых машин в «окно» в процессе реализации технологического процесса.

Алгоритм определения возможных экономических потерь при отказе путевых машин в «окно» и различных сценариях реализации в дальнейшем технологического процесса представлен на рис.

При возникновении сбоя (отказ путевой машины) возможны три исхода: увеличение продолжительности «окна» для выполнения планового задания; прекращение производства работ с продолжением в отдельно выделенное «окно»; прекращение производства работ с невыполненной производственной программой исполнителем работ (ДРП). При первом исходе необходимо определить потери от задержки «окна» (блок 1), при втором – потери от дополнительного «окна» (блок 2), а при третьем – потери от невыполнения запланированного объема работ (блок 3).

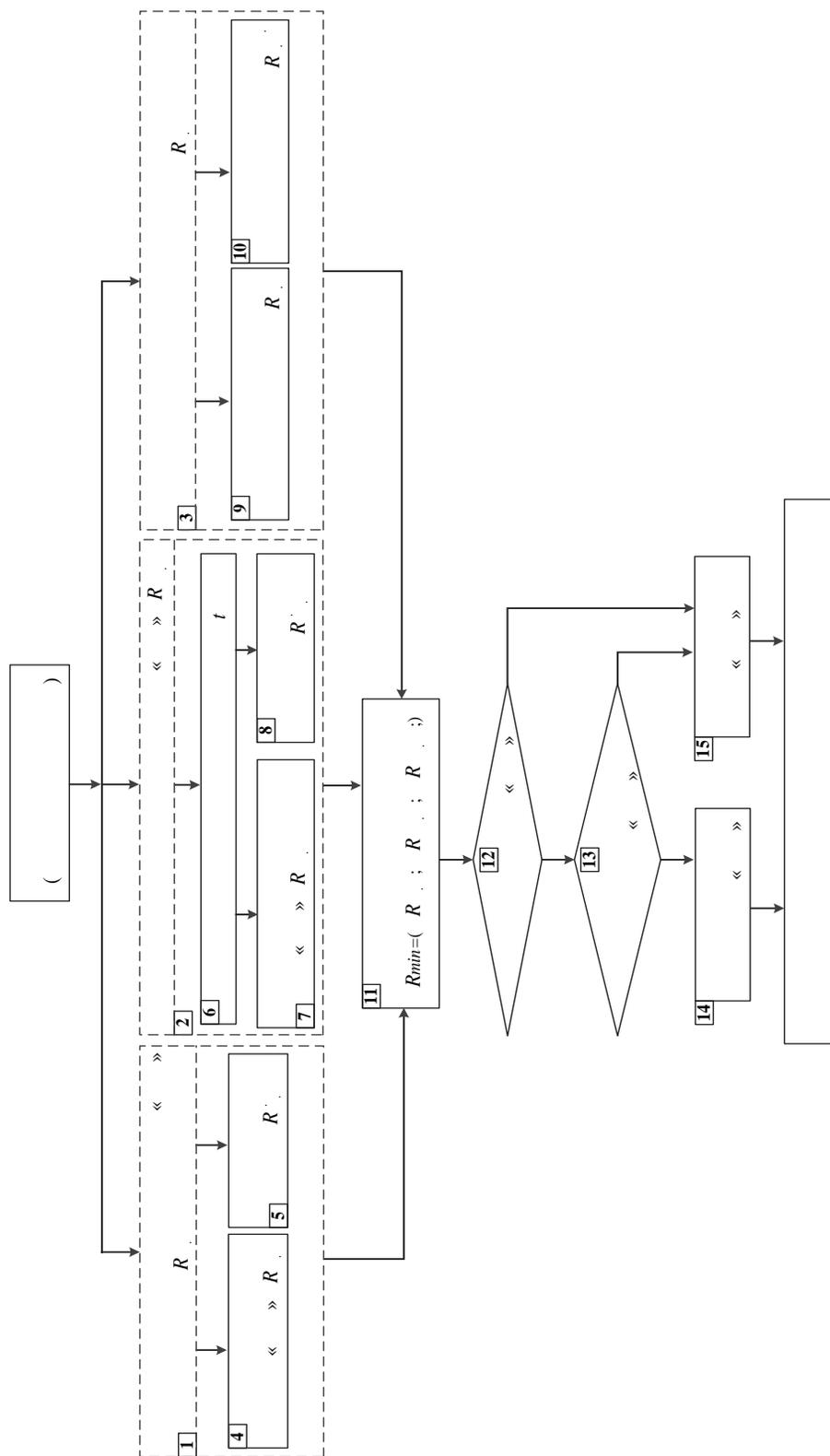
Потери от задержки «окна» состоят из дополнительных затрат ДРП $\sum R_{\text{пр.ок}}^{\text{пр}}$ (блок 4) и затрат ОАО «РЖД» от задержки поездов $\sum R_{\text{пр.ок}}^{\text{з.п}}$ (блок 5).

В ДРП потери от задержки «окна» включены следующие дополнительные расходы [4, 5].

На заработную плату монтеров пути, непосредственно выполняющих работы в «окно», $R_1^{\text{пр.ок}}$:

$$R_1^{\text{пр.ок}} = 1,8 \cdot A \cdot e \cdot k_1 \cdot t_{\text{ок}}^{\text{пр}}, \quad (1)$$

где 1,8 – коэффициент учитывающий все виды начислений на основную заработную плату; A – затраты труда на выполнение путевых работ в «окно»,

Алгоритм определения возможных убытков от отказов путевых машин в «окно»

чел.-ч; e – средняя часовая ставка монтера пути, руб./ч; k_1 – коэффициент, учитывающий затраты времени на пропуск поездов и отдых, $k_1 = 1,1$; $t_{ок}^{пр}$ – время продления «окна», ч.

На эксплуатацию путевых машин, $R_2^{пр.ок}$:

$$R_2^{пр.ок} = 1,15 \sum_{i=1}^{i=n} m_i C_i t_{ок}^{пр}, \quad (2)$$

где 1,15 – коэффициент, учитывающий накладные расходы в части эксплуатации машин и механизмов; n , m_i – соответственно число разнотипных машин и количество машин i -го типа, используемых на путевых работах в «окно» согласно технологическому процессу; C_i – стоимость 1 машино-ч. работы i -й машины, руб.

Связанные с использованием (арендой) путевых машин, принадлежащих сторонней организации (ДПМ), $R_3^{пр.ок}$:

$$R_3^{пр.ок} = \sum_{i=1}^{i=n} m_{ai} C_{ai} t_{ок}^{пр}, \quad (3)$$

где n , m_{ai} – соответственно число разнотипных и количество арендуемых машин i -го типа, используемых на путевых работах в «окно»; C_{ai} – арендная плата за использование i -й путевой машины, руб./ч; t_{ai} – время использования i -й арендованной путевой машины, ч.

На оплату труда кондукторских бригад, сопровождающих рабочие поезда, $R_4^{пр.ок}$:

$$R_4^{пр.ок} = 1,8 \cdot n_{кб} \cdot t_{ок}^{пр} \cdot e_{кб}, \quad (4)$$

где $n_{кб}$ – число кондукторов рабочих поездов; $e_{кб}$ – часовая тарифная ставка кондуктора, руб./ч.

На увеличение накладных расходов, $R_5^{пр.ок}$.

В первом приближении увеличение накладных расходов принято в размере 10 % от суммы первых четырех показателей.

Тогда суммарные потери ДРП от продления «окна»

$$\sum R_{пр.ок}^{пр} = R_1^{пр.ок} + R_2^{пр.ок} + R_3^{пр.ок} + R_4^{пр.ок} + R_5^{пр.ок}. \quad (5)$$

Затраты ОАО «РЖД» в результате задержки поездов в период продления «окна» определяются поездочными часами простоя.

В период предоставления «окон» на двухпутных линиях для выполнения ремонтно-строительных работ, как правило, закрывают только один главный путь перегона, а другой используют для пропуска поездов обоих направлений. Такая организация движения позволяет практически беспрепятственно пропускать пассажирские поезда и обеспечивает быстрее отправление задержанных грузовых поездов, значительно сокращая их простой [6].

Общая продолжительность задержек поездов из-за «окна» на двухпутных линиях:

$$T_{зд}^{общ} = T_{зд}^{ок} + T_{зд}^{доп}. \quad (6)$$

Суммарные задержки на линиях с автоматической блокировкой, вызванные «окнами»:

$$T_{зд}^{ок} = \frac{(0,5 \cdot (T_{ок} + T_{п} - I_{сп} + d_{зд} \cdot \epsilon_{пс} \cdot I_p))^2}{I_{сп} - I_p} + 0,5 \cdot (T_{ок} + T_{п} - I_{сп} + d_{зд} \cdot \epsilon_{пс} \cdot I_p), \quad (7)$$

где $T_{ок}$ – продолжительность «окна»; $T_{п}$ – время занятия парой поездов временно однопутного перегона, ч; $I_{сп}$ – средний интервал между грузовыми поездами;

$$I_{сп} = \frac{(24 - I_p \cdot n_{пс} \cdot \epsilon_{пс})}{n_{тр}}, \quad (8)$$

где I_p – межпоездной интервал; $\epsilon_{пс}$ – коэффициент съема для пассажирских поездов, $\epsilon_{пс} = 1,9$;

Параметр (коэффициент) $d_{зд}$ отражает влияние первоочередного пропуска после «окна» пассажирских поездов на задержки грузовых.

$$d_{зд} = \frac{\left(\frac{T_{ок} - n_{гр}}{(24 - I_p \cdot n_{пс} \cdot \varepsilon_{пс}) - 1} \right) \cdot n_{пс}}{n_{гр}} \geq 0. \quad (9)$$

Дополнительные потери, связанные с увеличением количества обгонов, а также из-за пропуска рабочих поездов и интенсивного движения задержанных из-за «окон» грузовых поездов на линиях с автоматической блокировкой:

$$T_{зд}^{доп} = \frac{(2L \cdot n_{гр})(1 - 0,0042n_{пс})(101 - 0,104k_{ок8}n_{пс})}{v_x(0,104k_{ок8}n_{пс} - 1)}, \quad (10)$$

где $k_{ок8}$ – коэффициент, приводящий формулу 4-часового «окна» к 8-часовому, $k_{ок8} = 1,27$.

При отрицательных значениях величины $T_{зд}^{доп}$ её принимают равной нулю.

Далее определены задержки поездов от продления «окна»:

$$\Delta T_{зд}^{пр} = T_{зд}^{общ}(T_{ок} + t_{ок}^{пр}) - T_{зд}^{общ}(T_{ок}), \quad (11)$$

где $\Delta T_{зд}^{пр}$ – общее время задержки в связи с нарушением движения поездов, поездо-ч.

Расчет затрат ОАО «РЖД» от задержки поездов в период продления «окна» $\sum R_{пр.ок}^{з.п}$ производится исходя из стоимости простоя поездов и суммарного количества поездо-часов дополнительного простоя [7]:

$$\sum R_{пр.ок}^{з.п} = e_{п.ч} \cdot \Delta T_{зд}^{пр}, \quad (12)$$

где $e_{п.ч}$ – укрупненная расходная ставка простоя поезда, руб./поездо-ч.

Далее определены потери ДРП и ОАО «РЖД» от предоставления дополнительных «окон» $\sum R_{доп.ок}$ (блок 2).

Продолжительность любого «окна» складывается из основного времени (времени производства работ) и времени на разворачивание и сворачивание работ [8–10]. Тогда потребная продолжительность дополнительного «окна» может быть определена так (блок 6):

$$t_{ок}^{доп} = t_{пв} + t_{осн} + t_{св}, \quad (13)$$

где $t_{пв}$ – время на разворачивание работ в «окно» (от начала первой работы

до начала работы ведущей машины) определено в технологическом процессе, ч; $t_{осн}$ – основное время производства работ, ч; $t_{св}$ – время на свертывание работ в «окно» (от окончания работы ведущей машины до завершения всех работ), определено в технологическом процессе, ч.

$$t_{осн} = \frac{l_{ок}^{ост}}{T_{вед}}, \quad (14)$$

где $l_{ок}^{ост}$ – оставшейся участок неотремонтированного пути, м; $T_{вед}$ – производительность ведущей машины в «окно», м/ч.

Расходы ДРП, связанные с организацией выезда на перегон для производства работ в дополнительное «окно» $\sum R_{доп.ок}$, можно объединить в две группы: расходы, связанные выполнением работ в дополнительное «окно» $\sum R_{доп.ок}^{раб}$ (блок 7); расходы, связанные с задержкой поездов в дополнительное «окно» $\sum R_{доп.ок}^{з.п}$ (блок 8).

Расходы, связанные выполнением работ в дополнительное «окно», включают в себя следующие издержки.

На заработную плату монтеров пути, непосредственно выполняющих работы в дополнительное «окно», $R_1^{доп.ок}$:

$$R_1^{доп.ок} = 1,8 \cdot A \cdot e \cdot k_1 \cdot t_{ок}^{доп}, \quad (15)$$

где $t_{ок}^{доп}$ – продолжительность дополнительного «окна», ч.

На доставку монтеров пути с базы к месту работы и обратно, $R_2^{доп.ок}$:

$$R_2^{доп.ок} = (1,8 \cdot N \cdot e \cdot t_d + 2 \cdot N \cdot e_{п} \cdot L_d) \cdot t_{ок}^{доп}, \quad (16)$$

где N – число монтеров пути, выезжающих на место работ (принято по технологическому процессу), чел.; L_d – расстояние от базы до места работ, км; $e_{п}$ – себестоимость 1 пассажиро-км, руб.; t_d – время следования рабочего поезда с базы к месту работ и обратно:

$$t_d = 2 \left(\frac{L_d}{V} + t_m \right); \quad (17)$$

V – средняя скорость следования рабочего поезда ($V = 40\text{--}50$ км/ч); t_m – продолжительность маневров на базе и ожидание маршрутов ($t_m = 0,25\text{--}0,30$ ч).

На эксплуатацию путевых машин с учетом стоимости их доставки с базы к месту работ и обратно, $R_3^{\text{доп.ок}}$:

$$R_3^{\text{доп.ок}} = 1,15 \sum_{i=1}^{i=n} m_i C_i (t_{\text{ок}}^{\text{доп}} + \alpha t_d), \quad (18)$$

где α – коэффициент, учитывающий снижение стоимости 1 машино-ч. при транспортировке машин ($\alpha = 0,85\text{--}0,90$).

Связанные с использованием (арендой) путевых машин принадлежащих сторонней организации (ДПМ), $R_4^{\text{доп.ок}}$:

$$R_4^{\text{доп.ок}} = \sum_{i=1}^{i=n} m_{\text{ai}} C_{\text{ai}} t_{\text{ок}}^{\text{доп}}. \quad (19)$$

На оплату труда кондукторских бригад, сопровождающих рабочие поезда, $R_5^{\text{доп.ок}}$:

$$R_5^{\text{доп.ок}} = 1,8 \cdot n_{\text{кб}} \cdot t_{\text{кб}} \cdot e_{\text{кб}}. \quad (20)$$

Тогда

$$\sum R_{\text{доп.ок}}^{\text{раб}} = R_1^{\text{доп.ок}} + R_2^{\text{доп.ок}} + R_3^{\text{доп.ок}} + R_4^{\text{доп.ок}} + R_5^{\text{доп.ок}}. \quad (21)$$

Потери компании ОАО «РЖД» от задержки поездов при предоставлении дополнительного «окна» $\sum R_{\text{доп.ок}}^{3,п}$ определяются аналогично определению потерь при продлении «окна» без учета задержек от продления (блок 8).

Далее определены потери ДРП от невыполнения производственной программы $\sum R_{\text{н.р}}$ (блок 3).

В случае невыполнения производственной программы исполнителем работ (ДРП) по какой-либо из причин

(отказ в получении дополнительно «окна», нехватка производственных мощностей, окончания сезона летних путевых работ и др.) он понесет затраты в виде недофинансирования $\sum R_{\text{н.р}}^{\text{нф}}$ (блок 9) и штрафных санкций со стороны заказчика $\sum R_{\text{н.р}}^{\text{шф}}$ (блок 10).

На следующем этапе (блок 11) происходит предварительное сравнение управленческих вариантов, позволяющее с экономической точки зрения обосновать решение о возможности дальнейшего выполнения работ в «окно» по минимальным потерям – $\min(\sum R_{\text{пр.ок}}; \sum R_{\text{доп.ок}}; \sum R_{\text{н.р}})$.

В блоке 12 на основании экономической оценки потерь при отрицательном решении, то есть, когда в приоритете по затратам дополнительное «окно» – работы прекращаются.

В блоке 13 принимается решение о возможности продолжения выполнения работ в «окно». При положительном решении в блоке 14 принимается управленческое решение на выполнение работ с задержкой «окна».

При невозможности дальнейшей реализации путевых работ в «окно» происходит завершение работ (блок 15). При этом исходе для выполнения оставшегося объема работ в другие дни потребуются дополнительные «окна».

Итак, использование предложенной модели принятия решений реализации путевых работ в «окно» и его математическая формализация позволяют оценивать возможные затрат при отказе путевых машин, обосновать с учетом экономической оценки, менее затратный исход для исполнителя работ, обосновать управленческие решения о дальнейшей реализации технологического процесса. ■

Литература

1. Дуплякин М.К. Графоаналитическая модель технологического процесса ремонтно-строительных работ с учетом надежности путевых машин // Транспорт: наука, техника, управление. 2013. № 9. С. 52–55. ISSN 0236-1914.
2. Дуплякин М.К., Сизый С.В., Сай В.М. Моделирование технологических процессов ремонтно-строительных работ с учетом надежности путевых машин // Транспорт Урала. 2012. № 3. С. 66–71. ISSN 1815-9400.

3. Сай В. М., Дуплякин М. К. Математическая формализация влияния отказов путевых машин на выполнение технологического процесса в «окно» // Транспорт Урала. 2013. № 4. С. 45–49. ISSN 1815-9400.
4. Шульга В. Я., Ангелейко В. И., Комаров А. А. и др. Экономика путевого хозяйства: учебник для вузов ж.-д. трансп. М. : Транспорт, 1988. 303 с.
5. Волков Б. А., Шульга В. Я., Кокин М. В. и др. Экономика железнодорожного строительства и путевого хозяйства : учебник для вузов / под общ. ред. Б. А. Волкова, В. Я. Шульги. – М. : Маршрут, 2003. – 632 с.
6. Гибшман А. Е. Определение экономической эффективности проектных решений на железнодорожном транспорте. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : «Транспорт», 1985. 239 с.
7. Распоряжение ОАО «РЖД» от 03.04.2008 N 681р «Об утверждении Методических рекомендаций по расчету ущерба от транспортных происшествий и иных связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта событий в ОАО «РЖД». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2015).
8. Воробьев Э. В. Технология, механизация и автоматизация путевых работ : учеб. для вузов / Э. В. Воробьев, К. Н. Дьяков, В. Г. Максимов и др./ под ред. Э. В. Воробьева, К. Н. Дьякова. – М. : Транспорт, 1996. 375 с.
9. Воробьев Э. В., Ашпиз Е. С., Сидраков А. А. Технология, механизация и автоматизация путевых работ: в 2 ч. – М. : ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2014. Ч. 1. – 308 с.
10. Уралов В. Л. Комплексная механизация путевых работ : учебник для студентов вузов ж.-д. трансп. / В. Л. Уралов, Г. И. Михайловский, Э. В. Воробьев и др. / под ред. В. Л. Уралова/ – М. : Маршрут, 2004. – 382 с.

References

1. Duplyakin M. K. Grafoanaliticheskaya model tekhnologicheskogo protsessa remontno-stroitelnykh rabot s uchetom nadezhnosti putevykh mashin [Graphical and analytical model of repair and construction process taking into account track machines reliability] // Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. 2013. № 9. S. 52–55. ISSN 0236-1914.
2. Duplyakin M. K., Sizyy S. V., Sai V. M. Modelirovanie tekhnologicheskikh protsessov remontno-stroitelnykh rabot s uchetom nadezhnosti putevykh mashin [Modeling repair and construction processes taking into account track machines reliability] // Transport of the Urals. 2012. № 3. S. 66–71. ISSN 1815-9400.
3. Sai V. M., Duplyakin M. K. Matematicheskaya formalizatsiya vliyaniya otkazov putevykh mashin na vypolnenie tekhnologicheskogo protsessa v «okno» [Mathematical formalization of influence of track machines failure on time window process performance] // Transport of the Urals. 2013. № 4. S. 45–49. ISSN 1815-9400.
4. Shulga V. Ya., Angeleyko V. I., Komarov A. A., et al. Ekonomika putevogo khozyaystva: uchebnik dlya vuzov zh.-d. трансп. [Economy of the track facilities: a textbook for railway universities] M. : Transport, 1988. 303 p.
5. Volkov B. A., Shulga V. Ya., Kokin M. V. et al. Ekonomika zheleznodorozhnogo stroitelstva i putevogo khozyaystva : uchebnik dlya vuzov [Economy of railway construction and track facilities: a textbook for universities] / pod obsch. red. B. A. Volkova, V. Ya. Shulgi. – M. : Marshrut, 2003. – 632 p.
6. Gibshman A. E. Opredelenie ekonomicheskoy effektivnosti proektnykh resheniy na zheleznodorozhnom transporte. 2-e izd., pererab. i dop. [Determining economic efficiency of design solutions in railway industry. 2nd ed., Rev. and add.] – M. : «Transport», 1985. 239 p.
7. Rasporyazhenie ОАО «RZhD» ot 03.04.2008 N 681r «Ob utverzhdanii Metodicheskikh rekomendatsiy po raschetu uscherba ot transportnykh proissheshtviy i inykh svyazannykh s narusheniem pravil bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii zheleznodorozhnogo transporta sobytii v ОАО «RZhD». [Order of JSC Russian Railways dated 03.04.2008 N 681r «On Approval of the Guidelines for the calculation of damages from transport accidents and other events related to the violation of safety rules applicable to driving and operation of railway transport at Russian Railways. Accessed from legal information system «Consultant Plus»] (date accessed: 20.01.2015).

8. Vorobev E. V. Tekhnologiya, mekhanizatsiya i avtomatizatsiya putevykh работ : ucheb. dlya vuzov [Technology, mechanization and automation of track works: a textbook for universities] / E. K. Vorobev, K. N. Dyakov, V. G. Maksimov i dr. / edited by E. V. Vorobeva, K. N. Dyakova. – M. : Transport, 1996. 375 p.
9. Vorobev E. V., Ashpiz E. S., Sidrakov A. A. Tekhnologiya, mekhanizatsiya i avtomatizatsiya putevykh работ: v 2 ch. [Technology, mechanization and automation of track works: 2 parts] – M. : FGBOU «Uchebno-metodicheskiy tsentr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte», 2014. Ch. 1. – 308 p.
10. Uralov V. L. Kompleksnaya mekhanizatsiya putevykh работ : uchebnik dlya studentov vuzov zh.-d. transp. [Integrated mechanization of track works: a textbook for railway university students.] / V. L. Uralov, G. I. Mikhaylovskiy, E. V. Vorobev et al. / edited by V. L. Uralova / M. : Marshrut, 2004. – 382 p.

Статья сдана в редакцию 10 августа 2015 года

Философские параллели

УДК 323.232; 323.14

Е. П. Пьяных

Современный нацизм в аспекте глобализации

UDC 323.232; 323.14

E.P. Pyanykh

Modern nazism in aspect of globalization

Аннотация

Статья посвящена проблеме возрождения неонацизма. Данная проблема рассматривается с точки зрения процессов глобализации.

Одним из результатов глобализации является утрата национальной идентичности. Потребность в такой идентификации остается, поскольку носит фундаментальный характер. Попытки национальной идентификации обретают крайние нелегитимные формы, одной из которых является неонацизм.

В странах «полупериферии» неонацистские настроения стимулируются экономическим и социальным неравенством со странами «ядра» и финансовой зависимостью от них (Греция, Венгрия, Украина и др.). В странах «ядра» (ЕС, США и др.) рост неонацистских настроений стимулируется во многом последствиями миграционных процессов.

Отсюда рождается едва ли не фундаментальное глобально-цивилизационное противоречие между либеральными ценностями (права человека, равенство возможностей, толерантность и т. п.) и необходимостью сохранить собственное лицо, означающее провал политики мультикультурализма. На этом фоне и приобретают популярность радикальные правые партии.

Национализм в крайней форме обретает содержание нацистского дискурса со всеми его особенностями. Последний являет собой простую (если не сказать примитивную) идеологию, имеющую в основе популистское утверждение о национальном превосходстве и ксенофобское мышление и несущее форму агрессивного протеста.

Ключевые слова: национализм, нацизм, неонацизм, глобализация, идентификация, идентичность, неонацизм, цивилизация.

Summary

The article deals with the revival of neo-Nazism. This problem is considered from the view point of globalization.

One of the results of globalization is the loss of national identity. The need for such identification remains, as it is fundamental. National identification attempts take extreme and illegitimate shapes, one of which is neo-Nazism.

In «semi-peripheral» countries, neo-Nazi sentiments are stimulated by economic and social inequality as compared to the «core» countries, and financial dependence on them (Greece, Hungary, Ukraine, and others.). In the «core» countries (EU, US, etc) the growth of neo-Nazi sentiment is driven largely by consequences of migration processes.

Hence, almost a fundamental global-civilizational conflict is born between the liberal values (human rights, equality of opportunities, tolerance etc) and the need to save own face, which means failure of multiculturalism policy. Radical right-wing parties are gaining popularity against this background.

Nationalism in extreme forms becomes similar to the Nazi discourse with all its features. The latter is a simple (not to say primitive) ideology, based on a populist statement about national superiority and xenophobic thinking, which takes form of violent protest.

Keywords: Nationalism, Nazism, neo-Nazism, globalization, identification, identity, neo-Nazism, civilization.

Елена Павловна Пьяных, канд. философ. наук, доцент; кафедра «Философия и история» Уральского государственного университета путей сообщения, Екатеринбург, Россия. E-mail: lena.cogito@yandex.ru.

Elena Pavlovna Pyanykh, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: lena.cogito@yandex.ru.

В настоящее время в Европе и некоторых странах постсоветского пространства (Украина, Латвия, Литва, Эстония) наблюдается всплеск популярности ультраправых, националистических и откровенно нацистских партий и течений. Например, партия «Золотой рассвет» в Греции, идеологией которой является неонацизм, и которую, по данным опросов, поддерживают около 10 % греков, или венгерская анти-семитская партия «Йоббик», известная своей поддержкой идеи создания концентрационных лагерей для венгерских цыган. Подобные партии получили места в парламентах ряда европейских стран (Австрия, Англия, Бельгия, Болгария, Дания, Нидерланды, Словакия, Франция и др.). Правые наступают в известных своими толерантными традициями странах. В послевоенной Западной Германии под контролем союзников была проведена строгая «денацификация», но после объединения 1990-го года неонацистские группы становились все более популярными, особенно среди молодых людей из бывшей ГДР, которые питали ненависть к коммунизму и отвращение к славянам, в частности полякам, или туркам. После запрета на производство нацистских пропагандистских материалов их импортируют из США, Скандинавии, Венгрии или Италии. Самой сильной партией, которой приписывают эту ориентацию, является Национальная демократическая партия Германии (НДПГ). Сама партия называет себя правоконсервативной, однако многие политологи и эксперты считают, что НДПГ пропагандирует ненависть к иностранцам, антисемитизм и шовинизм. Неонацистские и евrofобские правые партии получили 140 мест в парламенте, став третьей политической силой в Европарламенте после консерваторов и социалистов. Неонацистские марши регулярно проходят в странах Балтии. Результат работы ультраправых сил на Украине («Правый сектор» Д. Яроша, «Свобода» О. Тягнибока) – празднование 100-летия со дня рождения Степана Бандеры, главного

пособника фашистов на Украине во время Великой Отечественной войны. Реабилитация Украинской повстанческой армии (УПА) и проведение конкурсов с символикой УПА более чем красноречиво говорят об истинном положении дел. Украинский неонацист – это среднестатистический украинец, ненавидящий все, что хотя бы косвенно напоминает о России.

А как объяснить тот парадоксальный факт, что целый ряд европейских государств, известных своими демократическими принципами, переживает ренессанс нацизма? Каким образом вполне легальные неонацистские марши и партии соседствуют с заявлениями о правах человека, свободе и толерантности?

Попытаемся представить собственное видение данной проблемы сквозь призму глобализационных процессов.

Сначала определимся в понятиях.

Национализм – политическое течение, важнейшим принципом которого является защита нации и первостепенное соблюдение её интересов. При этом народ может быть сформирован как по принципу «одной крови», «одной земли» (США), «одной веры» (исламистские государства).

К сожалению, данное понятие в последнее время приобрело негативный смысл вследствие подмены понятий: здоровый национализм путают с его радикальными вариантами, с агрессивной ксенофобией.

Именно здоровый национализм позволяет идентифицировать этническую или социальную группу на фоне остальных, соблюсти её интересы, организовать эффективное управление. Национализм необходим для строительства и укрепления государства, легитимации власти.

Любовь к своей нации, готовность нести перед ней ответственность, защищать ее интересы вполне естественна. Национализм неотделим от патриотизма, который можно трактовать по-разному, но все трактовки едины в понимании патриотизма как любви к родине, отечеству, народу, чувства

гордости за страну, готовности защищать ее от врагов.

Национализм хотя и защищает интересы нации, однако не всегда проповедует её превосходство над остальными народами или обязательно предполагает ранжирование наций. Национализм (в классическом значении) более терпимо относится к представителям других народов. Кроме того, национализм может вполне сочетаться с такими либеральными ценностями, как свобода слова, рыночная и политическая конкуренция и др., да и вообще с любой идеологией.

Нацизм традиционно определяется как политическая идеология национал-социализма, где идеи социализма тесно переплетаются с националистическими идеями. Это позволяет проповедовать превосходство одного народа над другими, обосновывать расовую дискриминацию и этнические войны. Важнейшими атрибутами такой идеологии являются тоталитарные методы управления, открытая агрессия, ксенофобное мышление, объявление права на уничтожение «неполноценных» народов.

Неонацизм – общее название идеологии политических или общественных движений, возникших после второй мировой войны, исповедующих национал-социалистические или близкие к ним взгляды либо объявляющих себя последователями Национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP).

Основной идеей современных неонацистов по-прежнему остается борьба за чистоту расы. И поэтому растет расовая ненависть и дискриминация по национальному признаку.

Если национализм – это выраженная любовь к своей нации, стремление ее развивать не в ущерб другим, то нацизм и неонацизм – это гипертрофированная любовь к своей же нации в ущерб другим и за счет других, которые объявляются врагами и помехой в развитии нации и, следовательно, их нужно убрать.

Живучесть и опасность нацизма в его современных вариантах приводят

к необходимости заново анализировать данное явление, как нам представляется, с точки зрения уже глобальных процессов.

Европейская политическая структура с середины XIX в. представляла собой совокупность мощных наций-государств. Такое государство обладало необходимой силой (военной и административной) для объединения этнических групп в национальное целое и таким образом обеспечивало реализацию национальных интересов и достижение чувства национально-культурной идентичности. Категория «нация-государство» считается определением всех государств, обладающих суверенитетом. Конечно, понятие «нация-государство» неоднозначно, но примем его за базовую категорию.

Современная цивилизация характеризуется глобализационными процессами. «Глобализация – доминирующая после окончания «холодной войны» единая общемировая система, ... основанная на беспрепятственном перемещении капитала, на информационной открытости мира, на быстром технологическом обновлении, на понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на коммуникационном сближении, планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, новых видах транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернациональном образовании» [1]. То есть речь идет о глобальном капитализме с либерально-демократической надстройкой.

Глобализация – процесс весьма неоднозначный, имеющий как позитивные, так и негативные стороны.

Глобализация в экономике

Имеет смысл говорить об европейской части глобализации, точнее, об ее атлантистском источнике (атлантизм – термин, употребляемый для обозначения западной (изначально англо-американской) либерально-демократической цивилизации – *прим. Авт.*), поскольку

основные субъекты глобальных экономических процессов – порядка 40 тысяч транснациональных корпораций (ТНК) – в своем подавляющем большинстве принадлежат капиталу США, Западной Европы и Японии [2].

Экономическая и хозяйственная жизнь отдельной нации приобретает глобальный характер, государство утрачивает контроль над национальной экономикой. Само понятие «национальная экономика» теряет смысл, поскольку явление это денационализируется, перестает существовать в глобальном мире. Сила суверенных государств заменяется всемогуществом транснациональных корпораций. Отдельным странам предлагается пожертвовать своими отраслями производства в пользу более эффективных экономик, подчиниться общим требованиям Евросоюза.

Пример – результат вхождения в Евросоюз стран Восточной Европы (Чехия, Венгрия, Румыния, Болгария и др.). Зависимость от глобальной экономики, соответствующих кредитно-финансовых институтов, долговых обязательств негативно сказывается на благосостоянии граждан и приводит к росту протестных настроений в этих странах. Не попавшим в систему мирового разделения труда странам грозит оказаться за пределами мирового развития.

Глобализация приносит экономическую выгоду прежде всего странам «золотого миллиарда», которые можно рассматривать как «центр силы» современного мира, или «ядро» (воспользуемся моделью И. Валлерстайна). Население остальных стран («периферия» и «полупериферия» в мир-системном анализе Валлерстайна) фактически отрезано от каналов влияния и распределения глобальных экономических потоков, но при этом обслуживает страны «ядра».

Глобализация в политике

Глобализационные процессы подрывают суть современного государства. Суверенность как неотъемлемый атрибут государственности ослабляется, а то и вовсе утрачивается. Как уже

говорилось выше, национальные правительства уступают власть транснациональным корпорациям. Возрастет социальный разрыв между элитами, приспособившимися к новым экономическим реалиям, и социальными группами, не имеющими такой возможности. Особенно это касается стран, не занимающих лидирующих позиций в новом мире. Потребности экономического роста, политическая зависимость, информационная экспансия плохо сочетаются с национальными интересами.

Геополитические интересы основных глобальных игроков зачастую входят в противоречие с национальными интересами. Примером могут служить последствия антироссийских санкций, ударивших по экономическим интересам стран Евросоюза (Греция, Испания, Польша, Венгрия, Италия, Франция и др.). Да и само понятие «национальный интерес» утрачивает смысл.

Неполучение выгод или неоправданные ожидания от экономического развития в глобальном мире приводит и к тому, что в государствах открывается простор оппозиционным силам. Национальные политические элиты более не суверенны. Традиционные «правые» и «левые» сдают свои позиции, уступая место на политической арене новым субъектам, среди которых оказываются как негосударственные организации и общественные движения позитивной направленности, так и «ультрас».

Глобализация в социальной сфере

Миграционные процессы вытесняют большие массы людей с привычных мест проживания с определенным (часто укоренившимся) укладом в регионы с более высоким уровнем жизни. Возникает проблема приспособления иммигрантов к чуждому строю, но более привлекательному с точки зрения получения материальной выгоды. Эмиграция из бедных стран Африки и Азии меняет лицо Европы, которая обязана стать мультикультурной. После краха режима Каддафи в Ливии, сдерживающего приток мигрантов из Северной Африки,

проблема обострилась. Перед либеральными европейскими странами встала задача ужесточения иммиграционного законодательства, а это противоречит логике глобализации и правам человека. Наплыв иммигрантов усугубляется нежеланием или невозможностью их ассимиляции, что вызывает у традиционных европейцев вспышку ксенофобии и неонацизма, а в парламентах европейских стран приходят ультраправые политические силы. Некоторые западноевропейские политики уже признали крах теорий и практик мультикультурализма.

Глобализация разрушает традиционные источники идентичности. Люди, оторванные от корней и ввергнутые в глобальную экономическую систему, нуждаются в новом источнике идентификации взамен утраченной национально-государственной. Но глобализация не предлагает личности новой традиционной, узнаваемой идентичности, ее место занимает космополитизм.

Глобализация в идеологии и культуре

Культурное и идеологическое своеобразие нации становится достоянием «глобальной деревни». Город как центр культурного развития приобрел черты «города вообще», «мирового города» со стандартным, стертым лицом. С урбанистичностью связан и космополитизм культуры XX в.

Основной идеологией в сегодняшнем мире признан либерализм с базовой ценностью свободы. Однако уже можно говорить не просто о либерализме, а о глобализме (мондиализме) как идеологии планетарного масштаба, обслуживающей потребности монокультурного мира. Общие для западной цивилизации понятия – «частная собственность», «рынок», «свобода», «индивидуализм», т. е. принципы либерализма и демократии – транслируются за ее пределы, зачастую вызывая отторжение в неевропейских странах (исламизация Турции, Ирана, усиление консервативных настроений в России).

Сделаем выводы. Глобализация интегрирует современный мир, приводя и к позитивным результатам, и к непримиримым противоречиям.

Основное противоречие усматривается между глобальным, т.е. рыночным и либерально-демократическим, массовым, космополитичным единообразием и локальным, национально-культурно-религиозным своеобразием. Другими словами, между модернизационным сближением стран и потребностью в сохранении и воспроизводстве этнической и религиозной идентичности.

При этом традиционный субъект политической и экономической жизни, известный как нация-государство, практически утратил свое значение. Но при фактической утрате государственной составляющей национальная компонента не теряет своей значимости. Национальность (нация) является основой формирования идентичности, т.е. осознания индивидом (общностью) самого себя, что предполагает установление сходства с другими людьми (общностями) равно как и отличия от них. Основу для традиционных способов идентификации всегда составляли семья, нация, этничность, гендер. В глобальную эпоху подобные идентичности размываются, подрываются или вовсе утрачиваются. Возникает проблема конструирования новых идентичностей взамен старых, но зачастую это процесс довольно противоречивый. Так, смена места жительства или пола, разрыв связей с семьей, родом приводит к таким последствиям, как маргинализация (пограничность, потеря связи со своей социальной, национально-этнической и проч. группой) и депривация (состояние потери, при которой социальные связи оказываются разорванными).

Однако любое коллективное действие (национальное, религиозное, семейное и т.п.) обретает смысл именно в контексте идентичности и наоборот идентичность придает легитимность тому или иному действию/событию.

Неизбежен вопрос: каким образом в новых условиях должна и будет

происходить национальная идентификация и какая реальность может придти на смену нации-государству?

Одну из интерпретаций происходящих в мире процессов дал С. Хантингтон, проанализировав данные процессы через противостояние нескольких цивилизаций и разделив мир по формуле «Запад и все остальные». В глобальном мире «...локальная политика является политикой этнической, или расовой принадлежности; глобальная политика – это политика цивилизаций... В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [3]. Хантингтон убежден, что «...в конечном счете для людей важна не политическая идеология или экономические интересы. Вера и семья, кровь и убеждение – это то, с чем люди себя идентифицируют и за что они будут биться и умирать. И поэтому столкновение цивилизаций заменит холодную войну как главный фактор глобальной политики» [4].

Проблема национальной (национально-религиозной) идентичности будет только обостряться, вовлекая в свою орбиту страны евразийского континента и особенно бывшие социалистические страны.

Процесс отмирания национального начала можно наблюдать как в странах «полупериферии», так и в странах «ядра». Универсализация культурной жизни происходит на фоне естественного желания всех участников данного процесса сохранить самобытность. Общество и человек обретают черты «массовости», подчиняясь западным стандартам жизни. Этому активно способствуют глобализация СМИ и Интернет. Здесь можно усмотреть определенную взаимозависимость, общие и особенные черты.

В странах «ядра» рост неонацистских настроений стимулируется во многом последствиями миграционных процессов. Среди данных последствий хотелось бы указать на следующие: во-первых,

«социальное бремя неуправляемой миграции» [5]; во-вторых, нежелание многих мигрантов принять глобальные ценности, замыкание на собственных, локальных, а значит, национальных и религиозных. Отсюда рождается едва ли не фундаментальное глобально-цивилизационное противоречие между либеральными ценностями (права человека, равенство возможностей, толерантность и т. п.) и необходимостью сохранить собственное лицо (как для «своих», так и для «пришлых»), означающее провал политики мультикультурализма. На этом фоне и приобретают популярность радикальные правые партии.

Кроме того, Европа зашла в идейный тупик. Система европейских ценностей при всей ее привлекательности обнаружила ряд непреодолимых противоречий: будучи христианской, отвергает христианские же ценности, предоставляя свободу, загоняет в экзистенциальный кризис, поскольку свобода – явление противоречивое. Капитализм с его культом потребления лишает человека сущности и смысла жизни и т.д. На этом фоне продолжается поиск альтернатив. Почему бы не вернуться к корням?

Нацистские настроения в странах «ядра» могут стимулироваться практически любыми последствиями глобализации.

В странах «полупериферии» (Венгрия, Греция, Болгария, Словакия, Украина, прибалтийские республики и др.) радикальные националистические настроения могут провоцироваться экономическим и социальным неравенством со странами «ядра» (США, ЕС) и экономической и финансовой зависимостью от них. В бывших советских республиках неонацизм расцветает как «доказательство» полного освобождения от «советской оккупации», а, стало быть, и собственной национальной состоятельности и самодостаточности.

Если европейское население разочаровывается в политике мультикультурализма (несмотря на идеи толерантности и политкорректности), то население

бывших советских республик и стран-сателлитов СССР испытало некий ментальный сдвиг (кем были ранее и кем станут теперь?) и сейчас пытается благодаря ультранационалистическим призывам и акциям восстановить самооценку и самоуважение.

Встроенные и особенно встраиваемые в глобальную систему общества, как правило, испытывают социально-политический дискомфорт: экономическая нестабильность, отсутствие согласия относительно базовых идеологических ценностей, дискредитация коррумпированной политической элиты и делегитимация политической власти, присутствие «чужаков» и другие проблемы требуют простого и быстрого объяснения и решения проблемы. Отсюда и особенности нацистского дискурса: примитивизм (простое и понятное деление на «мы-они», «свои-чужие»); популизм (в качестве замены реальных экономических достижений); ксенофобия (любое общество нуждается во враге для обоснования собственных неудач и ненависти); утопичность (проект будущего, оправдывающий насилие); агрессия (самый быстрый и радикальный способ решения проблемы); иерархия (простое объяснение сложного социального устройства) и др.

Национализм в его здоровой форме способен стать основой государства, сделать нацию конкурентоспособной (примером могут служить Япония, современный Китай). В радикальной форме это разрушительная сила.

Почему попытки национальной идентификации обретают такие крайние, нелегитимные формы?

Во-первых, на всем протяжении истории отстаивание национальной идентичности (помноженное на религиозно-территориальный вопрос и статусные претензии) всегда порождал огромное насилие. Ответ на вопрос – кто ты такой? – зачастую предполагает летальный исход. Примерами могут служить события на Украине, в Сербии и др.

Во-вторых, легитимного противодействия процессу глобализации не

существует. Наоборот, глобализация подается как процесс в высшей степени привлекательный, повышающий качество жизни. Ни одна из влиятельных стран не заняла выраженную антиглобализационную позицию. Элиты ищут свое место в глобальной системе, населению предлагается следовать их примеру. Неудачный глобализационный опыт только обостряет проблему поиска собственной национальной ниши.

В-третьих, нет и не предвидится никакого альтернативного общественно-политического проекта, способного снять радикальные националистические настроения. Конечно, можно утверждать, что подобные настроения щедро спонсируются и используются в определенных политических целях. Но фактом остается и то, что у неонацистов есть свой электорат, разделяющий «коричневые» взгляды и полагающийся насилием главным аргументом. Данный электорат, в основном молодежь, не сумев или не пожелав встроиться в новые глобальные реалии, создает собственный альтернативный ультранационалистический проект.

Немалую роль играет и атлантистская политика двойных стандартов, когда «оценка одних и тех же действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких отношениях каждый из этих субъектов находится с оценивающим. При этом действия «своих» – лояльных к оценивающему, – получают оправдание, в то время как те же действия «чужих» порицаются и считаются недопустимыми» [6]. Пример – игнорирование неонацистских акций и открытого насилия на Украине (также и в прибалтийских республиках) со стороны ЕС и его правозащитных и прочих гуманистических организаций.

Глобализация, избавляя нации от традиционной идентичности, вынуждает возвращать ее крайними способами. Неонацистские организации пытаются решить следующие взаимосвязанные задачи: 1) выступить в качестве дееспособного социально-политического субъекта, способного решать насущные

проблемы, пусть и радикальным способом; 2) актуализировать традиционный идентификационный ресурс; 3) заполнить идейный вакуум и задать идейный вектор национального самосознания.

Неонацистские движения, как правило, не располагают легитимными ресурсами для решения таких проблем, прибегая к популистским заявлениям и насильственным действиям (люстрация, преследование инородцев, уничтожение культурных артефактов и др.). В тех странах, где можно получить власть, пройдя в парламент, соответствующие партии пытаются использовать и легальные ресурсы. Пока эти партии не являются «критической массой», но достаточно вспомнить историю Гитлера...

Бороться с неонацизмом крайне сложно. Задачи, декларируемые практически любой властью (легитимация власти, восстановление и развитие национальных экономик, защита национальных экономических и политических интересов, соответствующая социальная политика и необходимая идеологическая и воспитательная работа), входят зачастую в противоречие с глобальными процессами, образуя замкнутый круг.

Неонацизм является радикальной формой национализма; крайнее же состояние разрешается либо социально-политическим взрывом, либо достижением очередного национального консенсуса. Под последним мы подразумеваем готовность всех социальных групп соблюдать базовые принципы существования при взаимном равноправии

и толерантности. Вторым вариантом предполагается большую работу всех слоев общества, включая национальную элиту. Но, как показывает опыт послевоенной и современной Германии, национальный консенсус также является временным состоянием. Всегда найдутся политические силы, способные эксплуатировать национальные чувства и манипулировать ими. Тем более что глобализация предоставляет для этого все возможности.

Нацизм сопровождает глобальные процессы, являясь реакцией на перестройку социума. Потенция нацизма есть практически у любого народа. Склонность заявить о собственной уникальности и исключительности, своеобразный национальный нарциссизм зачастую служит оправданием экономической и политической несостоятельности, идейного кризиса.

Энергия здорового национализма должна обеспечивать не разрушение, а созидание. Гордость за свою нацию, народ, страну должна быть гордостью за конкретные экономические, социальные, духовные достижения. Повышение национальной самооценки сопрягается не с разрушенными культурными памятниками и убитыми инородцами, а, как минимум, с появлением конкурентного продукта.

Национализм может стать государственной идеологией либо составить конкуренцию другим идеологиям в демократическом обществе. Способность не давать волю нацистским настроениям можно объявить одним из высших достижений цивилизации. ■

Литература

1. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление М. : Логос», 2002. С. 9. ISBN 5-94010-113-5.
2. Правда о глобализации. Доклад В. И. Добренькова на 36-м Всемирном конгрессе Международного института социологов (IIS) в Пекине. URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=203> (дата обращения: 06.06.2015).
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 24. ISBN -5-17-007923-0.
4. Там же, с. 26.
5. Т. Сарацин. Германия. Самоликвидация. URL: alнемiga.com...PMG/Thilo_Sarrazin...samolikvidatsiya. (дата обращения: 06.06.2015).
6. Двойные стандарты. URL: <http://pioss.net/blog/terms/486.html>. (дата обращения 07.06.2015).

References

1. Utkin A.I. Globalizatsiya: protsess i osmyslenie [Globalization: the process and the comprehension] М. : Logos», 2002. S. 9. ISBN 5-94010-113-5.
2. Pravda o globalizatsii. Doklad V.I. Dobrenkova na 36-m Vsemirnom kongresse Mezhdunarodnogo instituta sotsiologov (IIS) v Pekine. [The truth about globalization. Report by V.I. Dobrenkov at the 36th World Congress of the International Institute of Sociology (IIS) in Beijing.] URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=203> (date accessed: 06.06.2015).
3. Huntington S. The Clash of Civilizations. М., 2003. S. 24. ISBN 5-17-007923-0.
4. Ibid, p. 26.
5. T. Saratsin. Germaniya. Samolikvidatsiya. [Germany. Self-destruct.] URL: [alnemiga.com/...PMG / Thilo_Sarrazin...samolikvidatsiya](http://alnemiga.com/...PMG/Thilo_Sarrazin...samolikvidatsiya). (date accessed: 06.06.2015).
6. Dvoynye standarty. [Double standards.] URL: <http://pioss.net/blog/terms/486.html>. (date accessed: 07.06.2015).

Статья сдана в редакцию 10 июня 2015 года

Организация образовательного процесса

УДК 378.015

Н.А. Линькова-Даниелс

Внедрение новых технологий в процесс физического воспитания студентов Уральского государственного университета путей сообщения

UDC 378.015

N.A. Linkova-Daniels

Introduction of new technologies into physical training of students of Ural State University of railway transport

Аннотация

Современный учебный труд обладает повышенной информатизацией и интенсификацией, что отражается на состоянии здоровья студентов при недостаточной их грамотности в области оздоровительной физической культуры. В настоящее время появилась необходимость создания новых образовательных технологий, цель которых должна быть направлена не только на укрепление физического здоровья студентов, но и на нормализацию их психофизического состояния средствами физической культуры, при привлечении студентов к самостоятельной учебной деятельности.

Ключевые слова: технология, психофизическое состояние, здоровье, студенты, физическая культура, функциональное состояние, физическая подготовка.

Summary

Modern educational process is characterized by increased computerization and intensification, which affects the health of students in case of their insufficient awareness of health improvement through physical culture. Currently, there is a need to create new educational technologies, aimed not only at strengthening the physical health of students, but also at normalizing their psychophysical condition by means of physical culture and involvement of students to independent learning activities.

Keywords: technology, psychophysical state, health, students, physical training, functional status, physical training.

Получение образования в высших учебных заведениях можно отнести к специальному виду деятельности, связанному с высоким уровнем психических и физических нагрузок, крайне возрастающих в сессионный период, дефицитом времени, необходимостью усваивать в сжатые сроки большой объем информации, повышенными требованиями к решению проблемных ситуаций, жестоким контролем и регламентацией режима. Все это отражается на состоянии здоровья студентов, а в дальнейшем снижает конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда [1, 2]. Одним из частых диагнозов (около 30 %) в истории болезни учащейся молодежи является нейроциркуляторная дистония [3, 4]. В особую нозологическую группу сегодня выделен «синдром

Наталья Анатольевна Линькова-Даниелс, канд. пед. наук, доцент; кафедра «Физическое воспитание» Уральского государственного университета путей сообщения, Екатеринбург, Россия; помощник врача медицинского объединения «Tempsmart Agency»; Брисбен, Австралия. E-mail: linkovadaniels@gmail.com.

Natalia Linkova-Daniels, Ph.D., Associate Professor of the Department of Physical Education of the Ural state University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia; Registered Nurse medical association «Tempsmart Agency», Brisbane, Australia. E-mail: linkovadaniels@gmail.com.

менеджера» – комплекс разнообразных симптомов, причинами которых являются гиподинамия, стресс и хроническое переутомление [5].

Поэтому одна из главных задач кафедры «Физическое воспитание» – привлечение студентов к активной физкультурной деятельности, чтобы сформировать и развить компетенции по укреплению и сохранению здоровья. Необходимы новые технологии в области оздоровительной физической культуры, нацеленные не только на укрепление физического здоровья студентов, но и на нормализацию психофизического состояния средствами физической культуры. Привлечение студенческой молодежи к активной физкультурной деятельности невозможно без удовлетворения их интересов и потребностей в данной области, а это реализуется при соответствующей организации учебного процесса. Новые технологии должны принимать во внимание современные методы и средства дисциплины, что может способствовать активизации физкультурной деятельности, развитию регулярной потребности к сохранению и укреплению собственного здоровья [6].

Согласно результатам медицинского осмотра, в Уральском государственном университете путей сообщения за 2008–2014 гг. количество больных студентов увеличилось с 30 до 42 % от числа всех обучающихся очного отделения. Статистический анализ по изучению заболеваемости студентов демонстрирует рост числа студентов, имеющих отклонение в состоянии вегетативной нервной системы (с 7,9 до 19,3 % от всего

числа студентов оздоровительного отделения). В 2013–2014 уч. г. обучалось более 200 студентов данной категории, т.е. около 20 % от числа всех больных и временно освобожденных от практических занятий. Заболевания вегетативной нервной системы сказываются на функциональном, психофизическом состоянии студентов, их профессионально-прикладных физических качествах. Если не будут приняты меры по профилактике вегетативной дисфункции, то в 2017–2018 уч. г. в два раза возрастет количество студентов с такими расстройствами [7, 8].

Физическое воспитание студентов оздоровительного отделения имеет свои особенности, которые связаны с характером заболеваний и многообразием нозологических форм. Это вызывает определенные методические трудности при проведении практических занятий*.

В эксперименте приняли участие 60 студенток первого курса (17–18 лет). По условию эксперимента учащиеся поделены на четыре (две экспериментальные и две контрольные) группы по 15 человек в каждой. Экспериментальным группам предложены специальные физические упражнения [9, 10], соответствующие специфике заболеваний вегетативной нервной системы; контрольные группы занимались по общепринятой программе оздоровительного отделения.

В общем анкетировании приняли участие 160 юношей и девушек (с 1-го по 4-й курс; на каждом курсе по 40 человек, 17–21 год). В дополнительном анкетировании – 120 (с 1-го по 4-й курс; на каждом курсе по 30 человек, 17–21 год).

* Для определения психофизического состояния здоровья студентов использовался тест на определение стресс-коронарного профиля (разработан директором Института Гарольда Брауна, Сан-Франциско, проф. Фридманом совместно с д-ром Розенманом). Исследование предвестников инсульта анализировалось с помощью экспресс-теста (разработан врачом-психологом О. Кониной). Депрессионное состояние студентов исследовалось с помощью тестов «Выявление классической депрессии» (разработан американским психологом, экспериментатором Стэнли Холлом из Американской психологической ассоциации), теста на депрессию для массовых исследований и доврачебной диагностики (разработан в НИИ психоневрологии им. Бехтерева). Функциональное состояние сердечно-сосудистой системы определялось с помощью индекса Руфье. Уровень физической подготовленности анализировался с помощью оценки физической подготовленности по Б.Х. Ланда (2004). Анализ внешних признаков утомления проводился по методике В.П. Правосудова, Ж.А. Тесленко для оценки внешних данных функционального состояния студентов при выполнении физических упражнений, а именно, по окраске кожи, потливости, характеру дыхания. Присутствие или отсутствие головной боли оценивалось субъективно каждым студентом.

Предлагаемая методика учитывает особенности современного учебного процесса, стимулирует студентов к самостоятельной учебной деятельности [1, 2]. Технология предлагает индивидуальный подход к профилактике заболеваний вегетативной нервной системы, разделяя студентов на практических занятиях на подгруппы «гипертоников» и «гипотоников». Такое разделение должно улучшить функциональное состояние больных студентов, их физическую подготовку, а также профессионально-прикладные физические качества [1, 2]. В целом такой подход повышает функциональную готовность студентов к активной жизнедеятельности и высокопродуктивной деятельности в сложных современных условиях.

Нами опробована модульная организация учебного процесса: прочитаны лекции; проведены методико-практические занятия; представлены на обсуждение презентации по вопросу риска возможных заболеваний вегетативной нервной системы и их профилактики средствами физической культуры, ролевые игры в группах (для изучения воздействия физических упражнений на функциональное состояние организма), практические занятия по методике поэтапной программы оздоровительных физических упражнений, направленных на профилактику вегетативной дисфункции; проанализированы и использованы на практических занятиях методы контроля и самоконтроля за состоянием здоровья.

Первоначальное тестирование функционального состояния и физической подготовленности первокурсников показало во всех как контрольных, так и экспериментальных группах достаточно низкий уровень по всем показателям. Индекс Руфье в экспериментальных и контрольных группах составил 11,2 и 10,83, что соответствует только удовлетворительной работоспособности в низких пределах. Данный факт настораживает и подтверждает необходимость разработки новых подходов в методике физического воспитания

для укрепления адаптационных возможностей студентов с ослабленным здоровьем.

В результате проведенного опроса по определению стресс-коронарного профиля выявлено, что 26,1 % опрошенных студентов подвержены ишемической болезни сердца и сосудов мозга. Анкетирование показало достаточно высокий риск психофизических расстройств (36,9 %), связанных как с трудностями высокой интенсификации и информатизации учебного процесса, так и с адаптацией к новым профессиональным и бытовым условиям. Таким образом, более одной трети анкетированных студентов нуждаются в мерах по снижению психологических нагрузок, а около 42,5 % необходимо сменить образ жизни.

В связи с высоким риском возникновения у студентов психофизических расстройств возникла необходимость изучения проблемы депрессионного состояния студентов; для этого проведен дополнительный опрос студентов 1–4 курсов. Тесты «Выявление классической депрессии» и «Депрессия для массовых исследований и доврачебной диагностики» показали, что студенты разных возрастных категорий обладают различным психоэмоциональным состоянием – старшие более склонны к депрессии, чем младшие. Значит, необходимо дифференцировать физическую нагрузку, необходимы система психоэмоциональной разгрузки и профилактика депрессивных состояний.

Результаты медицинского осмотра в конце учебного года выявили положительную динамику функционального состояния у студентов экспериментальных групп, индекс Руфье составил 8,3 и 8,6. В контрольных группах наблюдается незначительное улучшение, показатель остался удовлетворительным, но в пределах высоких границ (10,1 и 10,5). Таким образом, функциональное состояние студентов экспериментальных групп указывает на более высокую работоспособность, готовность как к умственной, так и к физической

деятельности. Визуальные наблюдения за студентами в ходе практических занятий показали небольшую степень утомления при выполнении физических упражнений, об этом свидетельствовали нормальная окраска кожи лица или ее небольшое покраснение, незначительная потливость, учащение дыхания, отсутствие нарушения координации движений и нормальная бодрая походка, что характеризует положительную реакцию организма на физическую нагрузку.

Важно отметить, что рост показателя общей выносливости в экспериментальных группах выше (16 и 14 %), чем в контрольных (1 и 6 %). Тенденция также свидетельствует об улучшении функционального состояния сердечно-сосудистой системы, что характеризует повышение работоспособности и уровня здоровья студентов.

В экспериментальных группах значительно улучшился показатель силы мышц – 22 и 36 %, а в контрольных он составил 20 и 20 %. Рост показателя возможен при регулярности занятий, которая была бы невозможна при частых головных болях (при выполнении физических упражнений учитывались три основных правила, одним из которых было не заниматься физическими упражнениями, направленными на развитие силы даже при незначительной головной боли, чтобы исключить спазм сосудов головного мозга при натуживании). Рост данного показателя свидетельствует об улучшении состояния здоровья студентов.

Результаты анкетирования студентов экспериментальных групп в конце учебного года показали снижение симптомов начинающейся депрессии, эпизодов головной боли, состояния стресса. На занятиях студенты задавали вопросы по своему заболеванию, возможным

факторам риска заболевания, методам рационального питания, интересовались взаимосвязью между физическими упражнениями и функциональным состоянием организма, предлагали свои виды физических упражнений, обосновывая их результативностью и комфортными ощущениями.

В период эксперимента сформировалась научная студенческая группа, которая углубленно занималась проблемами оздоровительной физической культуры. Студенты активно участвуют в конкурсах научно-исследовательских работ, в университетских и международных научно-практических конференциях молодых ученых и студентов.

Таким образом, специальные физические упражнения для студентов с сосудистыми заболеваниями головного мозга позволяют индивидуализировать процесс физического воспитания, разделяя их на условные группы («гипертоники», «гипотоники»). Предложенные индивидуальные программы обеспечивают профилактику психофизического состояния студентов, повышают умственную и физическую работоспособность.

Компетенции студентов в области управления своим психоэмоциональным состоянием здоровья значительно повышают их работоспособность, что влияет на физическую подготовку и активную учебную деятельность.

Проведенные исследования показали эффективность предлагаемой технологии элективного курса, которая создает основу для творческого и методически обоснованного использования физкультурно-оздоровительной деятельности студентов, эффективно интегрирует в общий учебный процесс, повышает готовность студентов к активной жизнедеятельности и высокопродуктивному современному учебному труду. ■

Литература

1. Linkova-Daniels N. The problem of the students depression and Methods of its study // Инновационный транспорт. № 1 (11). 2014. С. 62–66. ISSN 2311-164X.
2. Ершова А. В., Линькова Н. А. Необходимость исследования психофизического состояния здоровья студентов и его профилактики // Инновации и перспективы физической

- культуры и спорта в современном обществе : м-лы III студенческой заочной Международной научной конференции : в 2-х т. – Иркутск : ФГБОУ НИ ИрГТУ. Т. I. 2014. С. 417–420.
3. Зязин С. В. Клинико-функциональные особенности нейроциркуляторной дистонии у лиц молодого возраста и некоторые методы ее коррекции : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. мед. наук. Саратов, 2005. 147 с.
 4. Соколов А. В., Ракита Д. Р., Соколов С. А., Свинцова С. Э. Нейроциркуляторная дистония: современный подход к диагностике и лечению на реабилитационном этапе // Вестник восстановительной медицины. 2009. № 2. С. 30–33. ISSN 2078-1962.
 5. Котова О. В. «Синдром менеджера»: от диагноза к лечению // Новая аптека. 2010. № 9. С. 20–21. ISSN 1609-2163
 6. Малиновский С. И., Зуева О. В., Линькова Н. А. Необходимость профилактики вегето-сосудистой дистонии у студентов / Состояние и перспективы развития студенческого спорта : м-лы Всерос. научн.-практ. конф. М. : ФГБОУВПО МГУПС/МИИТ, 2013. – С. 210–212.
 7. Линькова-Даниелс Н. А. A Method for organizing physical education learning process at health departments // Вестник УрГУПС. № 2 (26). 2015. С. 71–76. ISSN 2079-0392.
 8. Королева Д. О., Линькова Н. А. Исследование наличия генерализованного тревожного расстройства у студентов // Инновации и перспективы физической культуры и спорта в современном обществе : м-лы III студенческой заочной Международной научной конференции : в 2-х т. – Иркутск : ФГБОУ НИ ИрГТУ. Т. I. – 2014. – С. 286–290.
 9. Булгакова Д. А., Линькова Н. А. Изучение симптомов стресса у студентов в период интенсивного учебного труда // Физическая культура и спорт – основа здоровья нации : м-лы Международной студенческой научной конференции. Иркутск, 2015. – С. 706–708.
 10. Линькова Н. А. Методика оздоровительных физических упражнений при профилактике сосудистых заболеваний головного мозга : методические рекомендации для студентов специальной медицинской группы всех специальностей очного отделения. Екатеринбург : УрГУПС, 2012. 20 с.
 11. Линькова Н. А. Методика оздоровительных физических упражнений для студентов с сосудистыми заболеваниями головного мозга // Материалы 10-й школы-семинара анестезиологов-реаниматологов Тюменской области. Тюмень : ООО «Печатник», 2012. – С. 53–85.

References

1. Linkova-Daniels N. The problem of the students depression and Methods of its study // Innotrans. № 1 (11). 2014. S. 62–66. ISSN 2311-164Kh.
2. Ershova A. V., Linkova N. A. Neobkhodimost issledovaniya psikhofizicheskogo sostoyaniya zdorovya studentov i ego profilaktiki [The need for the study of psycho-physical state of health of students and its prevention] // Innovatsii i perspektivy fizicheskoy kul'tury i sporta v sovremennom obshchestve : m-ly III studencheskoy zaochnoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii : v 2-kh t. – Irkutsk : FGBOU NI IrGTU. T. I. 2014. S. 417–420.
3. Zyazin S. V. Kliniko-funktsionalnye osobennosti neyrotsirkulyatornoy distonii u lits mladogo vozrasta i nekotorye metody ee korrektsii: [Clinical and functional specifics of neurocirculatory dystonia in young age and some methods of its correction:] PhD in Medical Science Thesis. Saratov, 2005. 147 p.
4. Sokolov A. V., Rakita D. R., Sokolov S. A., Svintsova S. E. Neyrotsirkulyatornaya distoniya: sovremennyy podkhod k diagnostike i lecheniyu na rehabilitatsionnom etape [Neurocirculatory dystonia: a modern approach to diagnosis and treatment at rehabilitation stage] // Vestnik vosstanovitel'noy meditsiny. 2009. № 2. S. 30–33. ISSN 2078-1962.
5. Kotova O. V. «Sindrom menedzhera»: ot diagnoza k lecheniyu [«A manager syndrome»: from diagnosis to treatment] // Novaya apteka. 2010. № 9. S. 20–21. ISSN 1609-2163
6. Malinovskiy S. I., Zueva O. V., Linkova N. A. Neobkhodimost profilaktiki vegeto-sosudistoy distonii u studentov [The need for prevention of vascular dystonia among students] / Sostoyaniye i perspektivy razvitiya studencheskogo sporta : proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference. M. : FGBOUVPO MGUPS/MIIT, 2013. – S. 210–212.
7. Linkova-Daniels N. A. A Method for organizing physical education learning process at health departments // Herald of USURT. № 2 (26). 2015. S. 71–76. ISSN 2079-0392.

8. Koroleva D.O., Linkova N.A. Issledovanie nalichiya generalizovannogo trevozhnogo rasstroystva u studentov [Study of generalized anxiety disorder among students] //Innovatsii i perspektivy fizicheskoy kultury i sporta v sovremennom obschestve : m-ly III studencheskoy zaachnoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii : v 2-kh t. – Irkutsk : FGBOU NI IrGTU. T. I. – 2014. – S. 286–290.
9. Bulgakova D.A., Linkova N.A. Izuchenie simptomov stressa u studentov v period intensivnogo uchebnogo truda [Study of stress symptoms among students during intensive educational efforts] // Fizicheskaya kultura i sport – osnova zdorovya natsii : proceedings of International Student Scientific Conference. – Irkutsk, 2015. – S. 706–708.
10. Linkova N.A. Metodika ozdorovitelnykh fizicheskikh uprazhneniy pri profilaktike sosudistyx zabolevaniy golovnoy mozga : metodicheskie rekomendatsii dlya studentov spetsialnoy meditsinskoy gruppy vseh spetsialnostey ochnogo otdeleniya. [Methods of health-improving exercises for the prevention of cerebrovascular diseases: guidelines for students of special medical group of all full-time disciplines.] Ekaterinburg: USURT, 2012. 20 p.
11. Linkova N.A. Metodika ozdorovitelnykh fizicheskikh uprazhneniy dlya studentov s sosudistymi zabolevaniyami golovnoy mozga [Methods of health-improving exercises for students with cerebrovascular diseases] // Materialy 10-y shkoly-seminara anesteziologov-reanimatologov Tyumenskoj oblasti. Tyumen : OOO «Pechatnik», 2012. – С. 53–85.

Статья сдана в редакцию 25 июня 2015 года

Аспирантская тетрадь

УДК 332.145

А. В. Саломатов

Механизмы определения возможных приоритетов технологического развития региона

UDC 332.145

A. V. Salomatov

Tools to determine possible technological development priorities of a region

Аннотация

В статье рассматривается разработанный автором механизм определения приоритетов технологического развития на примере Свердловской области, основанный на учете интересов различных социальных групп, анализе мировых технологических трендов и наложении мировых трендов на сильные и слабые стороны региона для определения наиболее значимых направлений роста. Разработка метода проведена на основе материалов эмпирического исследования.

В настоящее время используются традиционные пути определения приоритетов технологического развития региона, которые не всегда носят привязку к международным технологическим трендам, также слабо учитывается видение различных социальных групп, которое зачастую отлочно от видения развития крупных финансово-промышленных структур. Таким образом, образуется перекос, который должен быть сглажен.

Представленная статья является продолжением работы автора в сфере определения приоритетов развития региона на примере Свердловской области. В статье рассматриваются механизмы определения возможных приоритетов технологического развития региона на основе форсайт-технологий, которые позволяют произвести последующее наложение технологических трендов на сильные и слабые стороны региона и определить те, в которых Свердловская область может быть лидером. Предложенные решения позволяют усовершенствовать традиционные механизмы и подходы в составлении документов стратегического планирования региона.

Ключевые слова: технологическое развитие, приоритеты развития, инвестиционная стратегия, форсайт, анализ трендов.

Summary

The article describes a tool developed by author for determining technological development priorities, on the example of Sverdlovsk Region, based on the interests of various social groups, the analysis of the global technological trends and matching strengths and weaknesses of the region against the global trends to identify the most important areas of growth. The method has been developed on the basis of empirical research.

Currently traditional ways of determining the technological development priorities of a region are used, which do not always take into account the global technological trends, and little consideration is given to the vision of various social groups, which is often different from the vision of large financial and industrial structures. Thus, a bias occurs, that must be smoothed.

The presented article is a continuation of the author's work in the field of determining the development priorities of a region on the example of Sverdlovsk Region. This article discusses the possible tools for determining the technological development priorities of a region based on foresight technologies that permit subsequent imposition of technological trends on strengths and weaknesses of the region to identify those where Sverdlovsk Region can be a leader. The proposed solutions can improve the traditional mechanisms and approaches in preparation of strategic planning documents of the region.

Keywords: technological development, development priorities, investment strategy, foresight, trend analysis.

Александр Владимирович Саломатов, аспирант; Институт экономики УрО РАН; Екатеринбург, Россия. E-mail: a.salomatov@mail.ru.

Alexander Vladimirovich Salomatov, Graduate Student; Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ekaterinburg, Russia. E-mail: a.salomatov@mail.ru.

Поскольку экономическая модель развития регионального уровня не может быть замкнута только на саму себя, на внутренние процессы и факторы развития, то, помимо текущего анализа процессов и факторов регионального развития, необходим анализ перспектив развития в привязке к мировым тенденциям.

Необходимо выявлять возможности регионального развития с учетом консенсуса между различными социальными группами, сформулировать альтернативы технологического развития. Для этого требуется внести некоторые коррективы в традиционные методы определения приоритетов технологического развития. Кроме традиционной оценки ресурсного потенциала региона необходимы: установки возможностей и угроз региональному развитию со стороны внешней среды, оценки ресурсного потенциала региона, требуется также наложение сильных и слабых сторон региона на новые возможности. Это позволит выявить направления развития региональной экономики, идентифицировать основную и дополнительные производственные функции экономики региона. Поэтому как итог формулирования стратегического выбора регионального развития необходимо дополнить традиционный подход в определении приоритетов технологического развития и задаться вопросом поиска нового. Для этого следует учитывать мировые тренды и тенденции, приоритеты инвестиционной политики ключевых мировых инвестиционных институтов, производить наложение сильных и слабых сторон региона на возможности и угрозы, которые открываются после наложения на них сильных мировых технологических трендов, проводить обоснование необходимости прогнозирования развития на основании современных технологических разработок.

Существуют разные методы определения направлений стратегического и технологического развития региона, большинство из которых основывается

на расчете специальных показателей и индексов (ВВП на душу населения, инвестиции в основной капитал, средний уровень заработной платы, индекс развития человеческих ресурсов, индекс производства продукции и другие). Основной недостаток этих методов заключается в узкой направленности используемых показателей (рентабельность, объём производимой продукции, количество патентов, издержки на научные инженерные и опытно-конструкторские разработки и др.). Основным минус использования существующей методики – она не даёт «проброса» в будущее, а описывает стратегический результат через сегодняшние показатели, базируясь на текущей аналитике. Не хватает абстрагирования от текущей ситуации и рассмотрения картины будущего без привязки к текущим показателям развития. Методы, которые могут применяться для осуществления такого «проброса» на несколько лет вперёд, – технологии форсайтов.

Технологии проведения форсайтов можно определить как разновидность организационно-деятельностных игр. Такие технологии имеют успешный опыт использования уже более 30 лет по всему миру и постепенно становятся мощным инструментом определения стратегий формирования будущего как в крупных корпорациях, отвечающих за целые технологические отрасли, так и в области государственного управления, науки и развития гражданского общества. Также следует отметить, что опыт использования таких технологий в нашей стране насчитывает ещё больший период, который берёт начало с первых трудов Г.П. Щедровицкого в середине XX века [1].

Как даёт определение Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов, форсайт – это интеллектуальная технология совместного проектирования будущего. Этот формат коммуникации позволяет участникам создать коллективный образ будущего и договориться о совместных действиях по его достижению. В отличие от

традиционного прогнозирования, технология форсайта является проактивной по отношению к будущим событиям. Это означает, что авторы и участники форсайта не просто оценивают вероятности и риски возникновения тех или иных событий, а проектируют свою текущую деятельность таким образом, чтобы усилить позитивные тренды и увеличить вероятность желаемых событий, и предупредить усиление отрицательных, нежелательных трендов [2].

Такая технология является одним из основных инструментов инновационных экономик Евразоны, США, Японии, Южной Кореи. В традиционных «больших» форсайтах участвуют тысячи экспертов, а их разработка занимает несколько лет. Но современный мир диктует быстрый темп прогнозирования событий будущего, позволяющий получать сопоставимые по точности прогнозы за гораздо более короткий срок и без многомиллионного бюджета. Основа методики быстрых форсайтов – это совместная работа участников на карте времени; работа не с текстами, а с образами и схемами. Целью является быстрое получение достоверной карты развития отрасли, проекта или территории. Форсайт намного лучше традиционных методик прогнозирования помогает выявить основные угрозы и возможности развития, необходимость учитывать которые нарастает с каждым годом в связи с ростом сменяемости технологий.

Применённая технология в исследовании: совокупность быстрого форсайта с экспертно-аналитической работой. Разработанная нами методика конструирования вариантов технологического развития испытана на примере Свердловской области. Был проведён опрос для постановки задачи

анализа, затем сформированы аналитические группы. В ходе работы группа 1 производила сбор актуальной информации о технологических трендах, группа 2 – анализ портфелей крупных мировых инвестиционных фондов. Затем мы взяли SWOT-анализ Свердловской области. Далее произвели перекрестное наложение технологических трендов на сильные и слабые стороны из SWOT-анализа региона, отсеяли неподходящие и зафиксировали оставшиеся для проверки следующего уровня. Проверка следующего уровня заключалась в наложении оставшихся технологических трендов на ресурсы развития региона. По итогам наложения 2-го уровня получены технологические тренды, в которых Свердловская область может получить высокий уровень развития и стать лидером. Следует отметить, что оценку по данной методике проводила фокус-группа, состоящая из молодёжи 18–35 лет, представителей науки и бизнеса (период работы фокус-группы: 01.03–01.04.2015), в ходе работы которой подтвердилось наше предположение: более важным для развития на период до 2030 года является не субсидирование традиционных видов промышленности 2,3,4 укладов* (как делается акцент в документах стратегического планирования**), а развитие новых технологий, создание инженерных решений и генерация новых идей. Это отметили 80 % участников рабочих групп. 60 % участников рабочих групп также отмечают важную роль промышленности для текущего развития, но не видят перспектив концентрации на 2,3,4 укладах до 2030 года. Однако 92 % участников рабочих групп отметили тезис «Свердловская область – опорный край державы» как приемлемый

* Второй технологический уклад основан на применении энергии пара и угля; его основные отрасли – транспорт и черная металлургия. Третий технологический уклад основан на использовании электрической энергии; его основными отраслями являются тяжелое машиностроение, электротехническая промышленность, ориентированные на переход к автоматизированным системам производства. Четвертый технологический уклад базируется на энергии углеводородов; его основными отраслями являются автомобилестроение, цветная металлургия, нефтепереработка, производство синтетических полимерных материалов, ориентированные на массовое и серийное производство.

** Стратегия социально-экономического развития Свердловской области до 2030 г. и др.

и нужный. Анализ показывает, что стереотипизированное определение Свердловской области как исторически старопромышленного региона имеет вероятность восприниматься в будущем в ином ракурсе: «опорность» Свердловской области должна будет выражаться в лидерстве, в новых технологических укладах. Тогда сохраняется присущая нашему региону «опорность» с учётом интересов различных социальных групп, что создаст плодотворную почву для последующей разработки стратегических документов, которые будут приняты и обществом. Участники рабочих групп дополнительно отмечают, что для поступательного развития региону необходимо использовать промышленную базу как «дойную корову» (из формулировок «Матрицы БКГ»^{*}), срок эксплуатации которой при возрастании темпов износа основных фондов и низких капитальных вложениях не продлится более 20–30 лет (по различным оценкам аналитиков). Исходя из использования этого инструмента зона «дойных коров» не является рывком для роста, а служит поддерживающей для экономики зоной. Зоной роста по этому инструменту выступают раздел «звёзды» и «тёмные лошадки».

Далее нами была организована стратегическая сессия с использованием методов игротехники и мозгового штурма для определения возможностей развития Свердловской области. Для этого фокус-группа установила необходимость анализа мировых трендов (это отметили 92 % участников).

Применение трендового анализа для проектирования будущего региона в рамках стратегирования Свердловской области заключалась в проведении контентного поиска и сбора данных от

информационных агентств (Reuters, Bloomberg, РИА «Новости», РБК), анализе инвестиционных портфелей крупнейших мировых инвестиционных фондов, в которых концентрация активов, относящиеся к 5-му и 6-му технологическим укладам, достигает 90 %, а поскольку инвестиционные фонды являются механизмом агрегации наиболее быстрорастущего капитала, то следует заключить, что максимальный рост в ближайшем будущем начнется именно в этих секторах, следовательно, не учитывать эти факторы в приоритетах стратегирования мы не можем.

Однако следует отметить, что методология тренда ограничена. Нами предлагается определять тренд как возможный прогноз в рамках неизменности тенденции. То есть тренд находится в некотором подчинении тенденции и при изменении тенденции есть риск корректировки тренда. Это допущение принимается в исследовании как одна из характеристик тренда.

Тренды позволяют определить систему взаимосвязанных приоритетов, произвести концептуальное обоснование приоритетов инвестиционной стратегии (как элемента выбора пути технологического развития).

Методологически был произведён анализ инвестиционных портфелей ключевых мировых инвестиционных фондов. По итогам анализа приоритетов инвестирования успешных мировых инвестиционных фондов установлены укрупнённо следующие приоритетные мировые тренды: альтернативная энергетика; финансовые сервисы; технологии, связанные со здоровьем; интернет-сервисы и мобильный сектор, космические технологии. Примером инвестирования

* Матрица БКГ (англ. BCG matrix) – инструмент для стратегического анализа и планирования в маркетинге. Создана основателем Бостонской консалтинговой группы Брюсом Д. Хендерсоном [4] для анализа актуальности продуктов компании исходя из их положения на рынке относительно роста спроса данной продукции и занимаемой выбранной для анализа компанией доли на рынке.

Данный инструмент теоретически обоснован. В его основу заложены две концепции: жизненный цикл товара и эффекта масштаба производства или кривой обучения.

На матрице по осям отображаются рост спроса (вертикальная ось) и доля рынка (горизонтальная). Сочетание оценок этих двух показателей даёт возможность классифицировать товар, выделив четыре возможные роли товара для производящей или продающей его компании.

в вышеуказанные направления служит успешная работа инвестиционного фонда Sequoia Capital, инвестиционный портфель которого в разное время включал самые успешные компании-стартапы Кремниевой долины и всего мира (Apple, Google, AirBnb, PayPal, Cisco Systems, Oracle, Yahoo, Tesla Motors и многие другие, которые демонстрировали быстрый рост за счёт технологического рывка и опережения рынка). Общая капитализация компаний, с которыми работал фонд, на май 2014 г. составляет 1,4 трлн долл. (22 % от капитализации всех компаний крупнейшей технологической биржи Nasdaq) [5].

Чтобы включить Свердловскую область в глобальную технологическую гонку, необходимо учитывать приведенные выше международные инвестиционные ориентиры. Безусловно, подходы, использованные в исследовании, не могут применяться в отрыве от региональной привязки, и за базис требуется принимать текущее положение регионального развития. Отмечается серьезная необходимость усовершенствования стратегирования отраслей энергетики и транспорта как одних из жизненно-необходимых на текущем этапе развития для Свердловской области, ситуация, рассматриваемая в статье, отражает кризисный период 2008–2009 гг., что некоторым образом связано с ещё незавершенным кризисным периодом 2014–2015 гг. Некоторые положения могут быть полностью актуализированы: «Второй год экономика страны живет в условиях мирового кризиса, в ходе которого впервые Россия оказалась остро зависимой от цикличности

конъюнктуры мирового капитализма. Стала явной непрочность набранной в предшествующие годы положительной экономической динамики, во многом построенной на благоприятном для экспорта сырья и энергоносителей ценовом всплеске. А теперь необходимы антикризисные меры с их неизбежной корректировкой всех расходов.

Однако кризисы проходят, а мир возвращается к экономическому росту обновленным, с новыми лидирующими центрами, с перераспределенными ресурсами развития» [6].

Именно перераспределение ресурсов развития и направление их на технологический рывок по приемлемым для региона направлениям должно получить в нашем обществе внимание и приоритет. Речь идет об антикризисных мерах стратегического среднесрочного и долгосрочного характера. Суть их в том, что системные проблемы развития страны и ее регионов нужно решать без перерывов на кризис конъюнктурный, поскольку от этого зависит возрождение после кризиса системного, в котором была и продолжает быть постсоветская Россия. За прошедший период мало что изменилось в выборе приоритетов стратегического и технологического развития. Некоторые перспективные и необходимые пути так и не нашли отражения в документах стратегического планирования, поэтому сейчас требуется приложить усилия всех заинтересованных сторон для мобилизации ресурсов и создания плана поступательного взвешенного и сбалансированного развития с учетом мировых технологических трендов. ■

Литература

1. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра : сборник текстов (2) / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 9 (2) М. : Наследие ММК. 2005. – 320 с.
2. Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов. URL: <http://www.asi.ru/molprof/foresight/> (дата обращения: 01.07.2015).
3. Глазьев С. Ю. Экономическая теория технического развития. – М. : Наука, 1990. – 310 с.
4. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского / Котлер Ф., Келлер К. Л. СПб: Питер, 2010. – 814 с.
5. РБК Инновации. Sequoia Capital. URL: http://i.rbc.ru/organization/item/sequoia_capital (дата обращения: 15.05.2015).

6. Петров М. Б. Приоритеты развития в условиях кризиса и после него // Вестник УрГУПС. 2009 № 2. С. 12–17. ISSN 2079-0392.

References

1. Schedrovitskiy G. P. Organizatsionno-deyatelnostnaya igra : sbornik tekstov (2) [Organizational and activity game: a collection of texts]/Iz arkhiva G.P. Schedrovitskogo. T. 9 (2) M. : Nasledie MMK. 2005. – 320 p.
2. Agentstvo strategicheskikh initsiaiv po prodvizheniyu novykh proektov. [Strategic Initiatives Agency for the promotion of new projects.] URL: <http://www.asi.ru/molprof/foresight/> (date accessed: 01.07.2015).
3. Glazev S. Yu. Ekonomicheskaya teoriya tekhnicheskogo razvitiya. [economic theory of technological development.] – M. : Nauka, 1990. – 310 p.
4. F. Kotler Marketing Management / per. s angl. edited by Yu. N. Kapturevskogo / F. Kotler, K. L. Keller / SPb : Piter, 2010. – 814 p.
5. RBK Innovatsii. [RBC Innovations.] Sequoia Capital. URL: http://i.rbc.ru/organization/item/sequoia_capital (date accessed: 15.05.2015).
6. Petrov M. B. Prioritety razvitiya v usloviyakh krizisa i posle nego [Development priorities amidst crisis and after] // Herald of USURT. 2009 № 2. S. 12–17. ISSN 2079-0392.

Статья сдана в редакцию 15 августа 2015 года

Окончание следует.